Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (52)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2018

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 4 (52). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 152 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2018

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 4 (52)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2018

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 4 (52). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2018. – 152 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof .; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov - D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Иваньковский С.Л., Гриневич Ю.А. Оценка научно-инновационного развития Нижегородской области 7
Костригин Р.В., Яшин С.Н. Применение модели множественной регрессии для оценки экономического развития территориальных кластеров Нижегородской области 15
Мансуров Р.Е. Технико-экономический анализ возможностей свеклосахарного подкомплекса Нижегородской области по выработке биогаза 23
Трофимов О.В., Костырев А.П., Стрелкова Л.В., Макушева Ю.А. Взаимосвязь научно-технической, промышленной и инновационной политики на федеральном и региональном уровнях 30
Фролов В.Г., Захаров В.Я., Каминченко Д.И., Павлова А.А. Системные эффекты развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» 40

Социологические науки

Аникеева О.А., Сизикова В.В., Фомина С.Н. Игровые технологии в профессиональном обучении специалистов социальной сферы: специфика, потенциал, алгоритм организации 48
Майорова-Щеглова С.Н. Социальные факторы, влияющие на деструктивность детско-родительских отношений в современных семьях с подростками 55
Колесникова Е.М. Российские учителя и воспитатели: особенности «женской» занятости и внутрипрофессиональная дифференциация 62
Полянина А.К. Исследование моделей фильтрации вредной для детей информации на основе сравнения подходов, используемых в зарубежных странах 70
Птицына Н.А. Освоение пожилыми людьми компьютерной грамотности: гендерный аспект 81
Зубкевич Л.А. Взаимосвязь социологических методик измерения бедности и развития человечества 90
Балезина Е.А. Положение молодого преподавателя вуза в условиях модернизации высшего образования: риски и их восприятие 99
Безруков А.В. Социальное самоопределение молодежи в современном российском обществе 109
Лебедева Л.Г. Социализация личности в дискурсе преемственности поколений 116

Педагогические науки

Валеева Р.Р., Давыдов А.Е. Игровые формы профориентационной работы 126
Воскресенская Н.Г., Кузнецова Н.А. Педагогические методы и креативные технологии формирования некоторых общих и профессиональных компетенций магистров-политологов 134
Квашнин С.С. Профессионально-общественная аккредитация образовательных программ финансовой направленности 139
Соколов В.М. Возможности оптимизации содержания математических дисциплин в подготовке бакалавра-экономиста 148

CONTENTS

Economic sciences

Ivankovsky S.L., Grinevich Yu.A. Assessment of innovation development in the Nizhny Novgorod region 7
Kostrigin R.V., Yashin S.N. Application of the multiple regression model for estimating economic development of territorial clusters in the Nizhny Novgorod region 15
Mansurov R.E. Feasibility study of biogas production in the sugar beet subcomplex of the Nizhny Novgorod region 23
Trofimov O.V., Kostyrev A.P., Strelkova L.V., Makusheva Yu.A. The interrelation of scientific and technical, industrial and innovation policy at the federal and regional level 30
Frolov V.G., Zakharov V.Ya., Kaminchenko D.I., Pavlova A.A. Systemic effects of complex economic systems development in accordance with the Industry 4.0 concept 40

Sociological sciences

Anikeeva O.A., Sizikova V.V., Fomina S.N. Game technologies in professional training of specialists for the social sphere: specific features, potential, organization algorithm 48
Mayorova-Shcheglova S.N. Social factors affecting the destructive nature of child-parent relationship in modern families with teenagers 55
Kolesnikova E.M. Russian school and preschool teachers: peculiarities of the «female» employment and intra-professional differentiation 62
Polyanina A.K. Studying models of filtering information harmful for children based on the comparison of approaches used in foreign countries 70
Ptitsyna N.A. Computer literacy acquisition by the elderly: gender perspective 81
Zubkevich L.A. Interrelation of sociological methods for measuring poverty and human development 90
Balezina E.A. The status of a young university teacher in the conditions of modernization of higher education: risks and their perception 99
Bezrukov A.V. Social self-determination of youth in the contemporary Russian society 109
Lebedeva L.G. Socialization of personality in the discourse of the continuity of generations 116

Pedagogical sciences

Valeeva R.R., Davydov A.E. Career guidance in the form of games 126
Voskresenskaya N.G., Kuznetsova N.A. Pedagogical methods and technologies for developing certain general and professional competences of masters students in political science 134
Kvashnin S.S. Professional and public accreditation of educational programs in the area of finance 139
Sokolov V.M. Opportunities for optimizing the content of mathematical disciplines in the preparation of bachelor economists 148

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 332.05

ОЦЕНКА НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 г.

С.Л. Иваньковский, Ю.А. Гриневич

Иваньковский Сергей Львович, к.э.н.; доцент кафедры экономики фирмы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lew1968@mail.ru
Гриневич Юлия Анатольевна, к.э.н.; доцент кафедры мировой экономики и региональных рынков
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
julia-grinevich@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.10.2018
Статья принята к публикации 31.10.2018

Рассматривается актуальная тема оценки инновационного развития Нижегородской области. Анализируются текущее состояние и основные показатели инновационной деятельности, такие как количество и структура созданных инноваций, численность персонала, вовлеченного в инновационную деятельность, затраты на исследования и разработки, экспорт и импорт технологий, количество патентных заявок, уровень инновационной активности предприятий и организаций в Нижегородском регионе. Приводятся проблемы, возникающие при реализации инновационной деятельности на региональном уровне, а также анализируются стратегические приоритеты инновационного развития на региональном и федеральном уровнях. Делается вывод о том, что научные исследования и разработки являются значимой отраслью развития экономики на региональном уровне, способствующей устойчивому экономическому росту.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационный потенциал, финансирование инноваций, отрасль научных исследований и разработок, экономика знаний, инновационная активность, стратегии инновационного развития.

Введение

На протяжении современной истории РФ попытки государства вывести экономику на принципиально новый уровень технологического развития не увенчались внушительным успехом в большинстве отраслей хозяйства. Двигателем экономики знаний и инновационного развития является современная наука. Различные подходы к оценке эффективности работы научных организаций пока не отражают реальной картины экономики знаний, что связано в России со слабым процессом внедрения инновационных разработок. Поэтому целью исследования данной статьи является оценка инновационной сферы Нижегородской области. Для достижения цели ставились следующие задачи: определить степень государственного вмешательства или невмешательства в науку, а также степень их влияния на конечные результаты; оценить возможность преодоления барьера реализации на практике научных результатов с помощью значительных финансовых вложений в реальный сектор экономики, как со стороны частных инвесторов, так и со стороны государства. В ходе исследования использовались статистический, аналитический, дескриптивный методы анализа. При этом стоит отметить, что современные теоретические концепции глобальной экономики не рассматривают науку как отрасль, даже с позиции теории услуг, что является недопустимым, т.к. перифрастический подход так и будет доминирующим.

В настоящее время во многих регионах реализуется стратегия нового технологического развития, что способствует формированию национальной инновационной системы страны в целом. Процессы научно-технического развития, происходящие в каждом из регионов, определяются особенностями и возможностями территории, главную роль здесь играют технологические, трудовые, ресурсные, экономические и другие факторы.

Нижегородский край имеет ключевое значение в экономике РФ, на протяжении последних пяти лет находится на 14-й позиции по величине ВРП. При этом он не имеет таких мощных финансовых факторов, как у Москвы и Санкт-Петербурга, и ресурсного преимущества, как у Тюменской области и Красноярского края. Основа экономиче-

Таблица 1

Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, по типам организаций

Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, – всего (ед.)	90	92	93	87	94	93	101	96
в том числе по типам организаций:								
научно-исследовательские организации	33	33	33	33	39	38	39	36
конструкторские, проектно-конструкторские, технологические организации	23	23	24	20	20	20	20	19
образовательные учреждения высшего образования	13	13	15	12	14	14	19	17
промышленные организации, имевшие научно-исследователь-кие, проектно-конструкторские подразделения	20	20	17	17	16	16	18	19
прочие организации	1	3	4	5	5	5	5	5

Источник: [6].

Таблица 2

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, – всего	40909	40636	39902	40882	41513	39703	39941	41427
в том числе:								
исследователи				18460	18667	18099	18330	18634
техники				1996	2067	1808	1722	1990
вспомогательный персонал				14856	14315	13718	13645	14153
прочий персонал				5570	6464	6078	6244	6650

Источник: [6].

ского развития земли Нижегородской – высокотехнологичная промышленность, составляющая более трети в структуре ВРП области.

Экономика Нижегородского региона характеризуется диверсифицированной наукоемкой, высокотехнологичной промышленностью, в частности высокоразвитым оборонно-промышленным комплексом и высокоточным приборостроением, авиа- и судостроением, атомным проектированием, радиотехнологиями и прочим.

Стратегическое развитие вышеуказанных сфер является приоритетными направлениями, сформулированными и реализуемыми руководством региона. Достижение высоких показателей уровня и качества жизни жителей Нижегородской области, а также другие долгосрочные приоритеты и цели были сформулированы в стратегии развития земли Нижегородской, утвержденной в 2006 г. Среди приоритетов выделены три основных: инновационное развитие, создание автомобильного кластера, позиционирование области как центра производства и дистрибуции товаров массового спроса [1].

Анализ научного потенциала как фактора инновационного развития региона

Был проведен анализ динамики за 2009–2016 г. основных показателей инновационного развития региона, который показал, что Нижегородская область занимает одно из ведущих мест в России по инновационной активности.

Данные об организациях, вовлеченных в научные исследования и разработки, количество работников, занятых в сфере науки, затраты на научные исследования позволяют сделать вывод о том, что за 2009–2016 гг. их показатели в целом возросли (табл. 1). При этом положительная тенденция наблюдается в научно-образовательной сфере и отрицательная в промышленности [2].

В 2015 году на территории региона 101 организация была вовлечена в проведение научных исследований и разработок. Основными участниками явились научно-исследовательские институты (НИИ) и организации, их доля составила 38.6% от общего числа. Научные исследования и разработки являются основным видом деятельности данных организаций. В сфере высокотехнических производств научно-технические сегменты достигают 36.6%, научно-исследовательские сегменты высшего образования – 18.8%, прочих организаций – 5.9%.

Анализ численности персонала, занятого в научных исследованиях и разработках, показывает отрицательную динамику (табл. 2).

В 2014 году количество лиц, вовлеченных в разработки и научные исследования, снизилось,

Таблица 3

Внутренние затраты на научные исследования и разработки в разрезе источников финансирования, а также доля затрат в валовом региональном продукте

Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб.	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
	24697.4	31361.4	36250.5	44524.0	43268.4	58507.8	65584.1	77751.7
В т.ч. по источникам финансирования								
средства бюджетов всех уровней		20638.2		29136.2	28170.7	44756.2	52559.4	64348.2
собственные средства научных организаций		3070.8		5464.6	5068.5	6453.5	8651.4	8596.1
средства внебюджетных фондов		3869.0		3117.1	2758.1	2156.0	213.5	243.4
средства организаций предпринимательского сектора		3167.7		4259.8	5619.4	4499.9	4047.2	4485.5
средства образовательных организаций высшего образования		20.6		4.4	20.5	62.3	36.9	23.7
средства частных некоммерческих организаций		1.5		2.3	2.4	2.1	35.2	18.2
средства иностранных источников		593.6		2539.6	1628.8	577.8	40.5	36.6
Доля затрат на научные исследования и разработки в общем объеме валового регионального продукта, %	4.5	4.8	4.7	5.3	4.7	5.8	6.1	6.6

Источник: [6].

при этом в Нижегородской области данный показатель составляет 113 исследователей на 10000 населения, что почти в 2 раза выше, чем в среднем по России (66 исследователей на 10000 чел. населения). Анализируя показатель внутренних затрат на научные исследования и разработки в процентах к ВРП, можно сделать вывод, что их уровень колеблется незначительно в рассматриваемый период, а в стоимостном выражении значительно растет. В 2015 году значение данного показателя превышает среднероссийский уровень более чем в 3 раза и составляет 6.1% (табл. 3) [3].

Таким образом, имеющийся в нашей области уникальный научно-инновационный потенциал позволяет удерживаться на лидирующих позициях в Приволжском федеральном округе и России в целом в сфере экономических интересов инновационного развития.

Одним из результатов научно-исследовательской деятельности организаций становится разработка, проектирование и использование передовых производственных технологий (табл. 4). В современных экономических условиях рынок товаров, работ и услуг требует от предприятий и организаций введения в эксплуатацию наиболее перспективных технологий и разработок, а также своевременного отказа и замены устаревших технологий, что соответствует национальным интересам.

Как следует из представленной таблицы 4, количество используемых передовых производственных технологий значительно превышает количество разработанных. В 2014 году количество разработанных ППТ достигло своего пика, и из 76 разработанных передовых производственных технологий 71 ППТ не имела отечественных аналогов и 5 ППТ являлись принципиально новыми. Впервые они были созданы на территории РФ, их характеристики соответствовали или превосходили требования мировых стандартов.

По итогам 2016 года количество ППТ в Нижегородской области составило 10722 единицы (на 2009 год пришлось рекордное количество используемых ППТ), что свидетельствует о более чем двухкратном снижении используемых передовых производственных технологий. Ос-

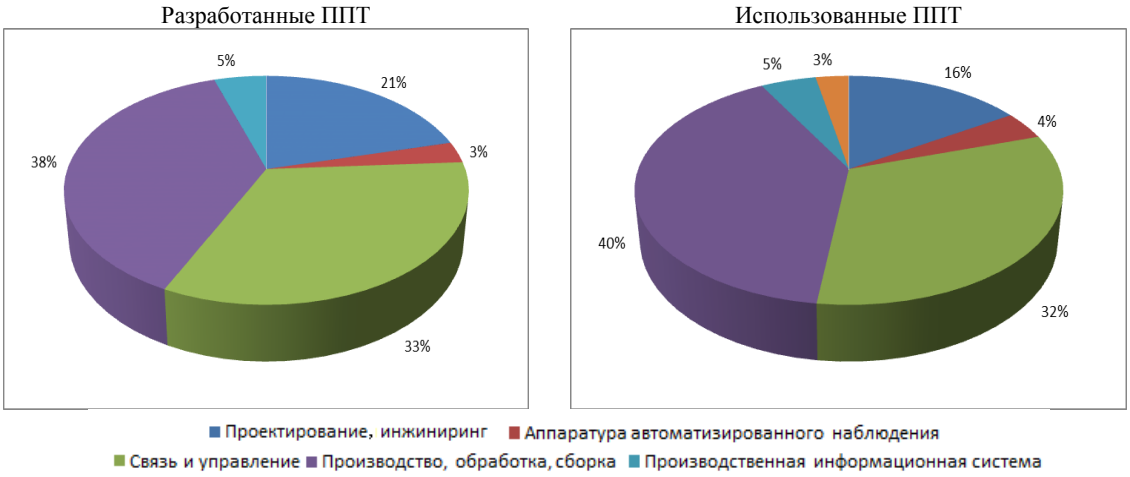


Рис. 1. Структура разработанных и использованных ППТ в Нижегородской области в 2016 году

Таблица 4

Количество разработанных и используемых передовых производственных технологий

2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Разработано ППТ							
64	37	47	67	64	76	64	61
Использовано ППТ							
22126	14637	12781	11092	11440	11423	11632	10722

Источник: [6].

новная доля используемых ППТ была приобретена организациями области на территории России – 64.1% (6874 единицы), за рубежом – 22.2% (2383 единицы). К сожалению, такая тенденция может свидетельствовать о стагнации в экономическом развитии региона, не соответствующей национальным интересам.

В 2016 году наибольшее количество передовых производственных технологий (рис. 1) было разработано в группах «Проектирование и инжиниринг» (13 ППТ), «Производство, обработка и сборка» (23 ППТ) и «Связь и управление» (20 ППТ).

Среди используемых передовых производственных технологий в 2016 году (рис. 1) доминирующую роль играли технологии группы «Производство, обработка и сборка» – 39.6%, которые включают передовые лазерные и безлазерные технологии для обработки материалов, цифровое оборудование с компьютерным управлением, простых и сложных роботов [4].

Второй по значимости сферой применения передовых технологий является «Связь и управление»: она составила в 2016 году 32.8% от всех используемых технологий. В ее рамках для обмена технической, технологической и проектно-конструкторской информацией специально создаются локальные сети, предприятия активно внедряют компьютерные и другие технологии для автоматизации производственного процесса.

В 2016 году 15.8% используемых ППТ представлены технологиями для контроля за производственным оборудованием и компьютерного проектирования, роль и доля которых постоянно возрастает.

Рассматривая экспорт и импорт технологий (табл. 5), следует отметить значительное превышение (почти в 2 раза) количества ввозимых технологий, что может создать угрозы экономической безопасности государства в современных экономических условиях.

Оптимизм внушает общая стоимость соглашений по экспорту технологий с зарубежными странами, которая в значительной степени превышает суммарную стоимость соглашений по импорту. Это свидетельствует о высоком научном и инновационном потенциале Нижегородской области и о зарождающемся рынке интеллектуальной собственности в нашей стране.

Анализ выявил, что количество поданных заявок и выданных патентов в относительных цифрах в последнее время имеет тенденцию к снижению (табл. 6). При этом возрастает доля выданных патентов на полезные модели в общей численности выданных патентов. Следует также отметить отрицательную тенденцию соотношения выданных патентов в общем числе поданных патентных заявок начиная с 2014 г.

Обследованием инновационной деятельности в 2013 году было охвачено 1036 организаций Нижегородского региона, из них 15.4% (160 организаций) внедрили организационные и технологические инновации, при этом их доля в общем числе обследованных организаций,

Таблица 5

Торговля технологиями с зарубежными странами по объектам сделок в 2016 году

	Экспорт			Импорт		
	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. $	Поступление средств за год, тыс. $	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. $	Выплаты средств за год, тыс. $
Всего из них по объектам сделок:	85	24226882.5	573139.8	157	85901.4	29704.8
Патентная лицензия на изобретения	2	н/д	н/д	16	2859.1	3492.7
Товарный знак	5	213.3	76.4	14	2761.1	5933.4
Инжиниринговые услуги	55	24162243.2	545943.6	71	71524.2	12741.6
Научные исследования	19	54803.0	17487.7	32	912.5	1143.1

Источник: [6].

Таблица 6

Поступление патентных заявок и выдача патентов в Нижегородской области, %

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Подано патентных заявок	100	100	100	100	100	100	100	100
На изобретения	100.0	49.4	52.1	57.5	52.4	58.3	57.6	67.4
Полезные модели	0.0	43.4	42.3	34.7	41.6	37.3	38.3	28.9
Промышленные образцы	0.0	7.2	5.6	7.8	6.0	4.4	4.0	3.7
Выдано патентов	100	100	100	100	100	100	100	100
На изобретения	100.0	49.6	47.2	48.2	47.2	54.7	63.7	60.9
Полезные модели	0.0	42.6	45.9	44.7	44.1	38.5	31.1	34.6
Промышленные образцы	0.0	7.8	6.9	7.1	8.7	6.8	5.2	4.5

Источник: расчеты авторов на базе [6].

Рис. 2. Структура организаций, осуществлявших инновационную деятельность в 2016 г., по видам экономической деятельности, %

осуществляющих инновационную деятельность, имеет незначительную тенденцию к снижению (табл. 7), но все же превышает общероссийский средний показатель инновационной активности в 1.5 раза [5].

Структура организаций, реализующих инновации, по видам экономической деятельности представлена на рисунке 2.

Зафиксировано, что доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей, вовлеченных в инновационную деятельность, составила 23.7%. При анализе показателя «Доля инновационного производства» следует отметить негативную тенденцию: в 2014 году показатель составлял 21.3% и сократился в 2016 году до 17.7%. При этом показатель Российской Федерации в целом составляет лишь 8.4%, что в два раза ниже показателя по Нижегородской области. При ранжировании регионов РФ Нижегородская область по данному показателю занимает среди крупнейших территорий 5-е место, а в целом по России находится на 7-м месте [3].

Таблица 7

Уровень инновационной активности организаций

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Уровень инновационной активности организаций, %, всего	18.4	17.7	17.7	14.7	15.4	14.3	н/д	н/д
Добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды	н/д	20.4	н/д	14.6	15.8	15.6	13.9	14.9

Источник: [6].

Таблица 8

Объем и удельный вес в общем объеме инновационных товаров, работ и услуг (без НДС, акцизов и аналогичных платежей), %

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Объем отгруженных инновационных товаров	100	100	100	100	100	100	100	100
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций	6.5	10.2	17.1	17.0	18.1	21.3	15.8	17.7

Источник: [6].

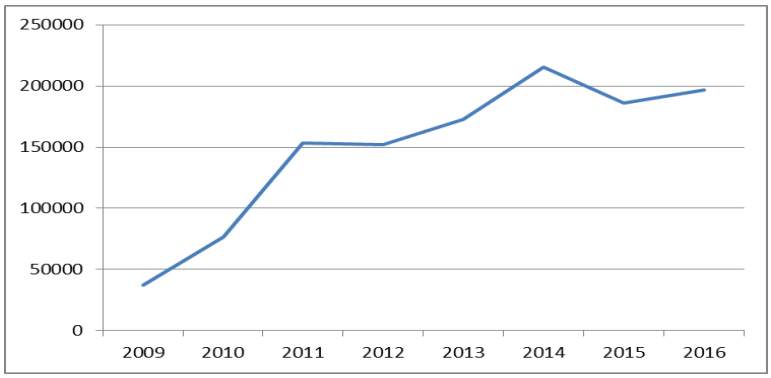


Рис. 3. Объем отгруженных инновационных товаров, млн руб. [6]

Объем отгруженных инновационных товаров имеет тенденцию к росту (рис. 3), хотя его удельный вес в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг составляет не более 20% (табл. 8).

Установлено, что в общей сумме затрат 99.5% было направлено на технологические и организационные инновации. Лидером в структуре технологических инноваций с показателем 49.5% является категория «Исследования и разработки новых продуктов и методов их производства», на втором месте с долей 31.0% стоит «Приобретение машин и оборудования для новых производственных процессов», замыкает список лидеров «Разработка новых производственных процессов», в частности дизайн и производственное проектирование, доля которого составляет лишь 8.6%.

Главный источник финансирования технологических инноваций в 2016 году – собственные средства предприятий (60.1%). Федеральный бюджет профинансировал 20.2% технологических нововведений, с привлечением займов – 9.3% (рис. 4) [6].

Отмечено, что с 2014 года снижается уровень затрат на технологические инновации: отмечается явный перекос в сторону приобретенных новых технологий, что, по нашему мнению, свидетельствует о приоритете открытого типа инноваций у организаций, занимающихся инновационной деятельностью. Необходимо отметить, что в последние годы доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте выросла на 9.4%, тогда как по России – на 3.7%. По величине высокотехнологичного и наукоемкого сектора экономики Нижегородский регион вышел на 4-е место по России в 2017 году (поднявшись с 10-го места в 2011 году), поэтому поддерживать высокие темпы его роста будет все сложнее.

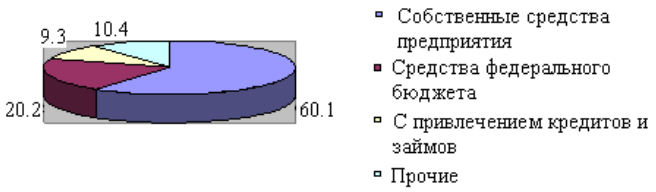


Рис. 4. Структура затрат на технологические инновации по источникам финансирования в 2016 году [6]

Заключение

Полученные результаты исследования показателей результативности отечественной науки свидетельствуют, что отрасль научных исследований и разработок сильно монополизирована. Лидером по основным показателям эффективности научной деятельности является Министерство науки и высшего образования РФ (с 15 мая 2018 г. ФАНО вошло в состав министерства). Это является результатом целенаправленной государственной поддержки данных ведомств, основным видом деятельности которых является процесс производства новых знаний. Данный итог позволяет констатировать, что гипотеза, высказанная в начале исследования, верна: доля государства в определении национального развития науки и инноваций доминирующая. Высоки также нестратегические барьеры для входа в отрасль (обеспеченность научными кадрами, нехватка собственных средств на проведение исследований и недостаток государственной поддержки, высокие трансакционные издержки, связанные с охраной прав собственности на изобретения и полезные модели, а также разрыв связи с реальным сектором экономики).

Отсюда вытекают основные проблемы сферы научных исследований и разработок: государство разрабатывает стратегии инновационного развития РФ, обозначая приоритеты научно-технологического развития, и вкладывает в отрасль немалые средства, а ведомства, отвечающие за воплощение этих идей в жизнь, в силу изменчивости факторов внешней и внутренней среды, неповоротливости бюрократической системы, несовершенства законодательной базы и отсутствия доверия между властью и научным сообществом, не могут в полной мере претворить эти идеи в реальную жизнь. Остро стоит проблема дефицита научных кадров. В России слабо развита система государственно-частного партнерства. Венчурные фонды находятся в зачаточном состоянии, их реальная деятельность в масштабах страны достаточна низка, поэтому в рамках данного исследования их роль не учитывалась. Для активного становления сферы научных исследований и разработок и получения конкурентного преимущества России на мировой арене необходимо развитие рынка интеллектуальной собственности.

Подтверждено предположение, что перифрастический подход к науке сохраняется и изменить его достаточно трудно. Для развития инновационной сферы и решения назревших проблем государство активно разрабатывает стратегии как на федеральном, так и на региональном уровнях, в частности Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации, также на региональном уровне начата работа по формированию Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области [7, 9].

Государство нацелено на создание и развитие производств с инновационной направленностью, а также на приобретение и продвижение инновационной продукции, созданной на территории РФ. Указом президента о Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [8] определен перечень приоритетных направлений в развитии инновационной деятельности, также в целях реализации отдельных направлений финансируется воплощение в жизнь новых проектов. В частности, для выявления талантливой молодежи, ее профориентации и первичной подготовки на территории России создаются детские технопарки «Кванториум», что позволяет выявить талантливую молодежь, осуществить ее подготовку по перспективным наукоемким технологиям и подготовить кадровый резерв для отечественной промышленности и науки [10]. Государство также создает инфраструктуру инновационной деятельности, поддерживает лидирующие научно-исследовательские центры. Все вышеуказанные мероприятия способствуют повышению инновационного потенциала Российской Федерации и стимулированию национального роста.

Список литературы

1. Об утверждении Концепции инновационного развития Нижегородской области до 2020 года. Постановление Правительства Нижегородской области от 31 июля 2013 года № 504 [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru (дата обращения: 03.09.2018).

2. Васильева Н.Ф., Кавура В.Л. Модели инновационного развития экономики: зарубежный опыт реализации // Вестник Института экономических исследований. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru (дата обращения: 12.09.2018).

3. Иваньковский С.Л., Шагалова О.А. Направления решений кадровых проблем российского рынка труда для создания инновационной экономики. Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 771–777.

4. Отчет Губернатора о результатах деятельности правительства НО в 2016 году [Электронный ресурс]. URL: https://government-nnov.ru/?id=196762 (дата обращения: 12.10.2018).

5. Гриневич Ю.А. Инновационная инфраструктура как основа формирования региональных инновационных кластеров в Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3-3. С. 67–71 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21095602 (дата обращения: 03.05.2018).

6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области (Нижегородстат). Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/ru/statistics/db/ (дата обращения: 15.09.2018).

7. Стратегия развития Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: https://strategy.government-nnov.ru (дата обращения: 10.09.2018).

8. Указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://sntr-rf.ru/upload/iblock/c80/Указ%20Президента%20РФ%20о%20Стратегии%20научно-технологического%20развития%20Российской%20Федерации.pdf (дата обращения: 13.09.2018).

9. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://sntr-rf.ru (дата обращения: 12.09.2018).

10. Технопарк «Кванториум». Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://kvantorium52.ru (дата обращения: 12.09.2018).

ASSESSMENT OF INNOVATION DEVELOPMENT IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION

S.L. Ivankovsky, Yu.A .Grinevich

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article provides an assessment of innovation development in the Nizhny Novgorod region. The authors analyze the current situation and key indicators of innovation activity, such as the number and structure of innovations created, the number of personnel involved in innovation activity, research and development costs, technology export and import, the number of patent applications, the level of innovation activity of enterprises and organizations in the Nizhny Novgorod region. Some problems arising in the implementation of innovation activities at the regional level are identified, and the strategic priorities of innovation development at the regional and federal levels are analyzed. It is concluded that R&D is a significant sector of economic development at the regional level contributing to sustainable economic growth.

Keywords: innovative development, innovation potential, financing of innovations, research and development, knowledge economy, innovation activity, innovation development strategies.

УДК 338

ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ МНОЖЕСТВЕННОЙ РЕГРЕССИИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 г.

Р.В. Костригин, С.Н. Яшин

Костригин Руслан Вячеславович, аспирант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
k.ruslan07@gmail.com
Яшин Сергей Николаевич, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jashinsn@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2018
Статья принята к публикации 31.10.2018

Целью статьи является исследование возможности применения модели множественной регрессии для оценки эффективности экономического развития и экономико-инновационного потенциала территориальных кластеров Нижегородской области. Построены модели множественной регрессии для нижегородского индустриального инновационного кластера и международного IT-кластера Нижегородской области, а также выявлены факторы, которые нецелесообразно включать в модель оценки как незначительно влияющие на результат. Используются эмпирический метод исследования на основе анализа полученных сведений о хозяйственной деятельности и эффективный эконометрический метод модели множественной регрессии. Результат проведенного исследования заключается в получении достоверных сведений о возможности использования модели множественной регрессии как инструмента оценки эффективности экономического развития и экономико-инновационного потенциала территориальных кластеров.

Ключевые слова: региональное развитие; развитие промышленных кластеров; экономическое развитие; территориальные кластеры; методы оценки эффективности.

Введение

Одним из показателей экономического развития страны на данном этапе является эффективная работа территориальных кластеров, что в настоящее время означает производство новых видов продукции и создание технологий, способных конкурировать на мировом рынке. Высокий уровень экономического результата экономической деятельности территориальных кластеров достигается не только за счет производства и реализации инноваций, но и за счет эффективной и качественной системы управления, системного анализа и стратегического планирования процесса их формирования и развития. В результате определяющую роль при управлении развитием территориальных кластеров играют методы оценки их экономического развития. Учитывая тот факт, что создание инноваций – одно из весомых направлений развития, только немногие кластеры ставят целью увеличение выпуска в ситуации, когда отсутствует научно обоснованный подход к решению проблем имплементации инноваций, а отсутствие возможностей реализации инновационно-инвестиционных проектов – это последствия недостатков эффективных инструментов оценки внедряемых механизмов повышения качества управления.

Проводимая государством кластерная политика диктует широкий спектр методов идентификации территориальных кластеров. Отчасти это обусловлено ключевыми целями кластерной политики. Так, например, при идентификации кластеров, которые имеют наибольший вес в отраслях на национальном уровне, применяется оценка с помощью количественных методов. На конечных стадиях процесса идентификации территориальных кластеров должностные лица государственной власти сталкиваются с проблемой определения пула тех кластеров, которые необходимо включать в программы государственной поддержки и которым следует оказывать дальнейшую поддержку в целях качественного их развития. Наиболее остро эта проблема встает в условиях ограниченности бюджетных средств [1]. В связи с этим возникает потребность в использовании верной методики оценки эффективности экономического развития территориальных кластеров. Органы государственной власти смогут рационально направлять поддержку тем кластерам, которым она действительно необходима, которые действительно занимаются внедрением инноваций и

занимают лидирующие позиции в своей отрасли, в развитии экономики регионов. Именно благодаря корректной оценке появляется возможность выбрать необходимое направление развития, новую стратегию или произвести корректировку действующей стратегии, а также провести прогнозный анализ результатов инновационной деятельности кластера [2].

Проводя анализ признанной системы показателей и методов оценки эффективности территориальных кластеров, можно сделать вывод, что действующие методы повторяют методы оценки эффективности коммерческих предприятий, но отличаются разнообразием. Это обусловлено широким перечнем функций и свойств территориальных кластеров [3].

Методики оценки эффективности инвестиционных проектов и предприятий считаются наиболее популярными и часто применяемыми для оценки деятельности территориальных кластеров. Предлагаем рассмотреть два популярных метода [4].

В первом случае кластер рассматривается как инвестиционно-инновационный проект и для его оценки используют показатели коммерческой, инновационной, бюджетной и социальной эффективности. Однако не стоит забывать о том, что создание и последующее развитие кластеров нельзя принимать как инвестиционной проект в его общепринятом понимании [5]. Следовательно, данный подход следует применять в отношении предприятий, входящих в кластер, реализующих определенные инновационно-инвестиционные проекты в рамках его направлений.

Во втором случае под кластером понимается целостная структура со специфическими организационно-правовыми и финансово-хозяйственными особенностями. Исходя из этого, возникает необходимость дополнения методов оценки специальными методологическими подходами, к которым относятся: сетевая природа существования кластера (характеризуется многообразием внешних и внутренних социально-экономических отношений), влияние кластеров на развитие экономики регионов [6]. Данные особенности можно считать важными характеристиками эффективности, но нельзя не принимать во внимание, что их статистическая оценка достаточно сложна.

Методы оценки конкурентоспособности и эффективности кластеров широко представлены в экономической литературе и включают в себя ряд количественных и качественных показателей, и только охват всех направлений позволит говорить о некой комплексной оценке, которая может стать основой анализа и индикатором, отражающим существующий уровень развития [7].

В целом, методики оценки экономического и инновационного развития территориальных кластеров необходимы не только государству, но и руководству кластеров для выбора верного направления развития [8].

Модель множественной регрессии как инструмент оценки экономического развития территориальных кластеров

Теоретической и методологической базой исследования являются концепции, гипотезы в сфере изучения кластерной теории и оценке эффективности деятельности кластеров, представленные в классических и современных экономических изданиях, монографии и статьи отечественных и зарубежных ученых, сборники по итогам научных конференций, публикации по исследуемой тематике, законодательные акты разных уровней в области экономической и инновационной деятельности, развития кластерных образований и реализации кластерной политики.

В основе определения эффективности деятельности территориальных кластеров лежит определение ряда характеристик, являющихся экономическими показателями [9]. К ним можно отнести: стоимость предприятий-членов кластера, совокупный объем выручки, совокупный объем инвестиционных вложений в денежном выражении, количество полученных патентов и др. Ввиду определенной специфики работы кластеров в разных отраслях не стоит забывать о том, что качественные показатели могут быть индивидуальны. В случае проведения анализа для конкретной отрасли и сферы деятельности допускалось бы использование унифицированного набора показателей [10]. С целью проведения сравнительного анализа моделей функционирования кластеров возникает потребность применить определенную систему показателей на релевантном выборе. Предлагается применить регрессионную модель в качестве такого инструмента [11]. Особенность применения регрессионной модели заключается в том, что она позволит не только определить степень эффективности экономической и инновационной деятельности, но и уйти от фактора субъективности при проведении анализа.

В процессе применения модели множественной регрессии необходимо выбрать переменную Y, отображающую эффективность хозяйственной деятельности территориальных кластеров и включающую ряд коррелирующих показателей, которые напрямую влияют на их функционирование:

$$Y = \beta_0 + \beta_i X + \varepsilon, \qquad (1)$$

где Y – зависимая переменная, показатель эффективности деятельности территориального кластера, β_i – ряд показателей модели множественной регрессии, ε – временной эффект [12].

Когда будет выявлен первоначальный ряд показателей с использованием данного инструмента, станет ясно, какие из предлагаемых факторов оказывают влияние на эффективность кластеров в наибольшей степени, а какие не влияют вовсе [13].

Переменная Y отражает среднюю выработку на 1 работника предприятий-членов кластера, выраженную в денежном выражении – в млн рублей на 1 человека в год [5]. Переменная X будет состоять из ряда компонентов, имеющих весомое влияние на эффективную результативность инновационных кластеров. Министерством экономического развития РФ приводится ряд компонентов, соответствующих целевым ориентирам развития инновационных кластеров в среднесрочной перспективе [14].

Итак, модель множественной регрессии на основе использования показателей, оказывающих влияние на хозяйственную деятельность кластеров, примет следующий вид:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 Q + \beta_2 IC + \beta_3 EQ + \beta_4 P + \\ + \beta_5 S + \beta_6 Inv + \beta_7 Ind + \beta_8 F + u + \varepsilon, \quad (2)$$

где Q – численность работников в кластере, IC – инвестиционные затраты, поступившие от предприятий-членов кластера, EQ – количество высокопроизводительных рабочих мест, созданных и полученных в период модернизации уже существующих должностей, P – отгруженная кластером инновационная продукция, S – объем выполняемых организациями и предприятиями-членами кластера научно-исследовательских проектов и проектов в сфере НИОКР, Inv – общий объем инвестиционных вложений из различных источников, Ind – фиктивная переменная, отражающая отрасль, к которой принадлежит исследуемый кластер, F – фиктивная переменная, отвечающая за способ формирования кластера, u – фиксированный эффект для каждого кластера, ε – случайный временной эффект [5].

В качестве массива данных были взяты 2 кластера Нижегородской области: нижегородский индустриальный инновационный кластер в области автомобилестроения и нефтехимии и международный IT-кластер Нижегородской области [15, 16].

Для построения линейной модели множественной регрессии следует использовать инструмент «Регрессия» пакета «Анализ данных» в MS Excel [17].

С использованием полученных значений в части коэффициентов уравнение линейной множественной регрессии примет вид естественной формы:

$$\tilde{y} = 4334056 - 51.7Q + 0.01IC + 0.15EQ + \\ + 0.00005P - 0.01S - 0.02Inv + 45439Ind + \\ + 76530F + u + \varepsilon. \quad (3)$$

Полученное уравнение множественной регрессии показывает взаимосвязь между численностью работников в кластере, объемом инвестиционных затрат, количеством рабочих мест, объемом отгруженной инновационной продукции, объемом выполняемых разработок, общим объемом инвестиционных вложений, фиктивной переменной, отражающей отрасль, и фиктивной переменной, отражающей принадлежность к региону [18].

Итак, проведенный анализ уровня инновационного развития и уровня инновационного потенциала нижегородского индустриального инновационного кластера показывает, что рост численности работников в кластере на 1 человека приведет к уменьшению средней выработки 1 работника на 51.7 руб. С ростом объема инвестиционных затрат, поступивших от компаний и предприятий, входящих в инновационный кластер, на 1 руб. средняя выработка 1 работника вырастет на 0.01 руб. Увеличение количества рабочих мест на единицу вызовет рост средней выработки работника на 0.15 руб. Увеличение объема отгруженной инновационной продукции на 1 руб. влечет за собой увеличение средней выработки 1 работника на 0.00005 руб. Рост объема выполняемых разработок на 1 руб. приведет к снижению средней выработки на 1 работника на 0.01 руб. При увеличении общего объема инвестиционных вложений в кластере на 1 руб. произойдет снижение средней выработки 1 работника на 0.02 руб.

Уравнение регрессии в стандартизированной форме имеет вид:

$$t_y = \hat{\beta}_1 t_{x1} + \hat{\beta}_2 t_{x2} + \ldots + \hat{\beta}_n t_{xn}. \quad (4)$$

На основе естественных коэффициентов регрессии рассчитаем стандартизированные коэффициенты по формуле:

$$\hat{\beta}_i = \beta_i \frac{\sigma_{xi}}{\sigma_y}. \quad (5)$$

Расчет будем проводить в Excel. Для определения σ используем функцию СТАНДОТКЛОН(). Получаем уравнение в стандартизированной форме:

$$t_y = -0.74t_{x1} + 0.03t_{x2} + 0.002t_{x3} + 1.04t_{x4} - 0.02t_{x5} - \\ - 0.02t_{x6} + 0.006t_{x7} + 0.005t_{x8}. \quad (6)$$

Проведя сравнение стандартизированных коэффициентов множественной регрессии, можно сделать вывод, что наибольшее влияние на среднюю выработку 1 работника оказывают численность работников в кластере и объем отгруженной инновационной продукции, так как

их коэффициенты по модулю существенно превышают значения стандартизованных коэффициентов для остальных факторов.

Вычисляем коэффициенты эластичности по формуле:

$$\overline{Э} = \beta_i \frac{\overline{x}_i}{\overline{y}_{xi}}. \quad (7)$$

Расчет будем проводить в Excel. Для определения средних значений используем функцию СРЗНАЧ.

Коэффициенты составляют:

$\overline{Э}_1 = -1.03$; $\overline{Э}_2 = 1.43$; $\overline{Э}_3 = 0.02$; $\overline{Э}_4 = 1.01$;

$\overline{Э}_5 = 1.59$; $\overline{Э}_6 = -3.01$; $\overline{Э}_7 = 0.004$; $\overline{Э}_8 = 0.2$.

Частный коэффициент эластичности отражает, на сколько процентов в среднем изменяется признак – результат y с увеличением признака – фактора x_j на 1% от своего среднего уровня. При этом другие факторы модели остаются фиксированными. Коэффициенты эластичности для факторов 1, 2, 4, 5, 6 по модулю превышают 1, что свидетельствует о значительном влиянии факторов на результативный признак Y. Остальные коэффициенты эластичности существенно ниже 1, значит, влияние факторов на результативный признак Y незначительно. В то же время максимальное значение имеет фактор 6, то есть увеличение только общего объема инвестиционных вложений (от своего среднего значения) на 1% уменьшает в среднем среднюю выработку 1 работника на 3.01%.

Найдем коэффициенты парной корреляции. Расчет можно вести по формуле:

$$r_{yxi} = \frac{\operatorname{cov}(y, x_i)}{\sigma_y \cdot \sigma_{x_i}} = \frac{\overline{y \cdot x_i} - \overline{y} \cdot \overline{x}_i}{\sigma_y \cdot \sigma_{x_i}}, \quad (8)$$

однако для простоты расчетов используем инструмент «Корреляция» пакета «Анализ данных», который сразу строит матрицу парных коэффициентов корреляции.

Коэффициенты парной корреляции указывают существующую связь между Y и X факторами, имеющими различные значения. Заметная связь наблюдается между переменными IC и Q (коэффициент корреляции 0.995), EQ и Q (коэффициент корреляции 0.92), EQ и IC (коэффициент корреляции 0.958), S и Q (коэффициент корреляции 0.979), S и IC (коэффициент корреляции 0.96), S и EQ (коэффициент корреляции 0.917), Inv и Q (коэффициент корреляции 0.863), Inv и IC (коэффициент корреляции 0.962), Inv и EQ (коэффициент корреляции 0.97), Inv и S (коэффициент корреляции 0.87), Ind и Q (коэффициент корреляции 0.876), Ind и S (коэффициент корреляции 0.893), F и Q (коэффициент корреляции 0.914), F и EQ (коэффициент корреляции 0.816), F и S (коэффициент корреляции 0.909), F и Ind (коэффициент корреляции 0.952), то есть данные коэффициенты могут быть коллинеарными. Остальные коэффициенты парной корреляции указывают на то, что связь между Y и факторами имеет достаточно низкие значения, то есть связь слабая.

Коэффициент множественной корреляции:

$$R_{yx1x2} = \sqrt{\beta_i \cdot r_{yxi}} = 0.999 \quad (9)$$

(поле «Множественный R» в регрессионной статистике).

Взаимосвязь всего набора изучаемых факторов с результатом отображается коэффициентом множественной корреляции.

Нескорректированный коэффициент множественной детерминации $R^2_{yx1x2} = 0.999$ (поле «R-квадрат»), что говорит о том, что 99.9% вариации результата объясняется вариацией представленных в уравнении факторов.

Скорректированный коэффициент множественной детерминации (поле «Нормированный R-квадрат»):

$$Rkopp^2 = 1 - \left(1 - R^2\right)\frac{n-1}{n-m-1} = 0.999. \quad (10)$$

Плотность связи с учетом степеней свободы общей и остаточной дисперсий показывает значение скорректированного коэффициента множественной детерминации. Скорректированный коэффициент детерминации практически равен 1, то есть уравнение регрессии объясняет вариацию средней выработки 1 работника.

Оценим значимость уравнения множественной регрессии по F-критерию Фишера:

$$Fнабл = \frac{R^2}{1-R^2}\frac{n-m-1}{m} = 257560.42 \quad (11)$$

(поле «F» дисперсионного анализа).

Показатели критерия при уровне значимости $\alpha = 0.05$ и $k_1 = m = 8$, $k_2 = n–m–1 = 11–8–1 = 2$; $Fтабл = F(0.05; 8; 2) = 19.37$.

Исходя из того, что $Fтабл < Fнабл$, возможно сделать вывод о значимости уравнения регрессии и коэффициента множественной детерминации (поле «Значимость F» выше 0.05).

Целесообразность включения в модель множественной регрессии факторов x_i после анализа влияния остальных факторов можно определить посредством частных F-критериев Фишера. Оценим целесообразность включения в уравнение множественной регрессии [19] фактора x_1:

$$F_{x1} = \frac{R^2 - R^2(x_2, x_n)}{1-R^2}\left(n-m-1\right) = 222217.9,$$

где

$$R^2\left(x_2, x_n\right) = \beta_2 r_{yx2} + \beta_3 r_{yx3} + \beta_4 r_{yx4} + \beta_5 r_{yx5} + \\ + \beta_6 r_{yx6} + \beta_7 r_{yx7} + \beta_8 r_{yx8} = 0.928.$$

Критическое значение: Fkp ($k_1 = 7$; $k_2 = 3$) = = 8.88.

Значение $F_{x1} > 8.88$, следовательно, фактор x_1 целесообразно включать в модель после введения факторов x_j.

Аналогично рассмотрим следующие факторы:

$$F_{x2} = \frac{R^2 - R^2(x_3, x_n)}{1 - R^2}(n - m - 1) = -25296.3,$$

где

$$R^2(x_3, x_n) = \beta_1 r_{yx1} + \beta_3 r_{yx3} + \beta_4 r_{yx4} + \beta_5 r_{yx5} + \\ + \beta_6 r_{yx6} + \beta_7 r_{yx7} + \beta_8 r_{yx8} = 1.008,$$

$F_{x2} < 8.88$, следовательно, фактор x_2 нецелесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x3} = \frac{R^2 - R^2(x_4, x_n)}{1 - R^2}(n - m - 1) = -1410.65,$$

где

$$R^2(x_4, x_n) = \beta_1 r_{yx1} + \beta_2 r_{yx2} + \beta_4 r_{yx4} + \beta_5 r_{yx5} + \\ + \beta_6 r_{yx6} + \beta_7 r_{yx7} + \beta_8 r_{yx8} = 1.0,$$

$F_{x3} < 8.88$, следовательно, фактор x_3 не целесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x4} = \frac{R^2 - R^2(x_5, x_n)}{1 - R^2}(n - m - 1) = 2865366.94,$$

где

$$R^2(x_5, x_n) = \beta_1 r_{yx1} + \beta_2 r_{yx2} + \beta_3 r_{yx3} + \beta_5 r_{yx5} + \\ + \beta_6 r_{yx6} + \beta_7 r_{yx7} + \beta_8 r_{yx8} = 0.073,$$

$F_{x4} > 8.88$, следовательно, фактор x_4 целесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x5} = \frac{R^2 - R^2(x_6, x_n)}{1 - R^2}(n - m - 1) = 14229.48,$$

где

$$R^2(x_6, x_n) = \beta_1 r_{yx1} + \beta_2 r_{yx2} + \beta_3 r_{yx3} + \beta_4 r_{yx4} + \\ + \beta_6 r_{yx6} + \beta_7 r_{yx7} + \beta_8 r_{yx8} = 0.995,$$

$F_{x5} > 8.88$, следовательно, фактор x_5 целесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x6} = \frac{R^2 - R^2(x_7, x_n)}{1 - R^2}(n - m - 1) = 27322.39,$$

где

$$R^2(x_7, x_n) = \beta_1 r_{yx1} + \beta_2 r_{yx2} + \beta_3 r_{yx3} + \beta_4 r_{yx4} + \\ + \beta_5 r_{yx5} + \beta_7 r_{yx7} + \beta_8 r_{yx8} = 0.991,$$

$F_{x6} > 8.88$, следовательно, фактор x_6 целесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x7} = \frac{R^2 - R^2(x_8, x_n)}{1 - R^2}(n - m - 1) = -1345.94,$$

где

$$R^2(x_8, x_n) = \beta_1 r_{yx1} + \beta_2 r_{yx2} + \beta_3 r_{yx3} + \beta_4 r_{yx4} + \\ + \beta_5 r_{yx5} + \beta_6 r_{yx6} + \beta_8 r_{yx8} = 1.0,$$

$F_{x7} < 8.88$, следовательно, фактор x_7 нецелесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x8} = \frac{R^2 - R^2(x_1, x_7)}{1 - R^2}(n - m - 1) = -3181.56,$$

где

$$R^2(x_1, x_7) = \beta_1 r_{yx1} + \beta_2 r_{yx2} + \beta_3 r_{yx3} + \beta_4 r_{yx4} + \\ + \beta_5 r_{yx5} + \beta_6 r_{yx6} + \beta_7 r_{yx7} = 1.0.$$

$F_{x8} < 8.88$, следовательно, фактор x_8 нецелесообразно включать в модель после введения факторов x_j.

Постоим уравнение множественной регрессии с учетом факторов, которые целесообразно включать в модель для нижегородского индустриального инновационного кластера, то есть с учетом Q, P, S и Inv. Для этого снова используем инструмент «Регрессия» пакета «Анализ данных». Факторы выбраны как наиболее тесно связанные с результирующей переменной.

Получаем уравнение множественной регрессии:

$$Y = 2853763.59 - 50.73Q + 4.62\,P + \\ + 0.003\,S - 0.01\,Inv + u + \varepsilon. \quad (12)$$

Построенное уравнение множественной регрессии на 99% объясняет вариацию средней выработки 1 работника вариацией указанных факторов. Данное уравнение множественной регрессии является значимым.

Аналогично построим модель множественной регрессии для международного IT-кластера Нижегородской области.

Уравнение линейной множественной регрессии в естественной форме имеет вид:

$$\tilde{y} = 9012.96 - 0.016Q - 0.004IC + \\ + 0.15EQ - 0.26P + 0.0008S - \\ - 0.0007Inv + 1155.84Ind + \\ + 189.12F + u + \varepsilon. \quad (13)$$

Из полученного уравнения множественной регрессии видно, что при увеличении численности работников в кластере средняя выработка 1 работника уменьшится на 0.016 руб. Увеличение объема инвестиционных затрат от предприятий-членов кластеров на 1 руб. послужит толчком к снижению средней выработки 1 работника на 0.004 руб. Увеличение количества рабочих мест на единицу будет способствовать росту средней выработки 1 работника на 0.15 руб. Рост объема отгруженной инновационной продукции на 1 руб. приведет к снижению средней выработки 1 работника на 0.26 руб. Увеличение объема выполняемых разработок на 1 руб. приведет к росту средней выработки 1 работника на 0.0008 руб. Рост общего объема инвестиционных вложений на 1 руб. будет способствовать

снижению средней выработки 1 работника на 0.0007 руб.

Уравнение множественной регрессии в стандартизированной форме:

$$t_y = -t_{x_1} - 0.03t_{x2} + 0.05t_{x3} - 0.1t_{x4} - 0.01t_{x5} - 0.02t_{x6} + 0.06t_{x7} + 0.07t_{x8}.$$

Основываясь на том, что стандартизированные показатели возможно сравнить между собой, можно сделать вывод, что наибольшее влияние на среднюю выработку 1 работника оказывает численность работников в кластере, так как этот коэффициент по модулю имеет наибольшее значение.

Далее, необходимо определить коэффициенты эластичности:

$$\overline{Э}_1 = -5.04;\ \overline{Э}_2 = -12.88;\ \overline{Э}_3 = 11.07;\ \overline{Э}_4 = 220.17;$$

$$\overline{Э}_5 = 6.23;\ \overline{Э}_6 = -4.31;\ \overline{Э}_7 = 3.03;\ \overline{Э}_8 = 12.83.$$

Максимальное значение имеет фактор 4, то есть увеличение только объема отгруженной инновационной продукции (от своего среднего значения) на 1% увеличивает в среднем среднюю выработку 1 работника на 220.17%.

Используя инструмент «Корреляция» пакета «Анализ данных», построим матрицу парных коэффициентов корреляции уравнения множественной регрессии.

Коэффициенты парной корреляции указывают на слабую связь между *Y* и *X* факторами. Заметная связь наблюдается между переменными *EQ* и *IC* (коэффициент корреляции 0.906), *Inv* и *P* (коэффициент корреляции 0.81), *Ind* и *P* (коэффициент корреляции 0.954), *F* и *P* (коэффициент корреляции 0.842), *F* и *Inv* (коэффициент корреляции 0.911), то есть данные коэффициенты могут быть коллинеарными.

Множественный коэффициент корреляции составляет:

$$R_{yx1x2} = 0.999.$$

Высокая связь всего набора факторов с результатом отображается посредством коэффициента множественной корреляции.

Нескорректированный коэффициент множественной детерминации $R^2_{yx1x2} = 0.999$ (поле «*R*-квадрат»). Это говорит о том, что 99.9% вариации результата объясняется вариацией представленных в уравнении факторов.

Скорректированный коэффициент множественной детерминации равен:

$$Rkopp^2 = 0.999.$$

Скорректированный коэффициент детерминации практически равен 1, то есть уравнение регрессии объясняет вариацию средней выработки 1 работника.

Оценим значимость уравнения множественной регрессии по *F*-критерию Фишера:

$$Fнабл = 20284.57.$$

Табличное значение критерия при уровне значимости α = 0.05 и $k_1 = m = 8$, $k_2 = n–m–1 = 11–8–1 = 2$:

$$Fтабл = F\,(0.05;\ 8;\ 2) = 19.37.$$

Так как *Fтабл* < *Fнабл*, то с вероятностью 95% делаем заключение о значимости уравнения регрессии и коэффициента множественной детерминации.

Целесообразность включения в модель множественной регрессии факторов x_i после анализа влияния остальных факторов оценивается с помощью частных *F*-критериев Фишера. Имеем для фактора x_1

$$F_{x1} = 243295.01,\ R^2(x_2, x_n) = 0.0005.$$

Критическое значение: *Fkp* (k_1 =7; k_2 = 3) = = 8.88.

$F_{x1} > 8.88$, следовательно, фактор x_1 целесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x2} = 903.42,\ R^2(x_3, x_n) = 0.996,$$

$F_{x2} > 8.88$, следовательно, фактор x_2 целесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x3} = -234.44,\ R^2(x_4, x_n) = 1.0,$$

$F_{x3} < 8.88$, следовательно, фактор x_3 нецелесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x4} = 1094.44,\ R^2(x_5, x_n) = 0.995,$$

$F_{x4} > 8.88$, следовательно, фактор x_4 целесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x5} = -293.29,\ R^2(x_6, x_n) = 1.0,$$

$F_{x5} < 8.88$, следовательно, фактор x_5 нецелесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x6} = 925.69,\ R^2(x_7, x_n) = 0.996,$$

$F_{x6} > 8.88$, следовательно, фактор x_6 целесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x7} = 141.37,\ R^2(x_8, x_n) = 0.999,$$

$F_{x7} > 8.88$, следовательно, фактор x_7 целесообразно включать в модель после введения факторов x_j;

$$F_{x8} = -2417.53,\ R^2(x_1, 7) = 1.0,$$

$F_{x8} < 8.88$, следовательно, фактор x_8 нецелесообразно включать в модель после введения факторов x_j.

Постоим уравнение множественной регрессии с учетом факторов, которые целесообразно включать в модель для нижегородского индустриального инновационного кластера, то есть с учетом *Q*, *IC*, *P*, *Inv* и *Ind*. Для этого вновь ис-

пользуем инструмент «Регрессия» пакета «Анализ данных». Факторы выбраны как наиболее тесно связанные с результирующей переменной.

Получаем уравнение множественной регрессии:

$$y = 1459.99 - 0.02Q + 0.001IC -$$
$$- 0.004P + 0.0005Inv + 152.4Ind + u + \varepsilon.$$

Построенное уравнение множественной регрессии на 99% объясняет вариацию средней выработки 1 работника вариацией указанных факторов. Данное уравнение множественной регрессии является значимым.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что полученные модели множественной регрессии для нижегородского индустриального инновационного кластера и международного IT-кластера Нижегородской области являются адекватными и реально отражают экономическое развитие и экономико-инновационный потенциал кластеров, о чем свидетельствуют коэффициенты корреляции и значения *F*-критерия Фишера. Однако в процессе анализа были выявлены факторы, которые нецелесообразно включать в модели множественной регрессии, так как они незначительно влияют на результативный признак (среднюю выработку 1 работника). В результате этого были построены модели множественной регрессии с учетом наиболее значимых факторов и дана оценка адекватности данных моделей. Таким образом, можно сделать вывод, что построенные модели множественной регрессии являются адекватными, их можно использовать для оценки экономического развития и экономико-инновационного потенциала соответствующих кластеров не только Нижегородской области, но и России в целом, что подтверждает необходимость, целесообразность и практическое значение данного исследования.

Список литературы

1. Карпова Д.П. Применение кластерного подхода в управлении региональной экономикой // Региональная экономика и управление [Электрон. науч. журн.]. 2017. № 4.

2. Костригин Р.В. Совершенствование методов оценки инновационного развития территориальных кластеров // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 7А. С. 70–80.

3. Вертакова Ю.В., Хлынин М.Ю. Создание и развитие промышленных кластеров // Технико-технологические проблемы сервиса. 2014. № 1 (27). С. 92–99.

4. Пилипенко И.В. Кластеры и территориально-производственные комплексы в региональном развитии // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общ. ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. С. 191–208.

5. Никитина М.Е. Сравнительный анализ моделей формирования инновационных кластеров и обоснование условий их применения в российских регионах: Маг. дис. ... М., 2016. 92 с.

6. Челноков И.В., Герасимов Б.И., Быковский В.В. Региональная экономика: организационно-экономический механизм управления ресурсами развития региона. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2016. 112 с.

7. Трифилова А.А. Оценка эффективности инновационного развития предприятия. М.: Финансы и статистика, 2015. 304 с.

8. Яшин С.Н., Трифонов Ю.В., Кошелев Е.В. Инвестиционный механизм создания кластера в регионе с использованием технологий мультипликаторов и реальных опционов // Управление экономическими системами [Электрон. науч. журн.]. 2015. № 10 (82). С. 14.

9. Туккель И.Л., Яшин С.Н., Кошелев Е.В., Макаров С.А. Экономика и финансовое обеспечение инновационной деятельности: Учебное пособие. СПб.: БХВ – Петербург, 2011. 240 с.

10. Далинчук Н.С. Согласование экономических и управленческих аспектов в эффективной деятельности кластера: Дис. ... канд. экон. наук. Курск, 2010. 203 с.

11. Бухонова С.М., Дорошенко Ю.А., Слабинская И.А., Шаповалова Т.А. Методика оценки и способы повышения эффективности использования инновационного потенциала организации: Монография. Белгород: Изд-во БГТУ, 2012. 133 с.

12. Шумпетер Й. Теория экономического развития: Пер. с англ. М.: Директ медиа Паблишинг, 2008. 401 с.

13. Блудова С.Н. Региональные кластеры как способ управления внешнеэкономическим комплексом региона // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2004. № 2 (13). С. 13.

14. Правительство Российской Федерации. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика // Промежуточный доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kommersant.ru/content/pics/doc/doc1753934.pdf (дата обращения: 20.04.2016). (Актуальный закон).

15. Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели за 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 20.04.2016).

16. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Индикаторы инновационной деятельности: 2017 [Электронный ресурс]. Статистический сборник. М., 2017. 329 с. Режим доступа: http://www.hse.ru/primarydata/in2017.

17. Щекотурова С.Д. Совершенствование методов оценки уровня инновационного развития про-

мышленных предприятий: Дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2017. 211 с.

18. Скворцов Е.Н. Формирование организационной структуры управления промышленным кластером: Дис. ... канд. экон. наук. Саранск, 2017. 180 с.

19. Бабкин А.В., Мошков А.А., Новиков А.О. Анализ методов, моделей оценки инновационного потенциала промышленного кластера // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2012. № 4 (151). С. 84–90.

APPLICATION OF THE MULTIPLE REGRESSION MODEL FOR ESTIMATING ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIAL CLUSTERS IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION

R.V. Kostrigin, S.N. Yashin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The key objective of the article is to study the possibility of applying the multiple regression model to assess the effectiveness of economic development and the economic innovation potential of territorial clusters in the Nizhny Novgorod region. In accordance with this goal, multiple regression models for the Nizhny Novgorod industrial innovation cluster and the international IT cluster of the Nizhny Novgorod region are constructed. We also identify some factors that have little impact on the result and therefore should not be included in the evaluation model. In the process of research, the empirical method of research based on the analysis of the obtained data on economic activity and the effective econometric method of multiple regression model are used. As a result of the study, reliable information was obtained about the possibility of using the multiple regression model as a tool for assessing the effectiveness of economic development and the economic innovation potential of territorial clusters.

Keywords: regional development, development of industrial clusters, economic development; territorial clusters, methods of efficiency assessment.

УДК 332.135

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СВЕКЛОСАХАРНОГО ПОДКОМПЛЕКСА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ВЫРАБОТКЕ БИОГАЗА

© 2018 г.

Р.Е. Мансуров

Мансуров Руслан Евгеньевич, к.э.н., доц.; доцент кафедры маркетинга и экономики Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова
gissoft@bk.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2018
Статья принята к публикации 31.10.2018

Дана оценка потенциала свеклосахарного подкомплекса Нижегородской области по возможностям выработки биогаза из свекловичного жома сахарного завода. С позиции сахарного завода экономический эффект будет достигаться за счет замещения покупного природного газа биогазом, а также за счет реализации избытков тепловой и электрической энергии, произведенной из данного вида топлива. В целях технико-экономической оценки перспективности модернизации завода с использованием биогазовых установок в работе дан прогноз объема производства сахарной свеклы до 2023 г. Исходя из него, рассчитаны основные технико-экономические показатели деятельности завода. Данное направление модернизации свеклосахарного производства является очень перспективным направлением, дающим экономический и экологический эффекты.

Ключевые слова: технико-экономическая оценка, биогаз, биогазовая установка, свекловичный жом, сахарные заводы, экономическая эффективность производства сахара.

Введение

Применяемая в настоящее время традиционная технология производства сахара из сахарной свеклы основана на переработке достаточно большого количества сырья и, как следствие, получении свекловичного жома в виде отходов производства. Количество получаемого свекловичного жома достаточно велико и, как правило, составляет от 70 до 90% от веса переработанного сырья [1, 2]. Данные показатели зависят от установленного оборудования. Свекловичный жом представляет собой свекловичную стружку толщиной не более 2 мм после удаления из нее сахара [3]. Дальнейшее основное применение свекловичный жом находит в животноводстве, в качестве корма для крупного рогатого скота и свиней [4]. При этом он содержит большое количество воды, до 95%, и, следовательно, является плохо транспортабельным, особенно в холодное время года. А как известно, основная переработка сахарной свеклы осуществляется именно в это время. С целью решения данной проблемы свекловичный жом перед отправкой потребителю прессуют и сушат с использованием специального дополнительного оборудования [1]. При этом, как правило, такое применение жома на кормовые нужды не столь существенно, и его основная часть – порядка 70–80% [4] – направляется на длительное хранение в жомовую яму, где он теряет свои кормовые свойства и постепенно гниет. В ближайшей перспективе вряд ли возможно ожидать резкого увеличения потребления жома на кормовые цели. Не было этого и в советское время, когда объем производства продукции животноводства был существенно выше. Кроме того, сбалансированный рацион питания крупного рогатого скота и свиней не может содержать высокую долю свекловичного жома. Таким образом, получается, что в настоящее время большое количество отходов свеклосахарного производства не находят рационального применения и загрязняют окружающую среду. Актуальным представляется поиск решения этой проблемы. И в настоящей статье дается технико-экономическая оценка возможности решения этой задачи за счет возможной модернизации оборудования сахарного завода с использованием биогазовой установки. Также в данной работе предпринимается попытка оценки потенциала региона по выработке биогаза из свекловичного жома.

Зарубежный [5–7], а также отечественный [8–10] опыт показывает, что свекловичный жом отлично подходит в качестве сырья для биогазовых установок. Следовательно, логичным и рациональным является рассмотрение возможности встраивания биогазовой станции непосредственно в технологический процесс свеклосахарного производства. Это обусловлено, с одной стороны, близостью сырья – свеклосахарного жома, а с другой стороны, возможностью замещения объемов покупного природ-

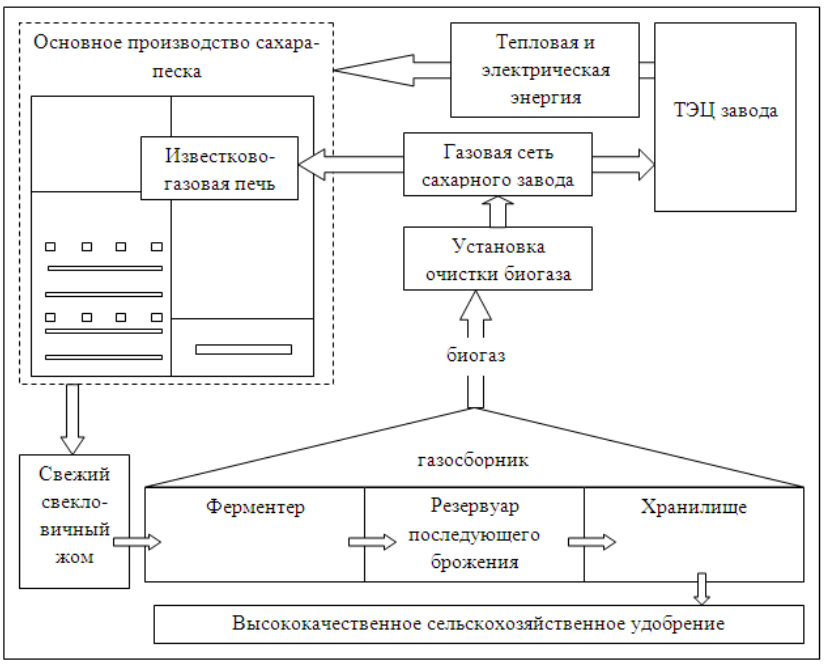


Рис. 1. Возможная принципиальная технологическая схема встраивания биогазовой станции в технологию сахарного производства

ного газа объемами произведенного собственного биогаза.

Технологические возможности и экономические эффекты модернизации сахарного производства при внедрении биогазовых установок

На рис. 1 представлена возможная принципиальная технологическая схема встраивания биогазовой станции в технологию сахарного производства. Приведем ее краткое описание.

Свекловичный жом после выхода из основного производственного процесса обладает оптимальной для анаэробного (без доступа свободного кислорода) сбраживания влажностью 90–95% и, следовательно, должен прямо поступать в приемный резервуар биогазовой установки. Если это не осуществляется, то необходимо будет доводить влажность сырья до оптимальных параметров. В приемном резервуаре сырье подогревается до оптимальной для сбраживания температуры – 37˚С. Подогрев осуществляется за счет теплоносителя – горячей воды, поступающей с тепловой электрической централи (ТЭЦ) сахарного завода. Затем в реакторе биогазовой станции происходит анаэробное многоступенчатое сбраживание свеклосахарной жомовой массы. В результате данных процессов выделяется биогаз, который после очистки направляется в систему газоснабжения сахарного завода. Очевидно, что произведенный биогаз замещает объемы покупного природного газа, что, соответственно, снижает затраты завода на топливо. Таким образом, основной экономический эффект будет складываться за счет экономии средств на закупку природного газа. Дополнительный доход может быть получен за счет реализации излишков произведенной ТЭЦ завода тепловой и электрической энергии, полученной из биогаза. Более того, при такой системе работы ТЭЦ завода может работать практически круглогодично используя биогаз, а не только в период сахароварения [11].

Далее переходим к анализу ситуации в свеклосахарном подкомплексе Нижегородской области. Согласно данным отраслевого сайта Sahar-online, в настоящее время в области действует один сахарный завод – ООО ТД «Нижегородсахар» (Сергачский сахарный завод). Он расположен в г. Сергаче и имеет мощность по переработке сахарной свеклы 3000 тонн в сутки.

Далее рассмотрим ресурсную, сырьевую составляющую деятельности данного завода. Районы возделывания сахарной свеклы в Нижегородской области известны и располагаются вблизи места расположения сахарного завода. Они составляют сырьевые зоны. Отнесение посевов муниципальных районов к сырьевой зоне в целом однозначно и легко определяется визуально по административной карте (рис. 2). Очевидно, что посевы сахарной свеклы должны располагаться как можно ближе к месту переработки.

Далее, используя имеющиеся статистические данные об объеме заготовок сахарной свеклы по муниципальным районам Нижегородской области [12] и их географической распреде-

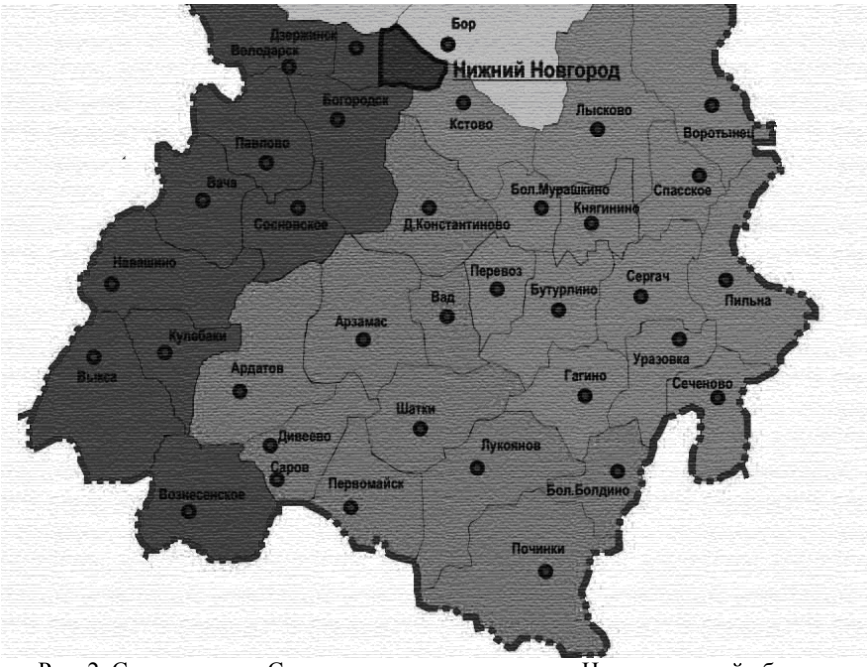


Рис. 2. Сырьевая зона Сергачского сахарного завода Нижегородской области

Таблица 1

Объем заготовок сахарной свеклы в сырьевой зоне Сергачского сахарного завода в разрезе муниципальных районов за 2012–2017 гг.

Муниципальные районы	Фактический объем заготовок сахарной свеклы, т					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Ардатовский	15	0	0	0	0	0
Гагинский	4496.5	ع	5484.3	0	0	0
Княгининский	25600	0	0	0	0	0
Пильнинский	38648.9	23079	276	23952.9	13681.7	20718.9
Сергачский	209599.7	236914	116875.4	133421.8	150361.9	187817.1
Сеченовский	12909.2	159	138	24900.4	19436.2	66315.7
Итого по зоне	**291269.3**	**260152**	**122773.7**	**182275.1**	**183479.8**	**274851.7**

ленности (представлена на рис. 2), получим значения объемов заготовок по сырьевой зоне Сергачского сахарного завода (табл. 1).

Используя вышеприведенные статистические данные, осуществим прогнозирование объемов заготовок сахарной свеклы на 2018–2022 гг. методом скользящей средней (табл. 2).

Для этого примем величину интервала сглаживания, равную 3 (n = 3). Рассчитаем скользящую среднюю для первых трех периодов (2012–2014 гг.):

$$m_{2013} = (y_{2012}+y_{2013}+y_{2014}) / 3 =$$
$$=(291269.3+260152+122773.7) / 3 = 224731.7.$$

Полученные значения заносим в табл. 2.

Далее рассчитаем m для следующих трех периодов (2013–2015 гг.):

$$m_{2014}= (y_{2013}+y_{2014}+y_{2015}) / 3 =$$
$$(260152+122773.7+182275.1) / 3 = 188400.3.$$

Затем аналогично рассчитываем значения m по оставшимся периодам и заносим значения в табл. 2.

Рассчитав значения скользящей средней для всех периодов, строим прогнозные значения на 2018 г.:

$$y_{t+1} = m_{t-1} + \frac{1}{n}(y_t - y_{t-1}),$$

где t+1 – прогнозный период, t – период, предшествующий прогнозному периоду (год), y_{t+1} – прогнозируемый объем заготовок, m_{t-1} – скользящая средняя за два периода до прогнозного, n – число уровней, входящих в интервал сглаживания (равно 3), y_t – фактическое значение объема заготовок за предшествующий период, y_{t-1} – фактическое значение объема заготовок за два периода, предшествующих прогнозному:

$$y_{2018} = 213535.5 + 1/3(274851.7–183479.8) =$$
$$= 243992.8.$$

Аналогично выше приведенному далее определяем скользящую среднюю m для 2017 г.:

$$m_{2017}= (y_{2016}+y_{2017}+y_{2018}) / 3 =$$
$$= (183479.8+274851.7+243992.8) / 3 = 243108.1.$$

И далее аналогично рассчитываем прогноз на 2019 г.:

$$y_{2019} = 243108.1+ 1/3(243992.8–274851.7) =$$
$$= 223821.8.$$

Аналогичным образом производим расчеты прогнозных значений объемов заготовок сахар-

Таблица 2

Расчет параметров прогнозирования объемов заготовок сахарной свеклы на 2018–2022 гг. методом скользящей средней

Периоды	Фактический объем заготовок сахарной свеклы, т	Скользящая средняя (m), т	Расчет средней относительной ошибки, $\lvert y_ф - y_р \rvert / y_ф \times 100\%$
2012	291269.3	–	–
2013	260152	224731.7	13.6
2014	122773.7	188400.3	53.5
2015	182275.1	162842.867	10.7
2016	183479.8	213535.533	16.4
2017	274851.7	–	–
Итого			**94.1**

Таблица 3

Результаты прогнозирования объемов сбора сахарной свеклы по сырьевой зоне Сергачского сахарного завода на 2018–2023 гг.

Сырьевая зона	Прогнозный объем заготовок сахарной свеклы, т					
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
ССЗ	243992.8	223821.8	240831.8	241885.5	235864.3	237520.1

Таблица 4

Основные расчетные технико-экономические показатели деятельности Сергачского сахарного завода Нижегородской области с учетом использования биогазовых станций

№ п/п	Показатели	ССЗ
1	Установленная мощность по переработке сахарной свеклы, тонн в сутки	3000
2	Выход свекловичного жома, тонн в сутки	2100
3	Выход биогаза, тыс. м^3 в сутки	252
4	Расход биогаза на собственные нужды установки, тыс. м^3 в сутки	63
5	Выход биогаза за вычетом собственных нужд, тыс. м^3 в сутки	189
6	Выход электрической энергии из полученного объема биогаза (без учета собственных нужд), МВт·ч	604.8
7	Выход тепловой энергии из полученного объема биогаза (без учета собственных нужд), Гкал·ч	18900

ной свеклы до 2023 г. Результаты прогноза заносим в табл. 3.

Оценим среднюю относительную ошибку прогнозирования по следующей формуле:

$$\varepsilon = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{N}\frac{\lvert y_ф - y_р \rvert}{y_ф}100,$$

где $y_ф$ – факт, $y_р$ – прогноз.

Получаем:

$$\varepsilon = 94.1 / 4 = 23.5\%.$$

При значении $\varepsilon < 20$ считается, что точность прогноза высокая, при значении ε от 20 до 30 точность прогноза хорошая. На основании этого делаем вывод о хорошей точности полученных прогнозных значений по объему сбора сахарной свеклы.

Прогнозирование объемов сбора сахарной свеклы осуществлялось в целях проведения дальнейших расчетов технико-экономических прогнозных показателей, характеризующих перспективы модернизации Сергачского сахарного завода на основе использования биогазовых установок.

Далее рассчитаем основные технико-экономические показатели деятельности Сергачского сахарного завода с учетом возможности встраивания биогазовой станции в технологический процесс свеклосахарного производства. Результаты проведенных расчетов представлены в табл. 4. Прокомментируем ход проведенных расчетов.

Установленная мощность по переработке сахарной свеклы, т/сут. (показатель 1) известна. В целях данных расчетов используется максимальная мощность и не учитывается возможная недозагрузка оборудования.

Выход свекловичного жома, т/сут. (показатель 2) принимаем на уровне 70% от веса переработанной сахарной свеклы. Такой подход применяется с учетом работ ряда авторов [3, 13, 14], в которых приводятся данные по выходу жома: при работе на периодической диффузионной батарее – 90%, а при работе на непрерывно действующей батарее – 70–80%.

Выход биогаза, тыс. м^3/сут. (показатель 3) на основе результатов исследования Р.Я. Дыгановой, З.Р. Зайнашевой [8] принимаем на уровне 0.12 м^3 из 1 кг свекловичного жома.

Расход биогаза на собственные нужды, тыс. м^3/сут. (показатель 4), в частности на вы-

работку тепловой и электрической энергии для работы биогазовой установки, принимаем в размере 25%. Принимаем экспертно с использованием методических подходов, разработанных А.А. Ковалевым [15].

Выход биогаза за вычетом собственных нужд, тыс. $м^3$/сут. (показатель 5), определялся как разница показателей 3 и 4.

Выход электрической энергии из полученного объема биогаза (без учета собственных нужд), МВт·ч (показатель 6), рассчитывался на основе данных отечественных исследователей [8, 15], согласно которым из 1 $м^3$ биогаза может быть получено 3.2 кВт·ч электрической энергии.

Выход тепловой энергии из полученного объема биогаза (без учета собственных нужд), Гкал·ч (показатель 7), также рассчитывался на основе данных отечественных исследователей [8, 15, 16], согласно которым из 1 $м^3$ биогаза может быть получено 100 ккал·ч тепловой энергии.

Далее рассчитаем основные предполагаемые и прогнозные технико-экономические показатели деятельности завода за период с 2012 по 2023 г. Результаты проведенных расчетов представлены в табл. 5. Прокомментируем ход проведенных расчетов.

Объем заготовок сахарной свеклы в сырьевой зоне завода, тыс. т. (показатель 1), рассчитывался и прогнозировался нами ранее (табл.1, табл. 3).

Объем свекловичного жома, тыс. т (показатель 2), рассчитывался аналогично подходу, изложенному выше, при расчете табл. 4, т.е. принимался в размере 70% от переработанного сырья. Кроме того, в рамках настоящего исследования условно принимаем, что объем потерь сырья при доставке и хранении будет составлять 5%. Такой подход основан на исследованиях отечественных авторов [3, 4], согласно которым потери составляют в среднем 5–10%.

Показатели 3–6 рассчитывались аналогично методическому подходу, изложенному выше, при расчете табл. 4.

Годовой экономический эффект, тыс. руб. (показатель 7), как было сказано выше, складывается из следующих составляющих:

1. За счет замещения покупного природного газа биогазом. Экономический эффект рассчитывался исходя из того, что в настоящее время стоимость природного газа для промышленных предприятий составляет 4537 руб./1000 $м^3$;

2. За счет реализации электрической энергии, произведенной из биогаза. Экономический эффект рассчитывался исходя из того, что в настоящее время стоимость электрической энергии для промышленных предприятий составляет в среднем 2205 руб./МВт·ч;

3. За счет реализации тепловой энергии, произведенной из биогаза. Экономический эффект рассчитывался исходя из того, что в настоящее время стоимость тепловой энергии для промышленных предприятий составляет в среднем 1870 руб./Гкал.

Инвестиционные вложения на установку биогазовой станции, млн руб. (показатель 8), рассчитывались на основе анализа ряда предложений компаний, реализующих проекты по поставке и монтажу биогазовых установок [5, 17–19]. Данный анализ показал, что в настоящее время готового решения под наши условия нет. Каждый сахарный завод обладает своими производственными параметрами, и для конкретной детальной проработки вопроса требуется проведение проектно-изыскательских работ. В то же время средний показатель инвестиционных вложений для аналогичных проектов составляет 200–220 тыс. руб. за 1 $м^3$ реактора.

Сопоставив инвестиционные вложения с рассчитанным среднегодовым экономическим эффектом, получим срок окупаемости (показатель 9). Дисконтирование в рамках данного исследования осознанно не учитывалось, чтобы не усложнять расчеты.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что свеклосахарный подкомплекс Нижегородской области, и в частности Сергачский сахарный завод, обладает хорошим потенциалом для внедрения биогазовых технологий. Данное направление модернизации свеклосахарного производства является очень перспективным направлением, дающим экономический и экологический эффекты. Расчеты показали, что средний уровень окупаемости инвестиционных проектов с использованием биогазовых станций составляет порядка 11 лет. При этом очевидно, что данные результаты носят ориентировочный характер вследствие того, что практическая реализация таких проектов требует более глубокой практической проработки с разработкой проектной документации. В то же время ситуация в свеклосахарной отрасли в настоящее время достаточно сложная, обусловленная перепроизводством сахара-песка на внутреннем рынке и, как следствие, снижением цен на продукцию. В этих условиях сахарные заводы в настоящее время не имеют достаточных средств для проведения такой модернизации. С другой стороны, с точки зрения повышения долгосрочной экономической эффективности модернизация с использованием биогазовых технологий является весьма перспективным направлением.

Таблица 5

Предполагаемые (рассчитанные за фактический период) и прогнозные показатели деятельности Сергачского сахарного завода Нижегородской области с учетом возможности использования биогазовых станций

№ п/п	Показатели	Предполагаемые показатели (рассчитанные за фактический период)						Прогнозные показатели					
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1.1	Объем заготовок сахарной свеклы в сырьевой зоне завода, тыс.т	291.3	260.2	122.8	182.3	183.5	274.9	244.0	223.8	240.8	241.9	235.9	237.5
1.2	Объем свекловичного жома, тыс. т	193.7	173.0	81.6	121.2	122.0	182.8	162.3	148.8	160.2	160.9	156.8	158.0
1.3	Объем биогаза, тыс. $м^3$	23.2	20.8	9.8	14.5	14.6	21.9	19.5	17.9	19.2	19.3	18.8	19.0
1.4	Объем биогаза за вычетом собственных нужд, тыс. $м^3$	17.4	15.6	7.3	10.9	11.0	16.4	14.6	13.4	14.4	14.5	14.1	14.2
1.5	Объем производства электрической энергии из полученного объема биогаза, МВт·ч	55.8	49.8	23.5	34.9	35.1	52.6	46.7	42.9	46.1	46.3	45.2	45.5
1.6	Объем производства тепловой энергии из полученного объема биогаза, Гкал·ч	174.3	155.7	73.5	109.1	109.8	164.5	146.0	134.0	144.1	144.8	141.2	142.2
1.7	Годовой экономический эффект, тыс. руб., в т.ч.	528.1	471.7	222.6	330.5	332.7	498.3	442.4	405.8	436.6	438.5	427.6	430.6
	за счет замещения природного газа биогазом, тыс. руб.	79.1	70.6	33.3	49.5	49.8	74.6	66.3	60.8	65.4	65.7	64.0	64.5
	за счет реализации электрич. энергии, произведенной из биогаза, тыс. руб.	123.0	109.9	51.8	77.0	77.5	116.1	103.0	94.5	101.7	102.1	99.6	100.3
	за счет реализации тепловой энергии, произведенной из биогаза, тыс. руб.	326.0	291.2	137.4	204.0	205.3	307.6	273.1	250.5	269.5	270.7	264.0	265.8
1.8	Инвестиционные вложения на установку биогазовой станции, млн руб.	4.6											
1.9	Срок окупаемости, лет	11.2											

Список литературы

1. Гребенюк С.М. Технологическое оборудование сахарных заводов. М.: Колос, 2007. 520 с.

2. Славянский А.А. Технологическое оборудование сахарных заводов. М.: МГУПП, 2006. 119 с.

3. Сапронов А.А. Технология сахарного производства. М.: Колос, 1999. 495с.

4. Славянский А.А. Промышленное производство сахара. М.: МГУТУ имени К.Г. Разумовского, 2015. 255 с.

5. MT-Energie – один из ведущих производителей биогазовых установок // Презентация компании MT-Energie [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://docplayer.ru/73078-Mt-energie-odin-iz-vedushchih-proizvoditeley-biogazovyh-ustanovok-andrey-krapivskiy-e-mail-andriy-krapivskyy-mt-energie-com.html. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

6. В Молдове открыт первый завод по производству биогаза из свекловичного жома // Сайт Совместного молдово-немецкого предприятия Südzucker Moldova SA [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://www.suedzucker.md/rus/events/first-biogas-plant-working-sugar-beet-press-pulp-opened-drochia. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

7. Опыт ЕС в использовании биогаза в энергетике // Сайт об альтернативной и возобновляемой энергетике zeleneet.com. [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://zeleneet.com/opyt-es-v-ispolzovanii-biogaza-v-energetike/2619/. Загл. с экрана (дата обращения: 02.03.2016).

8. Дыганова Р.Я., Зайнашева З.Р. Технология переработки свекловичного жома с использованием биоэнергетической установки // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. 2015. № 1. Т. 221. С. 64–67.

9. Биогаз из жома // Сайт журнала для специалистов агропромышленного комплекса «Сельскохозяйственные вести» [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: https://agri-news.ru/zhurnal/2013/%E2%84%961/2013/bioenergiya/biogaz-iz-zhoma.html. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

10. Применение свекловичного жома позволило биогазовой станции «Лучки» на треть сократить затраты на сырьё // Сайт информационно-аналитического агентства «Инфобио». Журнал «Международная биоэнергетика» [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://www.biointernational.ru/news/2262.html. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

11. Мансуров Р.Е. Оценка перспектив модернизации сахарных заводов Республики Татарстан на основе использования биогазовых установок // Сахар. 2016. № 4. С. 26–28.

12. База данных показателей муниципальных образований // Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

13. Карамнова Н.В. Организационно-технологическая оценка деятельности предприятий сахарной промышленности // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания. 2014. № 3. С. 82–88.

14. Апасов И.В. Основные направления повышения эффективности свеклосахарного комплекса России в современных условиях // Сахарная свекла. 2012. № 3. С. 6–10.

15. Ковалев А.А. Повышение энергетической эффективности биогазовых установок: Дис…канд. тех. наук. М., 2014. 114 с. // Сайт ФГБНУ «Федеральный научный агроинженерный центр ВИМ» [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://viesh.ru/wp-content/uploads/2014/01/%D0%92%D1%81%D1%8F-%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BA%D1%82%D0%BD-%D0%9A%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%90.%D0%90.pdf. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

16. Биогазовая установка // Сайт «Портал про альтернативную энергию Alter220.ru» [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: https://alter220.ru/bio/biogazovaya-ustanovka.html. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

17. Объем капитальных затрат на строительство российских биогазовых установок производства ООО «Агробиогаз» // Сайт ООО «Агробиогаз» [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://www.agrobiogaz.ru/price.php. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

18. Производство биогаза // Сайт компании «Биоэнергосила» [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://www.bioenergosila.ru/services/biogas/biogas/. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

19. Биогазовые установки для сельского хозяйства // Сайт Инновационно-трастовой энергетической компании [Электрон. текстовые дан.]. Режим доступа: http://itk-energo.narod.ru/Predlogenie2.2.htm. Загл. с экрана (дата обращения: 20.06.2018).

FEASIBILITY STUDY OF BIOGAS PRODUCTION IN THE SUGAR BEET SUBCOMPLEX OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

R.E. Mansurov

Kazan Innovation University named after V.G. Timiryasov

The article assesses the potential of the sugar beet subcomplex of the Nizhny Novgorod region in terms of the possibilities of biogas production from sugar beet pulp at a sugar factory. From the sugar factory perspective, the economic effect will be achieved by replacing the purchased natural gas with biogas, as well as by selling the excess heat and electric energy produced from this type of fuel. To assess the feasibility and prospects for modernizing the sugar factory with the use of biogas plants, a forecast of the volume of sugar beet production up to 2023 is given. Based on this forecast, the main technical and economic indicators of the factory's operation are calculated. This approach to modernizing sugar production is very promising as it gives both economic and environmental effects.

Keywords: feasibility study, biogas, biogas plant, beet pulp, sugar factories, economic efficiency of sugar production.

УДК 338.2, 338.45

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ, ПРОМЫШЛЕННОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

© 2018 г.

О.В. Трофимов, А.П. Костырев, Л.В. Стрелкова, Ю.А. Макушева

Трофимов Олег Владимирович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой экономики фирмы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ovt@iee.unn.ru
Костырев Андрей Петрович, аспирант кафедры экономики фирмы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ksore09@mail.ru
Стрелкова Людмила Валерьевна, д.э.н., проф.; профессор кафедры экономики фирмы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
strelkova412@mail.ru
Макушева Юлия Андреевна, к.э.н., доц.; доцент кафедры экономики фирмы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jm2@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.10.2018
Статья принята к публикации 31.10.2018

Целью исследования является рассмотрение организационно-институциональных основ реализации научно-технической политики в России на современном этапе и анализ основных аспектов взаимосвязи научно-технической, промышленной и инновационной политики на федеральном и региональном уровнях реализации. При проведении исследования использованы системный подход, сравнительный метод, метод анализа нормативно-правового и теоретического материала, а также статистической информации. Рассмотрены существующие подходы к определению научно-технической политики, особенности правового регулирования и реализации научно-технической политики, раскрыт механизм перекрестного взаимодействия научно-технической, промышленной и инновационной политики, обоснована необходимость учета данного взаимодействия государством при реализации регулирующих мер. В качестве иллюстрации выводов приведены некоторые статистические данные по регионам Приволжского федерального округа.

Ключевые слова: научно-техническая политика; организационно-институциональное обеспечение; промышленная политика; инновационная политика.

Введение

Наука, являясь областью человеческой деятельности, направленной на выработку и систематизацию объективных знаний о действительности, играет важнейшую роль в развитии цивилизации. Начиная с XVI в. общественный прогресс неразрывно связан с происходившими научными открытиями и использованием их результатов в жизни людей.

В эпоху научно-технической революции роль науки и интерес к ее проблемам значительно усилились. Кардинальные изменения в жизни людей (появление автомобиля, телевидения, освоение космоса, развитие информационных систем и Интернета, прорывы в медицине) привели к распространению сциентистского мировоззрения. Успехи науки стали неотъемлемым фактором экономического развития.

Политической формой организации общества является государство. Как политический субъект государство воздействует на различные сферы общественной жизни через комплекс регулирующих мер, составляющих политику в определенной сфере жизнедеятельности. Касательно науки можно, соответственно, вести речь о научной политике. Однако по причине неразрывной и все более укрепляющейся взаимосвязи между развитием науки и практическим внедрением ее результатов в виде технических изобретений чаще употребляют термин «научно-техническая политика».

Целью исследования является рассмотрение организационно-институциональных основ реализации научно-технической политики в России на современном этапе и анализ взаимосвязи научно-технической политики с промышленной и инновационной политикой на разных уровнях реализации (федеральном и региональном).

Цель определила постановку следующих задач:

– изучение существующих подходов к определению научно-технической политики;

– выявление особенностей нормативного регулирования и инструментов реализации научно-технической политики на современном этапе;

– раскрытие сущности и механизма перекрестного взаимодействия научно-технической политики с промышленной и инновационной политикой.

Вопросы реализации научно-технической политики рассматриваются в трудах таких специалистов, как Г.А. Быковская [1], И.П. Воробьева [2], И.В. Данилин [3], Д.Ю. Знаменский [4], В.В. Мельников [5], Т.З. Мухутдинова, Е.А. Сергеева [6], О.С. Сухарев [7], В.А. Тупчиенко [8] и др.

В частности, работа Г.А. Быковской посвящена советскому опыту реализации научно-технической политики в 1950 – 1980-х гг., а работа И.В. Данилина – опыту США последних десятилетий (начиная с конца 1980-х гг.). И.П. Воробьева обращает внимание на проблемы и возможности научно-технической политики современной России, предлагая ряд мер для ускоренного развития науки (система стимулов для предприятий, поддержка венчурного капитала и др.). Д.Ю. Знаменский делает акцент на институциональной составляющей научно-технической политики. Работы В.В. Мельникова, Т.З. Мухутдиновой и Е.А. Сергеевой освещают отдельные аспекты взаимосвязи научно-технической и инновационной политики. О.С. Сухарев исследует взаимное влияние институтов и технологий в контексте экономического роста. В.А. Тупчиенко рассматривает научно-технический потенциал и пути его эффективного использования.

При проведении исследования использованы системный подход, сравнительный метод, метод анализа нормативно-правового материала (федерального и регионального уровней) и статистической информации (по РФ в целом, ПФО и отдельным регионам).

Научно-техническая политика: подходы к определению

В самом общем виде научно-техническую политику можно определить как совокупность мер по развитию научно-технического потенциала страны, основанных на всестороннем взаимодействии науки и техники.

И.П. Воробьева считает, что научно-техническая политика государства – это «совокупность стратегических и тактических целей, задач и направлений по развитию научно-технического потенциала, эффективному его использованию в интересах социально-экономического развития общества» [2, с. 36].

По мнению В.В. Мельникова, «государственная научно-техническая (технологическая) политика представляет собой поддержку научно-технической деятельности в стране, а также нормативное правовое регулирование этой деятельности с целью эффективного развития научно-технического потенциала, увеличения вклада науки и техники в экономическое развитие, а также укрепление позиций на мировых рынках высоких технологий» [5, с. 49].

Д.Ю. Знаменский под государственной научно-технической политикой предлагает понимать «сложный комплекс целей, задач и приоритетов государства в области развития и эффективного использования научного потенциала страны, подкрепленный соответствующим нормативно-правовым обеспечением, а также систему государственных и общественных институтов, обеспечивающих их реализацию, и технологии взаимодействия государства и гражданского общества по формированию и реализации указанных целей и приоритетов» [4, с. 35].

Наиболее полным из представленных определений представляется последнее, делающее акцент на системе государственных и общественных институтов, а также взаимодействии государства и общества. Любая политика, затрагивающая интересы всего общества, не может проводиться исключительно силами государственных органов. Необходимо подключение как можно более широкого круга субъектов, прямо или косвенно заинтересованных в результатах соответствующей политики.

Официально государственная научно-техническая политика определяется как «составная часть социально-экономической политики, которая выражает отношение государства к научной и научно-технической деятельности, определяет цели, направления, формы деятельности органов государственной власти Российской Федерации в области науки, техники и реализации достижений науки и техники» [9, ст. 2]. Несмотря на то, что данное исследование посвящено как раз экономическим аспектам научно-технической политики, на наш взгляд, признание ее составной частью экономической или даже социально-экономической политики определенным образом сужает ее понимание. Помимо экономического и социального аспекта в научно-технической политике можно выявить оборонный, внешнеполитический, культурный аспекты. Развитие науки и техники напрямую влияет на качество вооружения, обороноспособность государства, способствует повышению престижа страны на международной арене, стимулирует стремление других стран к тесному взаимодействию с успешной страной-

партнером. Наконец, наука и техника влияет на культуру, вносит изменения даже на уровне менталитета, корректирует этические и эстетические взгляды людей, становится одной из определяющих тем философских трудов. Но, несмотря на столь широкий диапазон, влияние науки и техники на жизнь общества происходит прежде всего за счет изменений в экономике. В связи с этим можно предложить понятие экономических каналов научно-технической политики. Подобно кровеносной системе организма, экономические каналы доводят достижения науки и технические изобретения до конкретного потребителя. И эти же каналы, в свою очередь, выступают каналами обратной связи: потребитель выносит свой «вердикт», вознося одни компании в ранг отраслевых лидеров и обрекая другие на уход с рынка и забвение. Но конечное решение потребителя определяется не только сущностью изобретения, его полезностью и удобством, но и широким арсеналом управленческих и маркетинговых мер, используемых компаниями-производителями.

Маркетинговые меры, умение презентовать свою идею и свой продукт не только оказывают влияние на мнение потребителей, но и определяют отношение потенциальных инвесторов, внимание со стороны государства. Во всем этом и заключается ведущая роль экономического аспекта научно-технической политики.

Нормативно-правовое обеспечение научно-технической политики в Российской Федерации

Основополагающим нормативно-правовым документом федерального уровня, регулирующим научно-техническую политику, является федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике». Данный документ устанавливает правовой статус субъектов научной и научно-технической деятельности, содержит правовые основы организации и принципы регулирования научной и научно-технической деятельности, устанавливает правовой механизм формирования и реализации государственной научно-технической политики, а также государственной поддержки инновационной деятельности.

Научно-техническая политика регулируется также иными федеральными законами и подзаконными нормативно-правовыми актами. На региональном уровне в первую очередь следует обратить внимание на законы субъектов РФ, непосредственно посвященные регулированию научно-технической политики. Однако подобные законы имеются не во всех регионах (например, его нет в Нижегородской области). Система нормативно-правового регулирования научно-технической политики касательно федеральных нормативно-правовых актов, специальных региональных законов и примеров нормативных актов региона в отсутствие специального закона представлена в таблице 1.

Реализация научно-технической политики на федеральном и региональном уровнях

Правовые основы реализации научно-технической политики содержатся в федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике». В частности, в документе указаны цели данной политики и полномочия органов власти различных уровней, определяемые поставленными целями (табл. 2).

Направления государственной научно-технической политики на среднесрочный и долгосрочный периоды определяются Президентом РФ на основе специального доклада Правительства РФ [9, ст. 13]. В целях финансового обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности создаются специальные фонды поддержки, учредителями которых выступают органы власти, юридические и физические лица.

Среди федеральных органов исполнительной власти особая роль в реализации научно-технической политики отводится Министерству науки и высшего образования РФ, в составе которого выделены, в том числе, следующие департаменты: департамент государственной научной, научно-технической и инновационной политики, департамент специальных программ, развития государственных научных центров и наукоградов, департамент аттестации научных и научно-педагогических работников, департамент нормативно-правового регулирования науки и образования, департамент координации деятельности научных организаций.

В Нижегородской области субъектами формирования и реализации научно-технической политики на региональном уровне выступают губернатор, правительство Нижегородской области. Среди региональных исполнительных органов власти в реализации научно-технической политики главная роль отведена Министерству образования, науки и молодежной политики Нижегородской области. Кроме того, при губернаторе Нижегородской области действует Совет по науке и инновационной политике.

Также необходимо отметить особую значимость законодательных органов власти различных уровней по принятию законодательства,

Таблица 1

Система нормативно-правового регулирования научно-технической политики

Федеральное законодательство	Специальные региональные законы (примеры)	Законодательство Нижегородской области
Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [9]; Федеральный закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10]; Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» [11]; Постановление Правительства РФ от 21.05.2013 № 426 «О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014 – 2020 годы» [12]; Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [13]	Закон Чувашской Республики от 20.06.2002 № 18 «О науке и научно-технической политике Чувашской Республики» [14]; Закон Пермского края от 02.04.2008 № 220-ПК «О науке и научно-технической политике в Пермском крае» [15]; Закон Московской области от 06.05.2016 № 38/2016-ОЗ «О научно-технической политике органов государственной власти Московской области» [16]; Закон Новосибирской области от 20.04.1995 № 17-ОЗ «О научной деятельности и научно-технической политике Новосибирской области» [17]; Закон Санкт-Петербурга от 12.10.2009 № 411-85 «Об основах научно-технической политики Санкт-Петербурга» [18]	Закон Нижегородской области от 01.02.2007 № 7-З «О грантах Нижегородской области в сфере науки, технологий и техники» [19]; Постановление Администрации Нижегородской области от 10.03.1998 № 60 «О принципах научно-технической и инновационной политики Нижегородской области» [20]; Распоряжение Правительства Нижегородской области от 19.04.2010 № 663-р «О создании Совета при Губернаторе Нижегородской области по науке и инновационной политике» [21]

регулирующего научную деятельность и научно-техническую политику.

Помимо органов государственной власти большой вклад в реализацию научно-технической политики вносят государственные академии наук, высшие учебные заведения, различные организации, ориентированные на научные разработки и продвижение результатов научной деятельности.

По данным Росстата [22], в 2016 г. в России научными исследованиями и разработками занимались 4032 организации. Их набор распределился следующим образом: научно-исследовательские организации – 1673 (41.49%), конструкторские организации – 304 (7.54%), проектные и проектно-изыскательские организации – 26 (0.64%), опытные заводы – 62 (1.54%), образовательные организации высшего образования – 979 (24.28%), организации промышленности, имевшие научно-исследовательские, проектно-конструкторские подразделения, – 363 (9.00%), прочие – 625 (15.50%).

Важным показателем, характеризующим степень влияния науки на экономику страны и ее территорий, является численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (табл. 3).

Анализ данных, приведенных в таблице, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, приходящаяся на 100 тыс. населения, в ПФО ниже среднероссийского показателя: общее число персонала составляет 71.5% от среднероссийского показателя, число исследователей – 69.4% от среднероссийского показателя. Во-вторых, регионы ПФО существенно различаются по рассмотренным показателям: от 41 и 15 (Республика Марий Эл) до 1276 и 574 (Нижегородская область). Таким образом, разница по общей численности персонала составляет 31 раз, по численности исследователей – 38 раз. В-третьих, соотношение между общим числом персонала, занятого научными исследованиями и разработками, и числом исследователей примерно одинаково и составляет в среднем 2:1.

Таблица 2

Правовые основы реализации научно-технической политики

Цели государственной научно-технической политики	Полномочия федеральных органов власти	Полномочия органов власти субъектов РФ
– Развитие, рациональное размещение и эффективное использование научно-технического потенциала; – увеличение вклада науки и техники в развитие национальной экономики и социальной сферы; – обеспечение прогрессивных структурных преобразований в области материального производства, повышение его эффективности и конкурентоспособности производимой продукции; – улучшение экологической обстановки и защиты информации; – укрепление обороноспособности государства и системы безопасности; – интеграция науки и образования	– Принятие законов и иных нормативных правовых актов, разработка и проведение единой государственной научно-технической политики; – выбор приоритетных направлений развития науки, технологий и техники; – формирование и реализация федеральных научных и научно-технических программ и проектов; – финансирование научной и (или) научно-технической деятельности за счет средств федерального бюджета; – установление системы экономических и иных льгот в целях стимулирования научной и (или) научно-технической деятельности; – содействие развитию инновационной деятельности российских регионов; – организация научно-технического прогнозирования и др.	– Право принятия законов и иных нормативных правовых актов регионального уровня об осуществлении деятельности данных органов в научной и (или) научно-технической сферах; – право создания государственных научных организаций субъектов РФ, реорганизация и ликвидация данных организаций; – принятие и реализация научных, научно-технических и инновационных программ и проектов субъектов РФ

Таблица 3

Численность персонала в 2016 г., занятого научными исследованиями и разработками, по России в целом, ПФО и регионам ПФО, приходящаяся на 100 тыс. населения (рассчитано на основе данных Росстата [22])

	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 100 тыс. населения – всего	Численность исследователей на 100 тыс. населения
РФ в целом	**492**	**252**
ПФО, в т. ч.:	**352**	**175**
Республика Башкортостан	197	94
Республика Марий Эл	41	15
Республика Мордовия	115	68
Республика Татарстан	314	172
Удмуртская Республика	119	75
Чувашская Республика	120	89
Пермский край	391	187
Кировская область	129	50
Нижегородская область	1276	574
Оренбургская область	71	47
Пензенская область	350	204
Самарская область	300	182
Саратовская область	216	110
Ульяновская область	410	168

Перекрестное взаимодействие научно-технической, промышленной и инновационной политики и подходы к его оценке

Использование передовых научных достижений и технических изобретений на сегодня является ключевым фактором повышения конкурентоспособности определенной отрасли экономики. В связи с этим научно-техническая политика, так или иначе, взаимодействует практически со всеми видами экономической политики. Однако наиболее тесная взаимосвязь прослеживается между научно-технической политикой и двумя другими видами экономической политики, имеющими ключевое значение для

Таблица 4

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства по РФ в целом, ПФО и Нижегородской области, % (составлено на основе данных Росстата [22])

	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация в целом	4.9	6.1	7.8	8.9	8.2	7.9	8.4
Приволжский федеральный округ (в т. ч. % от среднероссийского показателя)	10.5 214	11.3 185	12.9 165	14.2 160	13.6 166	12.7 161	14.9 177
Нижегородская область (в т. ч. % от среднероссийского показателя и показателя по ПФО – выделенным шрифтом)	10.4 212 ***99***	16.5 270 ***146***	16.7 214 ***129***	17.5 197 ***123***	18.2 222 ***134***	13.1 166 ***103***	17.7 211 ***119***

конкурентоспособности национальной экономики в условиях научно-технического прогресса, – промышленной и инновационной политикой.

Очевидно, что развитие науки и техники напрямую влияет на появление и широкое внедрение инноваций, а также на техническую вооруженность промышленного производства и выпуск наукоемкой продукции. В свою очередь, развитие промышленности создает условия и в то же время является стимулом для развития науки и техники, а также внедрения инноваций. И, наконец, инновации могут выступать результатом развития науки и техники в условиях передового промышленного производства, но и, в свою очередь, во многом определять это развитие. Кроме того, инновации можно рассматривать как своего рода связующее звено между развитием науки и техники и развитием промышленности, поскольку именно через инновационную деятельность новейшие открытия и изобретения реализуются в материальном производстве.

Между указанными тремя направлениями экономической политики имеется так называемое перекрестное взаимодействие, выражающееся в том, что субъекты одного из рассматриваемых видов экономической политики, реализуя свое регулирующее воздействие, могут влиять на результирующие показатели других рассматриваемых видов. Ярким примером результирующего показателя, несущим в себе влияние всех трех рассматриваемых видов экономической политики, является показатель удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства (табл. 4).

Как видно из таблицы, удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства в ПФО во все рассмотренные годы превышал общероссийский показатель (в среднем примерно на две трети). Показатель по Нижегородской области также превышал общероссийский показатель, причем в среднем примерно в два раза. За исключением 2010 г. показатель по Нижегородской области превышал также и показатель по ПФО. По РФ в целом и по ПФО наблюдался рост показателя до 2013 г. включительно, небольшой спад в 2014 и 2015 г. и возобновление роста в 2016 г. По Нижегородской области спад наблюдался только в 2015 г. Показатель 2016 г. по ПФО (14.9%) превысил показатель 2013 г. (14.2%). По РФ в целом превышения не получилось (8.9 % в 2013 г. и 8.4% в 2016 г.). По Нижегородской области показатель 2016 г. (17.7%) оказался выше показателя 2013 г. (17.5%), но не превысил максимальное значение, имевшееся в 2014 г. (18.2%).

Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о том, что показатель удельного веса инновационной продукции промышленного производства после снижения в 2014 и 2015 г. взял тенденцию на восстановление в 2016 г.

По аналогии со структурой инвестиционного механизма, описанной в работе [23, с. 10], представим структуру механизма формирования научно-технической, промышленной и инновационной политики, указав связи между элементами (рис. 1).

Очевидно, что в трех рассматриваемых направлениях экономической политики каждый из четырех составляющих элементов одного на-

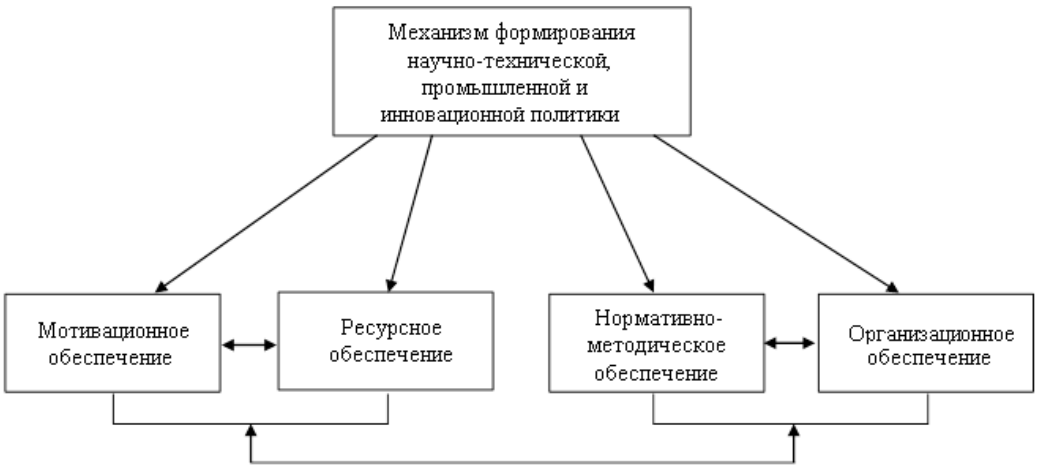


Рис. 1. Структура механизма формирования научно-технической, промышленной и инновационной политики

Таблица 5

Примеры взаимосвязанного регулирования научно-технической, промышленной и инновационной политики на федеральном и региональном уровнях

Федеральный уровень	Региональный уровень
Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [24]: поддержка научно-технической и инновационной деятельности при осуществлении промышленной политики (ст. 12)	Закон Брянской области от 09.06.2006 № 39-З «О науке, научно-технической и инновационной деятельности в Брянской области» [25]; Закон Тамбовской области от 25.04.2003 № 119-З «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области» [26]; Закон Республики Коми от 31.10.2017 № 78-РЗ «О некоторых вопросах в сфере промышленной и инновационной политики в Республике Коми» [27]; Закон Тюменской области от 21.02.2007 № 544 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Тюменской области» [28]

правления имеет общие компоненты и пересечения с аналогичными элементами других направлений. Мотивация в области создания высокотехнологичной промышленности немыслима без мотивации в области науки и техники и распространения инноваций. Инвестиционные, кадровые ресурсы являются определяющими для каждого из сопоставляемых направлений экономической политики.

Сходство и пересечение наблюдается также в нормативно-методическом и организационном обеспечении. Во-первых, нормативно-правовые документы нередко регулируют аспекты, относящиеся к разным рассматриваемым видам экономической политики (табл. 5).

После принятия федерального закона во многих регионах стали принимать новые или редактировать имевшиеся законы, посвященные промышленной политике. Такие региональные законы, в свою очередь, могут содержать нормы по поддержке научно-технической и инновационной деятельности в сфере промышленности (например, [29, ст. 7]).

Во-вторых, взаимодействие отражено в компетенции регулирующих и консультативных органов. Примеры:

– Министерство промышленности и науки Свердловской области;

– Министерство промышленности и инновационной политики Республики Башкортостан;

– Департамент по науке и инновациям Ямало-Ненецкого автономного округа;

– Совет при Губернаторе Нижегородской области по науке и инновационной политике.

Тесная взаимосвязь между регулирующими мерами воздействия на научный и промышленный потенциал, а также между результатами подобного воздействия побуждает авторов использовать термин «научно-промышленная политика» [8, с. 88; 30], под которой следует подразумевать систему мер по использованию передовых научных достижений для развития промышленного производства. По аналогии выделяются научно-инновационная и инновационно-промышленная (промышленно-инновационная) политика [31; 32; 33, с. 169–178].

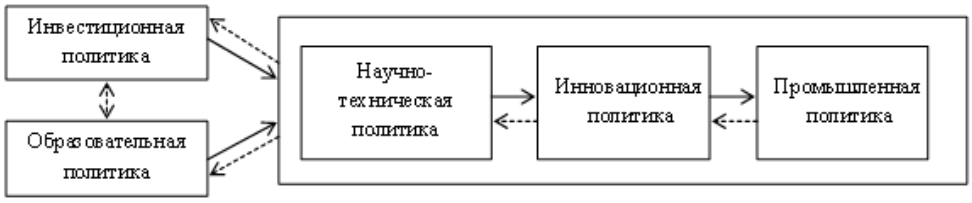


Рис. 2. Прямые и обратные связи между направлениями экономической политики, определяющими конкурентоспособность национальной экономики в условиях НТП

Учет перекрестного взаимодействия является важной составляющей успешной реализации регулирующих мер в рассматриваемых сферах. На наш взгляд, прежде всего, необходимо обращать внимание на взаимодействие институтов. Рассматривая взаимосвязь промышленной, инновационной и технологической политики государства, В.Г. Фролов делает акцент на институциональных факторах развития промышленной политики, под которыми «понимаются факторы, связанные с управлением и регулированием сферы промышленного производства, а также меры по улучшению управления и преобразованию институтов (правил, норм, установлений) в данной сфере» [34, с. 92–93]. При этом автор ссылается на результаты исследований, выявивших «значимую корреляцию объемов промышленного производства с коэффициентом качества государственного управления» [34, с. 91].

Перестройка национальной экономики в соответствии с требованиями новейшего технологического уклада возможна только при грамотном взаимодействии пяти направлений экономической политики государства, три из которых (промышленная, инновационная и научно-техническая политика) можно условно считать основными, а два (инвестиционная и образовательная политика) – вспомогательными (обеспечивающими). Соотношение между данными направлениями экономической политики можно представить в виде схемы (рис. 2).

Сплошной линией нарисованы стрелки, обозначающие прямое влияние, пунктирные стрелки показывают косвенное воздействие. Инвестиционная и образовательная политика воздействуют на блок из трех ключевых направлений (научно-техническая, инновационная и промышленная политика). Внутри этого блока также имеются взаимодействия. Как уже установлено ранее, эти взаимодействия носят перекрестный характер. Тем не менее связь между научно-технической и промышленной политикой, на наш взгляд, опосредуется инновационной политикой. Именно через инновационную политику возможно перекрестное взаимодействие между указанными направлениями экономической политики. Инновационная политика становится связующим звеном между научно-технической и промышленной политикой. В конце схемы обозначена промышленная политика, потому что именно она отвечает за конечный экономический эффект сложного взаимодействия инвестиций, развития системы образования, науки и техники, выраженного в появлении технологических и продуктовых инноваций. Промышленное производство «материализует» всю систему представленных экономических связей и отражает ее эффективность.

Заключение

При определении научно-технической политики, на наш взгляд, необходимо делать акцент на организационно-институциональном обеспечении, в том числе взаимодействии государственных и общественных институтов. К реализации научно-технической политики необходимо подключить широкий круг субъектов, прямо или косвенно заинтересованных в ее результатах.

Организационно-институциональное обеспечение научно-технической политики включает нормативно-правовую основу и систему регулирующих институтов.

Правовые основы научно-технической политики в РФ содержатся в федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике». Кроме того, научно-техническая политика регулируется иными федеральными законами и подзаконными нормативно-правовыми актами, а также законодательством субъектов РФ.

Реализация научно-технической политики должна ориентироваться на обозначенные в законодательстве цели и проводиться соответствующими федеральными органами и органами субъектов РФ, полномочия которых обозначены в федеральном законе. Значительные полномочия по реализации научно-технической политики на федеральном уровне возложены на Министерство науки и высшего образования РФ.

Научно-техническая политика тесно взаимосвязана с промышленной и инновационной политикой. Между данными направлениями эко-

номической политики наблюдается перекрестное взаимодействие, выражающееся в том, что субъекты одного из рассматриваемых направлений экономической политики, реализуя свое регулирующее воздействие, влияют на результирующие показатели других рассматриваемых направлений.

Взаимодействие научно-технической политики с промышленной и инновационной политикой проявляется и в системе организационно-институционального обеспечения (как в содержании нормативно-правовых документов, так и в компетенции регулирующих и консультативных органов). Зачастую официальные документы и направления работы регулирующих органов посвящены взаимодействующим направлениям (например, научно-технической и инновационной политике).

Эффективность реализации мер данной триады (научно-техническая, промышленная и инновационная политика) во многом определит место России в международной экономической специализации и привлекательность российской экономики (в первую очередь промышленного сектора) для отечественных и зарубежных инвесторов.

При управлении взаимодействием различных направлений экономической политики, определяющих конкурентоспособность экономики в условиях НТП и развертывания новейшего технологического уклада, особое внимание должно уделяться институциональному фактору. Детальное изучение функционирования институтов, исследование сложной системы взаимосвязей и взаимозависимостей между ними представляется единственным верным путем к успеху экономических реформ и модернизации национальной экономики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Нижегородской области в рамках научного проекта № 18-410-520009.

Список литературы

1. Быковская Г.А. К вопросу о государственной научно-технической политике в СССР в 50–80-е годы // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2003. № 2. С. 12–18.

2. Воробьева И.П. Научно-техническая политика в России, ее возможности и проблемы // Проблемы управления в социальных системах. 2013. Т. 6. Вып. 9. С. 36–43.

3. Данилин И.В. Современная научно-техническая политика США: инструменты и основные направления: Монография. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 140 с.

4. Знаменский Д.Ю. Государственная научно-техническая политика Российской Федерации на современном этапе // Власть. 2015. № 8. С. 34–38.

5. Мельников В.В. Содержание инновационной и научно-технической политики государства при построении национальной инновационной системы // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 4. С. 47–61.

6. Мухутдинова Т.З., Сергеева Е.А. Государственная научно-техническая и инновационная политика, венчурное финансирование в НГХК: Учебное пособие. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. 172 с.

7. Сухарев О.С. Экономический рост, институты и технологии: Монография. М.: Финансы и статистика, 2014. 464 с.

8. Тупчиенко В.А. Государственная экономическая политика: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям экономики и управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 663 с.

9. Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

10. Федеральный закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 39. Ст. 4883.

11. Указ Президента РФ от 07.07.2011 № 899 (ред. от 16.12.2015) «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 28. Ст. 4168.

12. Постановление Правительства РФ от 21.05.2013 № 426 (ред. от 25.09.2017) «О федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014–2020 годы» // СЗ РФ. 2013. № 22. Ст. 2810.

13. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 216.

14. Закон Чувашской Республики от 20.06.2002 № 18 (ред. от 04.03.2016) «О науке и научно-технической политике Чувашской Республики» // Республика. 2002. № 51–52.

15. Закон Пермского края от 02.04.2008 № 220-ПК (ред. от 10.03.2017) «О науке и научно-технической политике в Пермском крае» // Собрание законодательства Пермского края. 2008. № 5 (I часть).

16. Закон Московской области от 06.05.2016 № 38/2016-ОЗ «О научно-технической политике органов государственной власти Московской области» // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2016. № 91.

17. Закон Новосибирской области от 20.04.1995 № 17-ОЗ (ред. от 02.03.2017) «О научной деятельности и научно-технической политике Новосибирской области» // Советская Сибирь. 1995. № 86.

18. Закон Санкт-Петербурга от 12.10.2009 № 411-85 (ред. от 12.12.2017) «Об основах научно-технической политики Санкт-Петербурга» // Вестник

Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2009. № 25.

19. Закон Нижегородской области от 01.02.2007 № 7-З (ред. от 30.04.2014) «О грантах Нижегородской области в сфере науки, технологий и техники» // Нижегородские новости. 2007. № 22 (3674).

20. Постановление Администрации Нижегородской области от 10.03.1998 № 60 «О принципах научно-технической и инновационной политики Нижегородской области» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/944905094 (дата обращения: 04.09.2018).

21. Распоряжение Правительства Нижегородской области от 19.04.2010 № 663-р (ред. от 14.12.2016) «О создании Совета при Губернаторе Нижегородской области по науке и инновационной политике» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/944945766 (дата обращения: 04.09.2018).

22. Официальная статистика. Наука, инновации и информационное общество [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/ (дата обращения: 03.05.2018).

23. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г. Инвестиционные механизмы развития промышленного производства: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. 156 с.

24. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «О промышленной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 41.

25. Закон Брянской области от 09.06.2006 № 39-З (ред. от 28.02.2017) «О науке, научно-технической и инновационной деятельности в Брянской области» // Брянский рабочий. 2006. № 89.

26. Закон Тамбовской области от 25.04.2003 № 119-З (ред. от 25.07.2012) «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. 2003. № 96–98.

27. Закон Республики Коми от 31.10.2017 № 78-РЗ «О некоторых вопросах в сфере промышленной и инновационной политики в Республике Коми» (с изменениями) [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Перечень правовых актов, принятых органами государственной власти Республики Коми, иной официальной информации». URL: http://www.law.rkomi.ru (дата обращения: 02.10.2018).

28. Закон Тюменской области от 21.02.2007 № 544 (ред. от 11.10.2013) «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Тюменской области» // Вестник Тюменской областной Думы. 2007. № 3.

29. Закон Саратовской области от 01.08.2016 № 97-ЗСО «О промышленной политике в Саратовской области» // Собрание законодательства Саратовской области. 2016. № 10.

30. Шогенов Б.А., Мамбетова Ф.А., Сабанчиев А.Х. Формирование региональной научно-промышленной политики как фактор модернизации экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 26 (329). С. 2–7.

31. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15.02.2006 № 1)) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=101907&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8694796730272438#07378774852579078 (дата обращения: 03.05.2018).

32. Юмаев Е.А. Инновационно-промышленная политика в свете перехода к индустрии 4.0: зарубежные тенденции и вызовы для России // Журнал экономической теории. 2017. № 2. С. 181–185.

33. Региональная экономика: Учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / Под ред. Г.Б. Поляка. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 463 с. (Золотой фонд российских учебников).

34. Фролов В.Г. Институциональные факторы развития промышленной политики // Креативная экономика. 2013. Т. 7. № 2. С. 89–95.

THE INTERRELATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL, INDUSTRIAL AND INNOVATION POLICY AT THE FEDERAL AND REGIONAL LEVEL

O.V. Trofimov, A.P. Kostyrev, L.V. Strelkova, Yu.A. Makusheva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of the study is to consider the organizational and institutional framework for the realization of scientific and technical policy in Russia at the present stage and to examine the main aspects of the interrelation of scientific and technical, industrial and innovation policy at the federal and regional level. This study is based on the systems approach and the use of the comparative method and the method of analysis of legal and theoretical material, as well as statistical information. The existing approaches to the definition of scientific and technical policy and the peculiarities of legal regulation and implementation of scientific and technical policy are considered. The mechanism of cross-interaction of scientific and technical, industrial and innovation policies is revealed; the need to take into account this interaction by the state in the implementation of regulatory measures is substantiated. Some statistical data on the regions of the Volga Federal District are given to illustrate the authors' conclusions.

Keywords: scientific and technical policy, organizational and institutional support, industrial policy, innovation policy.

УДК 338.4

СИСТЕМНЫЕ ЭФФЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЛОЖНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ В СООТВЕТСТВИИ С КОНЦЕПЦИЕЙ «ИНДУСТРИЯ 4.0»

© 2018 г.

В.Г. Фролов, В.Я. Захаров, Д.И. Каминченко, А.А. Павлова

Фролов Владислав Генрихович, к.э.н., доц.; доцент кафедры экономики фирмы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
frolov.unn@gmail.com
Захаров Владимир Яковлевич, д.э.н., проф.; профессор кафедры экономики фирмы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zaxarov48@yandex.ru
Каминченко Дмитрий Игоревич, к.э.н.; ассистент Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
dmitkam@iee.unn.ru
Павлова Ангелина Александровна, аспирант кафедры экономики фирмы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
angelina.pavlova@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 05.10.2018
Статья принята к публикации 31.10.2018

Цель исследования – выявление и классификация эффектов развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0». Системный подход и метод экспертного опроса позволил проанализировать действительные результаты и возможности цифровизации российских промышленных предприятий и предложить классификацию системных и синергетических эффектов развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0».

Ключевые слова: цифровая экономика, системные эффекты, цифровизация, промышленные предприятия, сложные экономические системы, промышленная политика, «Индустрия 4.0».

Введение

Крайне важным при изучении стратегий развития сложных экономических систем в условиях «Индустрии 4.0» является использование системного подхода, когда предприятие или группа взаимодействующих предприятий рассматриваются как система. Вся система может приобретать такие новые особые свойства, которые не могли бы быть сформированы или получены по отдельности. В этом заключается эмерджентное свойство современных сложных экономических систем. Именно эмерджентность является главной характеристикой наличия или отсутствия системного эффекта. Как отмечают В.М. Вдовин, Л.Е. Суркова и В.А. Валентинов, эмерджентность системы – это «качество, свойства системы, которые не присущи её элементам в отдельности, а возникают благодаря объединению этих элементов в единую целостную систему» [1]. Согласно М.П. Власову и П.Д. Шимко, под эмерджентностью необходимо понимать «наличие у системы свойств целостности, или эмерджентных свойств, которые не присущи элементам системы и не являются формальным следствием свойств элементов» [2].

Системные эффекты, выраженные через призму эмерджентного свойства, следует отличать от синергетических эффектов. Как известно, синергия системы заключается в том, что «результативность системы равна сумме результатов деятельности каждого элемента плюс синергетический эффект, равный дополнительному результату, вызванному взаимодействием их элементов» [1]. Таким образом, синергетический эффект в деятельности, например, группы интегрированных предприятий выражается в их общем вкладе в полученный результат плюс дополнительный эффект от их взаимного сотрудничества. В свою очередь, системный эффект (проявляющийся, как уже отмечалось, через эмерджентность) выражается в возникновении нового «прорывного» результата/показателя.

В научных работах зарубежных и российских ученых анализу эффективности цифровой трансформации промышленного производства уделено значительное внимание. Ян Смит, Стефан Креутзер, Каролин Мэллер, Малин Арлберг проанализировали общие сильные и слабые стороны, возможности и угрозы, связанные с «Индустрией 4.0» [3]. Многие российские авторы также анализируют возможные эффекты от цифровизации, в том числе в рамках синергии. Так, С.В. Здольникова и А.В. Бабкин отмечают, что, объединив усилия, интегрированные

предприятия достигают синергетического эффекта, который возникает в результате расширения и интенсификации инженерно-технических коммуникаций, таких как совместное использование сырья, энергии и других ресурсов, материально-технической базы, консолидация капитала и другие [4]. Р.В. Солошенко придерживается мнения о возможности достижения синергетических эффектов в российской экономике на основе активизации интеграционных и кооперационных связей объектов системы при учете сбалансированности воспроизводственных процессов [5].

Проанализировав имеющуюся совокупность научных работ по обозначенной теме, можно сделать вывод о том, что авторы этих исследований выделяют отдельные эффекты, которые являются наиболее важными для производства продукции в условиях цифровой трансформации промышленности [1–7]. Здесь, на наш взгляд, необходимо применение системного подхода. Также большинство исследований посвящено изучению возможностей «Индустрии 4.0» на основе потенциала и условий функционирования промышленных комплексов ведущих зарубежных стран [8–12]. Однако реализация одной и той же концепции в разных условиях может иметь различные результаты. Таким образом, на наш взгляд, наблюдается недостаточный уровень развития методологических основ оценки эффективности развития сложных экономических систем в условиях цифровой трансформации российской промышленности.

Классификация системных и синергетических эффектов развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0»

Как было отмечено ранее, под системным эффектом понимается возникновение у сложной экономической системы новых свойств за счет взаимодействия составляющих систему элементов. Однако результатом объединения элементов в новую единую систему может быть как возрастание, так и снижение эффективности деятельности. В таблице 1 и на рисунке 1 приведены результаты проведенного нами экспертного опроса в отношении эффектов цифровизации среди руководителей различного уровня более 40 российских промышленных предприятий: IT-директоров, менеджеров в различных функциональных направлениях деятельности. Период проведения опроса: октябрь 2017 года – май 2018 года. Участники ответили на 28 вопросов относительно понимания стратегии «Индустрия 4.0» и внедрения процессов цифровизации в деятельность промышленных предприятий.

В отношении потенциальных возможностей внедрения принципов «Индустрии 4.0» на промышленных предприятиях опрашиваемые эксперты дали следующую оценку (рис. 1). Респонденты обозначили, что наибольший эффект (84.6%) будет достигнут в направлении оптимизации производства. Следующий весомый эффект ожидается в направлении появления новых бизнес-моделей (71.8%). На третьем месте – увеличение удовлетворенности конечного потребителя (51.3%). Не случайно все последние стандарты группы ISO по отраслям ставят конечной целью любой оптимизации стремление к росту уровня удовлетворенности конечного потребителя, например за счет увеличения гибкости производства и скорости реакции на запросы на изменение.

Важным, на наш взгляд, также является характеристика рисков цифровизации, которые будут являться своеобразными ограничениями в контексте развития возможностей и образования эффектов от внедрения. Так, результаты опроса показали следующие наиболее весомые риски цифровизации, отмеченные экспертами (табл. 1).

Эксперты российских предприятий отметили следующие ключевые риски цифровизации, которые могут уменьшить потенциальные эффекты от внедрения современных цифровых технологий:

1) проблемы, связанные с внедрением самих технологий «Индустрии 4.0»;

2) безопасность данных;

3) отсутствие рыночной потребности для постановки задачи создания решения (программного продукта) в рамках «Индустрии 4.0».

Управление рисками является одной из девяти областей знаний, распространяемых Институтом управления проектами (PMI), и, вероятно, самым сложным аспектом управления проектами. Кроме того, управление рисками в контексте управления проектами представляет собой комплексный и систематический способ выявления, анализа и реагирования на риски для достижения целей проекта [8]. Если действующая система менеджмента рисков оказывается недостаточной, необходимо принять меры для управления уровнем риска до приемлемого и разумного уровня. В настоящее время внедрение надлежащего управления рисками или системы безопасности внутри организаций, особенно крупных, стало юридическим требованием сверх морального обязательства защищать своих сотрудников [9]. За последние несколько лет появилось управление корпоративными

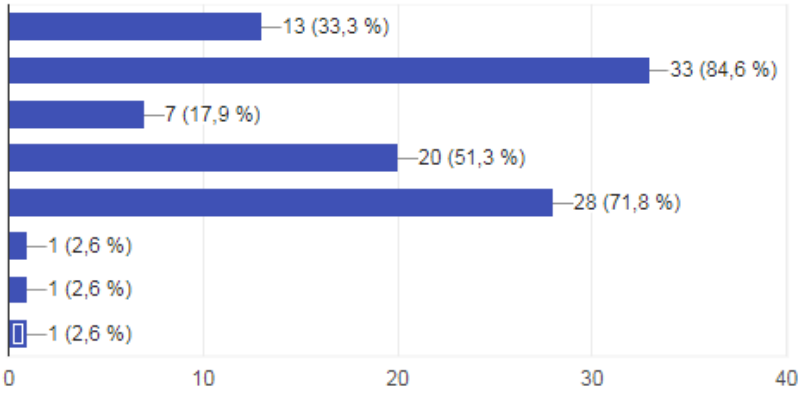


Рис. 1. Ожидаемые эффекты цифровизации по результатам опроса (сверху вниз): увеличение объемов продаж; оптимизация производства; расширение портфеля товаров и услуг; повышение качества обслуживания клиентов; появление новых бизнес-моделей; другие. Всего 39 ответов

Таблица 1

Экспертная оценка руководителей российских предприятий рисков цифровизации

Вид риска	Экспертная характеристика значимости, %
Проблемы внедрения технологий (доступность ПО, срок амортизации, необходимость наличия способности взаимодействия разных программных средств и платформ)	78.9
Безопасность данных	68.4
Разработка решений в условиях отсутствия конкретной потребности (прогнозы решений, которые могут понадобиться)	31.6
Проблема стандартизации	20.6
Несвоевременная подготовка персонала	2.6
Нерациональное использование технологий (технологии ради технологий)	2.6

рисками (ERM), которое часто обозначается как новая бизнес-тенденция, основанная на принципах традиционного управления рисками.

С помощью индикаторов риска можно контролировать определенный риск, а также группу коррелирующих рисков. Они предоставляют информацию о риске, такую как система предупреждения о будущих угрозах, методы реагирования на риск. Существует пробел в вопросе о подключении KRI (ключевой индикатор результата) и KPI (ключевые показатели эффективности) во всех процессах проектной деятельности. Нет систематической основы того, как эффективно связывать эти два показателя и использовать их в сотрудничестве. Идея заключается в том, что в сотрудничестве они должны иметь возможность предоставлять полезные данные для повышения эффективности работы проекта (на основе методологий, которые используются в вопросах производительности) и управления рисками в целом. Цель идентификации рисков в рамках цифрового предприятия состоит в том, чтобы создать полный перечень рисков, основанных на событиях, которые могут создавать, улучшать, предотвращать, ускорять или замедлять достижение целей.

Процессы интеграции, проходящие на стандартном промышленном предприятии и цифровом, можно разделить на вертикальные и горизонтальные. Вертикальная интеграция указывает на растущий обмен информацией и сотрудничество между различными уровнями иерархии (управление, корпоративное планирование, планирование производства) внутри предприятия. Горизонтальная интеграция описывает тесное сотрудничество между несколькими предприятиями в рамках одной сети создания стоимости [10].

Условием функциональности обеих форм интеграции является широкая доступность эффективных и доступных сенсорных сетей (например, радиочастотная идентификация, RFID). На основе этого создаются интеллектуальные («умные») объекты и устройства, которые позволяют осуществлять связь в реальном времени между машинами, рабочими ресурсами и прикладными системами. В совокупности эти технологические разработки обеспечивают основу для внедрения новых производственных процессов и бизнес-моделей на так называемых интеллектуальных заводах [11, 12].

Рассмотрим эффекты цифровизации по мнению зарубежных экспертов. По данным компании McKinsey, эффект от внедрения технологий и концепции «Индустрии 4.0» в России предполагается ежегодно на уровне 1.3–4.1 трлн рублей, что определено исходя из расчетного эффекта внедрения технологий «Индустрии 4.0» в

Таблица 2

Эффекты цифровизации промышленных предприятий на основе отчета компании McKinsey [13]

<table>
<tr><td colspan="5">Ежегодный эффект от цифровизации промышленного производства в России (1.3–4.1 трлн руб.)</td></tr>
<tr><td>Управление производственными операциями (0.64–2.24 млрд руб.)</td><td>Превентивное обслуживание (0.32–0.85 млрд руб.)</td><td rowspan="4">Оптимизация товарных запасов (0.16–0.55 млрд руб.)</td><td rowspan="4">Здравоохранение и безопасность (0.11–0.37 млрд руб.)</td><td rowspan="4">Предпродажная аналитика (0.20 млрд руб.)</td></tr>
<tr><td>Производительность работников (0.02–0.06 млрд руб.)</td><td>Оптимизация послепродажного обслуживания (0.50–0.275 млрд руб.)</td></tr>
<tr><td>НИОКР и основное производство (0.01–0.06 млрд руб.)</td><td>Удлинение жизненного цикла оборудования (0.14–0.39 млрд руб.)</td></tr>
<tr><td>Логистика и складское хозяйство (0.01–0.02 млрд руб.)</td><td>Увеличение технической доступности оборудования (0. 13–0.19 млрд руб.)</td></tr>
</table>

развивающихся странах с поправкой на долю ВВП России в общем ВВП развивающихся стран [13].

По прогнозам компании McKinsey [13], внедрение современных технологий способно значительно улучшить деятельность предприятий в целом ряде областей. Например, в области управления производственными операциями технологии «Индустрии 4.0» могут содействовать оптимизации и автоматизации основных производственных и управленческих бизнес-процессов, повысить эффективность использования оборудования за счет обработки получаемых в реальном времени массивов данных и выявления скрытых взаимозависимостей, а также усовершенствовать планирование расхода сырья и графика выпуска готовой продукции. В области обслуживания оборудования современные технологии позволяют выстроить систему превентивного обслуживания, функционирующую на основе прогностических моделей с использованием данных, получаемых в реальном времени, которые помогают оценить реальную потребность оборудования в обслуживании и ремонте и оптимизировать эти процессы. Подобные системы способствуют повышению коэффициента технической готовности оборудования и продлевают жизненный цикл оборудования за счет более эффективного обслуживания. Цифровизация открывает перед компаниями интересные перспективы повышения эффективности в сфере управления складскими запасами и логистическими процессами предприятия. Внедрение автоматизированных систем управления цепочками поставок позволяет добиться значительной оптимизации запасов готовой продукции, сырья, запасных частей, хранящихся на складах предприятия. Цифровые инструменты также сокращают логистические издержки, помогают эффективнее планировать маршруты, контролировать загрузку транспорта, точнее расставляют приоритеты логистических операций в масштабах всего предприятия.

Используя результаты, полученные в предыдущих исследованиях [14, 15], результаты проведенного нами экспертного опроса, а также общедоступные аналитические данные, попробуем классифицировать эффекты развития сложных экономических систем в условиях «Индустрии 4.0» (результаты представлены в табл. 3 и 4).

К синергетическому типу эффектов могут быть отнесены: значительное повышение производительности и рентабельности производства, значимое сокращение производственного цикла выпускаемой продукции (это возможно при задействовании в процессе промышленного производства сразу нескольких высокотехнологических площадок интегрированных предприятий), повышение производительности совместной работы между структурными подразделениями (тесная интеграция и кооперация высокопроизводительных промышленных предприятий создает ощутимые предпосылки для тесного и гибкого сотрудничества их структурных подразделений, создавая целую сеть взаимодействующих субъектов в рамках взаимодействующих предприятий), управление внутренними производственными операциями; повышение точности прогнозирования; оптимизация производства (в формировании этих трёх указанных эффектов определяющую роль играет использование производственных мощностей и технологических ресурсов интегрированных предприятий) и другие. Указанные эффекты могут быть отнесены непосредственно к синергетическому типу эффектов, так как при их достижении не приобретается новое качество системы, а происходит повышение эффективности деятельности организации.

Таблица 3

Классификация синергетических эффектов развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0»

Вид синергетического эффекта	Детализация
Критерий классификации: функциональная направленность	
Синергетический эффект в логистике	Направление синергии: повышение эффективности логистических операций
	Влияние на показатели: • Повышение быстроты реакции системы на изменения • Повышение удовлетворенности конечного потребителя • Использование возможностей по заполняемости тары и средств перевозки
Синергетический эффект в финансово-экономической деятельности	Направление синергии: повышение эффективности финансово-экономической деятельности предприятия
	Влияние на показатели: • Значительное повышение производительности труда • Значительное повышение рентабельности производства
Синергетический эффект в управлении производством	Направление синергии: оптимизация производственных процессов за счет применения новых технологий «Индустрии 4.0»
	Влияние на показатели: • Сокращение производственного цикла • Снижение затрат • Сокращение времени при принятии решений • Приведение производственного цикла к международным стандартам • Повышение производительности совместной работы между структурными подразделениями • Сокращение времени простоя оборудования • Распределение загрузки производящих средств и персонала, совершенствование работы по принципам JIT, JIS • Сокращение производственных запасов
Синергетический эффект в прогнозировании	Направление синергии: повышение качества прогнозирования
	Влияние на показатели: • Повышение точности прогнозирования
Критерий классификации: по природе возникновения	
Внешние (по отношению к одному или нескольким интегрированным предприятиям) системные эффекты (опосредованы прежде всего воздействием внешней среды, например необходимостью соответствовать конкурентным требованиям со стороны других предприятий или предпочтениям конечных потребителей)	Направление синергии: повышение эффективности логистических операций
	Влияние на показатели: • Повышение быстроты реакции системы на изменения • Повышение удовлетворенности конечного потребителя
Внутренние (по отношению к одному или нескольким интегрированным предприятиям) системные эффекты (опосредованы прежде всего задачами внутреннего развития и совершенствования принципов работы внутри предприятия или группы интегрированных предприятий)	Направление синергии: повышение эффективности производственной и финансово-экономической деятельности предприятия
	Влияние на показатели: • Значительное повышение производительности труда • Значительное повышение рентабельности производства • Сокращение производственного цикла • Снижение затрат • Сокращение времени при принятии решений • Приведение производственного цикла к международным стандартам • Повышение производительности совместной работы между структурными подразделениями • Сокращение времени простоя оборудования • Распределение загрузки производящих средств и персонала, совершенствование работы по принципам JIT, JIS • Сокращение производственных запасов • Повышение точности прогнозирования

Таблица 4

Классификация системных эффектов развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0»

Вид системного эффекта	Детализация
Критерий классификации: функциональная направленность	
Системный эффект в проектировании продукции	Цифровые двойники продукта, использование которых позволяет значительно снизить затраты и сократить время выхода продукта на рынок
Системный эффект в управлении предприятием	Появление новых бизнес-моделей; децентрализация процессов управления; полностью электронный документооборот внутри и за пределами промышленного предприятия, а также в кластере между партнерами; непрерывный контроль качества
Системный эффект в логистике	Новый тип интеллектуальной, связной и гибкой цепочки создания стоимости
Системный эффект в маркетинге	Кастомизированная продукция массового производства, использование больших массивов статистических данных (big data), которые собираются группой предприятий
Системный эффект в обеспечении информационной безопасности	Высокая зависимость от устойчивости технологий и сетей; потенциальная потеря контроля над предприятием, группой предприятий; влияние на время бесперебойной работы информационных систем интегрированных предприятий
Системный эффект в управлении персоналом	Перераспределение знаний и умений работников в новые или смежные направления; сокращение штата исполнителей повторяющихся операций; перемещение акцента на оттачивание персональных профессиональных навыков и умений, на развитие умений во взаимодействии человек/робот
Критерий классификации: по природе возникновения	
Внешние (по отношению к одному или нескольким интегрированным предприятиям) системные эффекты (опосредованы прежде всего воздействием внешней среды, например необходимостью соответствовать конкурентным требованиям со стороны других предприятий или предпочтениям конечных потребителей)	Появление новых бизнес-моделей; новый тип интеллектуальной, связной и гибкой цепочки создания стоимости; кастомизированная продукция массового производства; высокая зависимость от устойчивости технологий и сетей; потенциальная потеря контроля над предприятием, группой предприятий; влияние на время бесперебойной работы информационных систем интегрированных предприятий
Внутренние (по отношению к одному или нескольким интегрированным предприятиям) системные эффекты (опосредованы прежде всего задачами внутреннего развития и совершенствования принципов работы внутри предприятия или группы интегрированных предприятий)	Цифровые двойники продукта; децентрализация процессов управления; полностью электронный документооборот внутри и за пределами промышленного предприятия, а также в кластере между партнерами; непрерывный контроль качества

Теперь постараемся выделить основные системные эффекты развития сложных экономических систем в условиях «Индустрии 4.0», которые подразумевают получение какого-либо нового, «прорывного» результата. К подобному типу эффектов, на наш взгляд, могут быть отнесены следующие.

1. *Создание нового типа интеллектуальной, связной и гибкой цепочки создания стоимости.* Использование цифровых технологий коренным образом видоизменяет процессы, входящие в цепочку создания добавленной стоимости, снижая финансовые, временные и трудовые затраты предприятия. Создание киберфизических систем, когда взаимодействие в рамках интегрированных предприятий происходит при активном задействовании облачных и сенсорных технологий, позволяет говорить о совершенно новом типе цепочки создания добавленной стоимости, которую неслучайно именуют «гибкой» и «связной». В этих признаках содержится новый подход к процессам разработки, проектирования, производства и реализации промышленной продукции, где учитывается глубокая и интенсивная интеракция между предприятиями и ориентация на конечного потребителя.

2. *Появление новых бизнес-моделей.* Возникновение новых бизнес-моделей, учитывающих изменения, вызванные внедрением на производстве киберфизических систем, может быть рассмотрено и как системный эффект развития промышленных предприятий. Несмотря на уже

имеющиеся эмпирические примеры глубокого и интерактивного типа сотрудничества предприятий, существует большой потенциал для возникновения новые форм сотрудничества различных предприятий, активно внедряющих и использующих в процессе промышленного производства технологии «Индустрии 4.0». Это, в свою очередь, открывает прорывные возможности для построения новых бизнес-моделей, учитывающих ещё более тесное и «гибкое» сотрудничество.

3. *Производство кастомизированной продукции в серийном производстве; увеличение удовлетворенности конечного потребителя.* Подобный эффект необходимо отнести к системному типу, что обусловлено индивидуализацией процесса серийного промышленного производства в условиях «Индустрии 4.0» и участием сразу группы предприятий в производстве конечного продукта, причём в рамках производственного процесса каждое из предприятий, в том числе относящееся к сфере услуг, выполняет свою сугубо конкретную функцию. Всё это создает совершенно новый, «прорывной» эффект/результат, направленный на удовлетворение конкретного потребителя. Кроме того, необходимо отметить, что особую новизну подобной продукции придает использование соответствующих технологических инструментов (датчиков), позволяющих отслеживать и определять состояние продукции в тот или иной период её потребления.

4. *Потенциальная потеря контроля над предприятием*, высокая зависимость от устойчивости технологий и сетей, когда небольшие сбои могут привести к серьезным последствиям (данный эффект, безусловно, имеет место ввиду увеличения числа партнеров-предприятий, сотрудничающих в рамках системы, что увеличивает и риски, связанные с уязвимостью информационно-коммуникационных систем, поддерживающих сотрудничество предприятий) и другие.

Заключение

Результаты исследования являются неотъемлемой частью формирования методологии, необходимой для обеспечения развития сложных экономических систем в условиях цифровой трансформации промышленности, в том числе создания принципиально новых бизнес-моделей, цепочек создания добавленной стоимости, организационно-экономических механизмов обеспечения и оценки эффективности развития сложных экономических систем «Индустрии 4.0».

Полученная нами классификация системных и синергетических эффектов будет использована в дальнейших исследованиях для создания методики оценки и мониторинга эффективности развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №» 18-010-00781.

Список литературы

1. Вдовин В.М., Суркова Л.Е., Валентинов В.А. Теория систем и системный анализ. 3-е изд. М.: Дашков и К, 2018. 644 с.

2. Власов М.П., Шимко П.Д. Оптимальное управление экономическими системами: Учебное пособие. М.: НИЦ «ИНФРА-М», 2014. 312 с.

3. Smit J., Kreutzer S., Moeller C., Arlberg M. Industry 4.0 / European parliament. 2016.

4. Zdolnikova S.V., Babkin A.V. Integrated industrial structures as a tool for implementing the synergetic approach to forming the industrial policy // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2016. № 2 (240). С. 80–88.

5. Солошенко Р.В. Систематизация синергетических эффектов в экономике // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. № 1. С. 15–18.

6. Иванов А., Токаренко Р. Планирование ремонтов: выбор оптимального пути [Электронный ресурс]. URL: http://www.osp.ru/cio/2009/02/7135198.

7. Мизюн В.А., Похлебкин С.А. Интегрированные системы визуального управления производством, диагностики и планирования ремонта технологического оборудования в химической промышленности: эффект синергии // Организатор производства. 2012. Т. 52. № 1. С. 37–41.

8. Banaitiene N. and Banaitis A. Risk Management in Construction Projects // In: Risk Management – Current Issues and Challenges, InTech, 2012.

9. Malik S.A., Holt B. Factors that affect the adoption of Enterprise Risk Management (ERM) // OR Insight. 2013. Vol. 26, 4. P. 253–269.

10. Brettel M., Friederichsen N., Keller M., Rosenberg M. How virtualization, decentralization and network building change the manufacturing landscape: An Industry 4.0 perspective // World Acad. Sci. Eng. Technol. Int. J. Mech. Aerospace, Ind. Mechatron. Manuf. Eng. 2013. 8(1). P. 37–44.

11. Niesen T., Houy C., Fettke P., Loos P. Towards an integrative big data analysis framework for data-driven risk management in Industry 4.0 // 49th Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS). 2016. P. 5065–5074.

12. Lucke D., Constantinescu C., Westkämper E. Smart factory – A step towards the next generation of manufacturing // Manufacturing Systems and Technologies for the New Frontie. London: Springer London, 2008. P. 115–118.

13. Аптекман А., Калабин В., Клинцов В. и др. Цифровая Россия: новая реальность. URL: https://www.mckinsey.com/ru/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx.

14. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г., Павлова А.А. Основные экономические факторы развития автомобильного производства в России в рамках концепции Индустрия 4.0 // Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / Под ред. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2017. С. 296–317.

15. Фролов В.Г., Павлова А.А. Анализ рисков в проектной деятельности промышленного предприятия в рамках стратегии Индустрия 4.0 // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10-1 (87). С. 880–886.

SYSTEMIC EFFECTS OF COMPLEX ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT IN ACCORDANCE WITH THE INDUSTRY 4.0 CONCEPT

V.G. Frolov, V.Ya. Zakharov, D.I. Kaminchenko, A.A. Pavlova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of the study is to identify and classify the effects of the development of complex economic systems in accordance with the Industry 4.0 concept. Using the systems approach and the expert survey method, we analyze the actual results and possibilities of digitalization of Russian industrial enterprises and propose a classification of the systemic and synergistic effects of complex economic systems development in accordance with the Industry 4.0 concept.

Keywords: digital economy, system effects, digitalization, industrial enterprises, complex economic systems, industrial policy, Industry 4.0.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ: СПЕЦИФИКА, ПОТЕНЦИАЛ, АЛГОРИТМ ОРГАНИЗАЦИИ

© 2018 г.

О.А. Аникеева, В.В. Сизикова, С.Н. Фомина

Аникеева Ольга Александровна, к.и.н., доц.; ученый секретарь
Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе специальностей
и направлений подготовки «Социология и социальная работа», Москва
AnikeevaOA@rgsu.net
Сизикова Валерия Викторовна, д.пед.н., проф.; декан факультета социальной работы
Российского государственного социального университета, Москва
SizikovaVV@rgsu.net
Фомина Светлана Николаевна, д.пед.н., доц.; заместитель декана факультета социальной работы
по научной работе, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью
Российского государственного социального университета, Москва
Fomina-sn@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.06.2018
Статья принята к публикации 15.10.2018

Рассматриваются проблемы современного социального образования, соотношение профессионального образования и обучения, его новые цели и задачи, соотношение теоретического и прикладного образования и запрос на активизацию образовательных технологий, применение активных и интерактивных, игровых технологий в социальном образовании. Предметом исследования было избрано изучение потенциала игровых технологий, их специфики, а также барьеров в применении. Было изучено применение игровых технологий в профессиональной подготовке студентов по направлению «Социальная работа» и «Организация работы с молодежью». Авторы исходят из деятельностной концепции обучения. Эта концепция отражает установки современной молодежи на преобразование окружающего мира, а также запросы работодателей на практико-ориентированного специалиста. В исследовании применялись методы теоретического анализа (компаративный анализ, сравнительно-исторический), а также прикладные методы исследования: включенного наблюдения, экспертных оценок и интервьюирования, игровые методы исследования и метод социального эксперимента. В ходе исследования особое внимание было уделено игровым методам, применяемым в ходе организации и проведения международных чемпионатов WorldSkills, чемпионатов «Абилимпикс» для профессионалов с ограничениями возможностей здоровья, студенческих олимпиад и игровых тренингов. Сделан вывод о возможности преодоления латентных противоречий в преподавании теоретических и прикладных дисциплин, показана роль интерактивных и игровых методов в преодолении этих противоречий.

Ключевые слова: профессиональное обучение, профессиональное образование, игровые технологии, специалисты социальной сферы, WorldSkills.

Введение

Игровые технологии трудно назвать инновационными в современном образовании. Природу и значение игровой деятельности в жизни человека описал Йохан Хёйзинга в книге «Homo ludens» («Человек играющий», 1938 г.). Однако в российском профессиональном образовании первая деловая игра была разработана уже в 1932 г. Марией Бирштейн для подготовки кадров управленцев. С этого времени игровые технологии расширяются как по составу, так и по сферам применения. Это особенно важно для профессионального образования.

Для точности постановки проблемы необходимо провести грань между понятиями «профессиональное образование» и «профессиональное обучение». Первое из них относится к результату подготовки кадров. Оно включает теоретическую подготовку и прикладную. Теоретическая подготовка – это усвоение обучающимися абстрактных знаний об окружающем мире, о будущей профессии. Причем в теоретическом образовании есть свой прикладной ас-

пект – к результатам образования относится выработка первичных навыков оперирования полученными знаниями. Это интеллектуальные навыки: самообразование, самостоятельное приобретение теоретических знаний, навыки самостоятельного поиска необходимой информации, навыки интерпретации и обработки полученной информации. Совершенно очевидно, что знаний, полученных в молодые годы в ходе профессионального образования, не может хватить на всю оставшуюся жизнь. Формирование этих интеллектуальных навыков – одна из самых важных задач современного профессионального образования.

Однако современные работодатели предъявляют запрос на практико-ориентированного специалиста. Нужен человек, который не только много знает о профессии и осознает ее социальную значимость, но уже умеет что-то делать в ней. Следовательно, нужно формировать и операционные профессиональные навыки: умение решать конкретные задачи, участвовать в проектной деятельности, навыки коммуникации или принятия решений.

Вот эти два компонента профессионального образования (интеллектуальные и операционные навыки) относятся к профессиональному обучению. Таким образом, профессиональное образование как понятие шире, чем профессиональное обучение (второе входит в первое как важнейший компонент). Но исходя из этого, игровые технологии становятся необходимой составной частью современного профессионального образования.

Игровые технологии в профессиональном обучении в настоящее время очень разнообразны. Это технологии и методы интерактивного обучения, прежде всего деловая игра, многочисленные тренинги, ролевая игра, дискуссионные занятия, занятия, проведенные по аналогии с исследовательским методом фокус-групп. В социальном образовании применение этих методов и технологий сопряжено с определенными трудностями и барьерами. Они исходят из природы самой профессиональной деятельности в социальной работе с условиями неопределенности и многофакторности, нестандартных ситуаций, которые составляют подавляющее большинство решаемых профессиональных задач.

В исследовании применения игровых технологий в социальном образовании накоплен определённый опыт. Изучаются сами игровые методы и технологии (В.Е. Макаров, Е.А. Сигида) [1, 2]. Среди направлений подготовки изучен опыт профессионального образования специалистов по социальной работе (С.Н. Козловская, С.В. Мельников) [3, 4], по работе с молодежью (Т.К. Ростовская, Н.Л. Смакотина, С.Н. Фомина) [5] и по социальной педагогике (О.А. Аникеева, А.М. Егорычев, Л.В. Мардахаев) [6, 7]. Это родственные направления, которые входят в обобщенное определение «социальное образование».

Особое внимание исследователи уделили важнейшим условиям эффективной игровой образовательной деятельности: подготовке кадров преподавателей [8], развитию ценностного отношения студентов к будущей профессии [9], информационному сопровождению образовательной деятельности, позволяющему сформировать навыки самостоятельного образования [10]. Изучается опыт развития разных форм самоорганизации студентов и их общественной деятельности в учебном процессе, формирования soft skills, в которых также используют игровые компоненты [11]. Как было подчеркнуто выше, критерием эффективности игровых технологий (так же как и других образовательных технологий) выступают оценки работодателей. Они же становятся основой для совершенствования игровых технологий, т.к. эти оценки позволяют понять, какие моменты в образовании были упущены и оказались слабее запросов практиков [12–15].

Материалы и методы

Объект проведенного исследования – применение игровых технологий в социальном образовании и обучении. Изучение потенциала игровых технологий, их специфики, а также барьеров в применении стало предметом исследования. Методологической основой стала деятельностная концепция обучения, основанная на трудах выдающихся российских психологов и педагогов Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева. Сегодня они современны как никогда, т.к. соответствуют духу времени, нацеленному на преобразования.

В исследовании применялись методы теоретического анализа (компаративный анализ, сравнительно-исторический), а также прикладные методы исследования: включенного наблюдения, экспертных оценок и интервьюирования, игровые методы исследования и метод социального эксперимента. Наблюдение проводилось с 2012 по 2017 г. в группах студентов, обучающихся по направлениям «Социальная работа» и «Организация работы с молодежью». Анкетирование проведено выборочно в группах 2–4-х курсов бакалавриата (N – 256 чел.). Экспертный опрос проведен в среде профессорско-преподавательского состава (N – 25 чел.), представителей работодателей (N – 12 чел.), предста-

вителей практиков (специалистов по социальной работе, получивших профессиональное образование, *N* – 25 чел.), а также представителей общественных молодежных организаций (в частности, волонтерского центра РГСУ, *N* – 5 чел.).

Авторы проанализировали игровые методы, применяемые в ходе организации и проведения международных чемпионатов WorldSkills, чемпионатов «Абилимпикс» для профессионалов с ограничениями возможностей здоровья, студенческих олимпиад и игровых тренингов. Изучен опыт применения игровых технологий в практике преподавания теоретических и прикладных дисциплин. В основном изучался опыт Российского государственного социального университета как ведущего социального вуза страны, но для сравнения использовался опыт других вузов, ведущих подготовку по соответствующим направлениям.

Результаты

Прежде всего, авторы изучили запрос на практико-ориентированное образование и роль игровых технологий в решении этой задачи. Экспертный опрос работодателей показал, что все они единогласно отметили высокий уровень теоретической подготовки студентов соответствующих направлений подготовки и слабую приспособленность к решению практических задач. Наиболее слабо были развиты, с точки зрения работодателей, коммуникативные навыки, навыки работы в команде, навыки самоорганизации и способность выделить порядки действий (алгоритмы) профессиональной деятельности. Экспертный опрос специалистов по социальной работе показал те же результаты. Отличие заключалось в том, что эксперты из числа получивших профессиональное образование в РГСУ отметили высокий уровень теоретической подготовки и тот факт, что они смогли оценить его уже после окончания университета, уже в процессе профессиональной деятельности. Это значит, что в ходе самой учебы преподавателям не удалось показать значимости и прикладного характера теоретического знания. Экспертный опрос профессорско-преподавательского состава подтвердил и этот вывод.

Анкетирование студентов было направлено на изучение их мнения о сильных и слабых сторонах образовательного процесса, о роли практико-ориентированных навыков в образовании, на выявление уровня их удовлетворенности образовательным процессом. При этом 68% респондентов ответили, что не вполне понимают назначение ряда теоретических предметов. Подавляющее большинство (84%) согласилось с тем, что практико-ориентированных навыков формируется недостаточно. Хотя при этом студенты в большинстве случаев (73%) не осознают, какие именно практические навыки они хотели бы получить. Исключение составляют ответы студентов-заочников, которые имели опыт практической работы до прихода в профессиональное образование. Среди них 93% смогли назвать конкретные требования к навыкам, которыми хотели бы овладеть в процессе обучения. На первом месте оказались навыки диагностики трудной жизненной ситуации, затем навыки разработки социальных проектов, применения арт-технологий. Некоторые запросы касались личностно-профессиональных проблем, таких как профилактика эмоционального выгорания.

Интервьюирование студентов, среди которых преобладали хорошо успевающие, показало, что уровень интереса к теоретическим дисциплинам высок. Однако, обучаясь таким профессиям, как социальная работа или организация работы с молодежью, студенты не всегда понимают содержание этой профессиональной деятельности. Этот вывод подтверждается исследованиями других авторов, которые отмечают недостаточно высокую профессиональную установку абитуриентов, выбравших наши направления подготовки. Часто такой выбор носит эмоциональный характер – желание помогать людям в трудной жизненной ситуации или помогать молодежи проявить себя и достичь высокого социального статуса.

Результат опросов показал высокий уровень установки современной молодежи на преобразование окружающего мира и стремление к самореализации. Именно эти установки и запросы позволяют разрабатывать и применять целый спектр игровых технологий.

Изучение опыта их применения позволило провести типологию этих технологий. По количеству вовлеченных студентов можно выделить индивидуальные игры и коллективные; по уровню включенности в разные уровни образовательного процесса – технологии, адресованные студентам, и технологии дополнительного профессионального образования. Алгоритмы организации и применения игровых технологий в последнем случае будут сильно отличаться. Если студенты, как правило, впервые знакомятся с практическими действиями, то в дополнительном профессиональном образовании преподаватель имеет дело с людьми, которые уже имеют опыт профессиональной деятельности. Это предъявляет иные требования к выбору игровых технологий. Разумеется, типология может касаться и конкретных форм отработки практических навыков.

Наиболее распространёнными оказались *деловые игры и ролевые игры* (*ситуационные иг-*

ры). В процессе деловой игры могут отрабатываться командные навыки: разработка социального проекта, направленного на решение конкретной задачи, или формирование группы специалистов и экспертов, необходимых для решения социальных проблем граждан или сопровождения их реабилитации. Алгоритм подготовки к проведению деловой игры включает следующие действия: выбор цели и задач проведения игры, разработка сюжета (конкретной жизненной ситуации), подготовка участников игры.

При разработке сюжета преподаватели отдают предпочтение реальным ситуациям из опыта работы практиков. Это может быть сюжет из обращений граждан в организации социального обслуживания (в организации социальной защиты) или из опыта работы молодежного объединения, образовательной организации. На этом этапе студенты под руководством преподавателя изучают предлагаемую ситуацию, собирают фактический материал, относящийся к теме, изучают нормативную и правовую основу возможных решений, изучают технологии решения проблемы. Но реально разрабатывается проект или принимается решение в процессе игры, причем преподаватель вправе несколько видоизменить условия выполнения игры, дополнить ее некоторым элементом неожиданности. В ходе игры распределяются роли, вырабатывается алгоритм решения, проводится промежуточный и итоговый контроль. В случае если задача была поставлена сложная, решение ее может занять не одно занятие. По итогам обязательно проводится разбор результатов: анализ самого решения (или проекта), оценка организационных работ, роли и качества действий каждого участника. Проверяются навыки управления, работы в команде, навыки коммуникации.

Ролевые игры организовать сложнее. Они применяются для имитации такого профессионального действия, как, например, первичный прием граждан в организации социального обслуживания. В этом случае сложность заключается в подборе исполнителя роли посетителя. Лучше всего для этого подошли бы возможности практиков, которые реально проводят такие действия на своем рабочем месте, они знакомы с психологией посетителей, с их реальными ситуациями, знают способы реакции посетителей на различные предложения специалиста и т.д. Роль трудного подростка или одинокой пожилой женщины, представителя многодетной семьи сыграть непросто. Следовательно, необходимо решить задачу привлечения практиков к образовательной деятельности (например, соединяя это с экзаменационной сессией студентов-заочников, среди которых есть немало практиков).

Как видим, организация и проведение деловых и ролевых игр – не самая простая технология. Барьером выступает неординарность каждой жизненной ситуации, с которой сталкиваются профессионалы. Но результат превосходит все ожидания: интервьюирование студентов, принимавших участие в проведении деловых и ролевых игр, показало, что они гораздо лучше понимают свою профессию, понимают, какие теоретические знания они могут применить и каких знаний им не хватает. Этот последний результат особенно хотелось бы подчеркнуть как значимый в профессиональном образовании.

Другое значимое направление в организации игровых технологий – *тренинги.* Они носят практический характер, если применяются в профессиональной деятельности. Но и в образовательной они также могут применяться. Это может быть работа с документами (заполнение документа, разработка индивидуальной программы предоставления социальных услуг или индивидуальной программы реабилитации), разработка пресс-релиза о проведенном мероприятии или информации о предстоящих мероприятиях, работа с информацией на сайте какой-либо конкретной организации (социального обслуживания или молодежной организации), разработка собственного портфолио и т.д.

К игровым технологиям можно отнести собственно *образовательные интерактивные технологии:* организация дискуссии, технологии оппонирования, защиты проектов, применение методов парламентских дебатов (например, при обсуждении различных аспектов социальной политики или государственной молодежной политики). Опыт показывает, что студенты воспринимают эти технологии с большим вдохновением и энтузиазмом. Однако и здесь есть свои барьеры. Кроме глубокой предварительной подготовки, необходимы определенные качества преподавателя. Это умение координировать ход дискуссий, способность вносить коррективы и не допустить превращения дискуссии в перепалку, что нередко бывает у увлекающихся студентов. В этой технологии отрабатываются навыки устного публичного выступления, умения выражать свои мысли и отстаивать свою позицию, но также умение выслушать позицию оппонентов и рекомендации советников (сторонников), принимать решения, когда дискуссия приобретает неожиданный или нежелательный поворот. Таким образом, это чрезвычайно продуктивные и полезные технологии в профессиональном обучении. Они полезны не только студентам, но и практикам в процессе дополнительного профессионального образования – они помогают обновить свои устоявшиеся профес-

сиональные взгляды, увидеть свои профессиональные проблемы с другой стороны, а также найти более эффективные решения возникающих задач.

Надо отметить и такие *игровые технологии*, которые применяются в организации *студенческих олимпиад*. Примером может стать Всероссийская студенческая олимпиада по направлению «Социальная работа», которая проводится уже около 20 лет. В программе соревнований и испытаний – игровая презентация своей команды, подготовка видеоролика по проблемам социальной рекламы или проблемам современной социальной работы, участие в командных испытаниях. Конкурсные задания касались проектов, которые студенты не только разработали самостоятельно, но к реализации которых уже приступили. В ходе этой работы они научились взаимодействовать с партнерами из числа муниципальных органов власти, социально ориентированными некоммерческим организациями, с благотворительными фондами и организациями. Эти навыки содержатся в профессиональных стандартах специалиста по социальной работе, разработанных и утверждённых в 2013 г. Социальные проекты, реализованные студентами и представленные на конкурс в ходе олимпиады, были разного уровня и масштаба – от микропроектов до региональных проектов. Но они все показали высокий уровень профессиональной мотивированности. Именно такие студенты могут продолжить свое обучение в магистратуре. Команды готовились заранее – сама подготовка к олимпиаде становилась технологией активизации интереса к профессии и профессиональному образованию.

Но на этом поле есть и инновации. К ним можно отнести два международных конкурса в сфере социальной работы. Это международные чемпионаты *«Абилимпикс»* и *WorldSkills.* Инициаторами введения в эти чемпионаты компетенции «социальная работа» выступил Российский государственный социальный университет. Надо подчеркнуть, что это уникальный опыт даже для международных соревнований. В ходе испытаний используются как ситуационные задачи, ролевые игры, так и тестовые испытания. Они во многом отражают не только специфику самой профессиональной деятельности, но и региональные ее аспекты.

Наконец, игровые технологии применяются в общественной деятельности студентов. Движение волонтерства, которое охватывает в первую очередь студенческую молодежь, различные организации студенческого самоуправления, участие в благотворительных акциях – это реальная общественная деятельность. Но в подготовке к этой деятельности используются многочисленные игровые технологии командообразования, проектные сессии, арт-технологии, направленные на выявление творческого, профессионального и лидерского потенциала студентов. Все они имеют большое значение в профессиональном и личностном становлении. Эти навыки получили название soft skills – «мягкие» профессиональные навыки, не связанные напрямую с направлением профессиональной деятельности или профессионального образования.

Обсуждение

Этот опыт стал объектом теоретических и прикладных исследований. С.В. Мельников отмечает, что социальная работа как профессия возникла очень давно, однако решает сложнейшие и самые актуальные современные задачи. Кроме рассмотренных выше, он выделяет такие игровые технологии, как мозговой штурм, приглашение визитера, инсценировка [4, с. 3]. По этой причине методы преподавания должны быть не менее актуальны и современны [14, с. 156–158].

Но возникают проблемы, связанные с практическими (профессионально практико-ориентированными) навыками самих преподавателей. Эта работа требует специальных усилий и изучения накопленного опыта [8]. Таким образом, формирование профессиональных компетенций становится задачей отнюдь не исключительно только сферы образования. Точнее, в сферу образования вовлекаются различные социальные институты, в том числе представители самих работодателей и всех сфер жизнедеятельности [13, с. 37–51; 16]. Такому подходу соответствуют новые основы профессионального образования: объектом управления становится не личность как таковая, а условия ее развития. Игровые технологии незаменимы в решении этой задачи, отмечают С.Н. Козловская и В.Е. Макаров [1, 3].

Работодатели отмечают, что студенты, получившие профессиональное образование с применением интерактивных технологий, лучше подготовлены к профессиональной деятельности, они выбирают и реализуют более эффективные решения [12].

Вместе с тем именно игровые технологии помогают в сохранении здоровья студентов, а также в профилактике эмоционального выгорания специалистов [5, 6]. Общественная деятельность студентов, в том числе связанная с будущей профессиональной деятельностью, строго говоря, не является игровой деятельностью, но она выполняет роль тренинговой профессио-

нальной деятельности, как отмечают Т.В. Васильева, В.В. Сизикова, Л.И. Старовойтова и Н.И. Горлова [11].

Изучение опыта применения игровых технологий в профессиональном социальном образовании показало высокую его продуктивность и востребованность. Однако барьеры и риски в их применении изучены пока еще недостаточно.

Выводы

Совершенствование профессиональной подготовки кадров, цели и задачи развития социального образования в условиях быстро меняющейся и сложной социальной реальности требуют обновления образовательных технологий. Одним из направлений в поиске новых путей стали игровые технологии. Но для их развития и расширения применения следует учитывать особенности социального образования. Во-первых, доля и роль фундаментального образования здесь значительно выше, т.к. будущие профессионалы взаимодействуют в системе «человек–человек». Знание фундаментальных основ философии, социологии, психологии и прикладных аспектов этих наук обязательно для эффективной профессиональной деятельности. Во-вторых, навыки профессиональной деятельности невозможно сформировать в полной мере в контексте учебного процесса. В-третьих, профессиональные навыки именно в социогуманитарной сфере вообще с большим трудом поддаются воспроизведению для освоения в учебном процессе. Даже производственная практика не может решить вопрос вполне, т.к. профессиональная деятельность в этой сфере требует специального допуска, и по многим причинам не даст возможности студентам применить свои знания и сформировать умения.

Цель применения игровых технологий в социальном образовании заключается одновременно, во-первых, в расширении теоретического познания и понимания его назначения в профессиональной подготовке, во-вторых, в формировании первичных умений и навыков будущей профессиональной работы, в-третьих, во вторичной профессиональной ориентации, когда студенты по мере освоения азов профессии осознают ее значимость и свою готовность участвовать в ней. Эти основания дают возможность сделать вывод о необходимости развития и расширения применения игровых технологий в социальном образовании.

Список литературы

1. Макаров В.Е. Современные образовательные технологии в практике социального образования // Вестник Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы. 2013. № 1. С. 15–21.

2. Активные и интерактивные формы проведения занятий при подготовке бакалавров сферы обслуживания: Учебно-методическое пособие / Отв. ред. проф. Е.А. Сигида. М.: Изд-во ФГОУ ВПО РГУТиС, 2011. 152 с.

3. Козловская С.Н. Совершенствование профессиональной подготовки специалистов социальной работы // Профессионализм и творчество в социальной работе: Сборник научных статей / Под ред. Л.И. Старовойтовой [Электронный депонированный вариант]. М.: Изд-во РГСУ, 2017. С. 10–14.

4. Мельников С.В. Активные и интерактивные формы проведения занятий при подготовке бакалавров социальной работы // Center for Scientific Cooperation «Interactiveplus» [Электронный ресурс]. URL: http://docplayer.ru/36055039-Aktivnye-i-interaktivnye-formy-provedeniya-zanyatiy-pri-podgotovke-bakalavrov-socialnoy-raboty.html (дата обращения: 22.04.2018).

5. Melnikova N., Rostovskaya T., Shimanovskaya Y., Smakotina N. Students' social well-being as an educational process effectiveness indicator at the universities // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EPSBS). Vol. XXVIII – EEIA 2017. P. 421–429.

6. Аникеева О.А., Сизикова В.В., Фомина С.Н. Тенденции развития социально-педагогического образования в современном российском обществе // ЦИТИСЭ. 2017. № 3 (12). С. 1–17.

7. Егорычев А.М., Сизикова В.В., Мардахаев Л.В. и др. Социальная педагогика в сохранении и развитии социального здоровья подрастающего поколения российского общества: Коллективная монография. М.: Изд-во РГСУ, 2017. 232 с.

8. Качество образования в системе не может быть выше качества работающих в ней преподавателей [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.myshared.ru/slide/281766/ (дата обращения: 22.04.2018).

9. Galkina T.E., Nikitina N.I., Sizikova V.V. et al. Deontological approach to the development of professionally-communicative culture education managers on upgrading courses // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. V. 6. № 4. Suppl. 1. P. 290–298.

10. Egorychev A.M., Mardahaev L.V., Rybakova A.I. et al. Society and education in the early of XXI century: integration of tradition and innovation // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2014. V. 5. № 2. P. 82–91.

11. Васильева Т.В., Сизикова В.В., Старовойтова Л.И., Горлова Н.И. Социальный центр «Доброе дело» факультета социальной работы, педагогики и ювенологии РГСУ как жизнеспособное студенческое объединение. Методические рекомендации по формированию жизнеспособных студенческих объединений и организаций. М.: Изд-во РГСУ, 2014.

12. Долгорукова И.В., Каурова О.В., Малолетко А.Н. и др. Региональная практика мониторинга качества оказания социальных услуг, оказываемых учреждениями различных видов // Социальные услуги

населению в сфере социального обслуживания: независимая оценка качества. М.: Изд-во РГСУ, 2017. С. 53–79.

13. Социальная сплоченность как историческая и практическая проблема России в современных условиях: Монография / Отв. ред. П.Д. Павленок. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2015. Серия «Научная мысль».

14. Технологии социальной работы в разных сферах жизнедеятельности: Учебник / Под ред. проф. П.Д. Павленка. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2009. 379 с.

15. Makarov V., Shimanovskaya Y., Tyapkina T. et al. Innovative models of social activity and their adaptation to social work // Espacios. 2017. V. 38. № 43.

16. Mityaeva A.M., Puzankova E.N., Egorychev A.M. et al. Interethic communication and interaction of students in their professional training // The Social Sciences (Pakistan). 2016. V. 11. Special Issue 3. P. 6511–6515.

GAME TECHNOLOGIES IN PROFESSIONAL TRAINING OF SPECIALISTS FOR THE SOCIAL SPHERE: SPECIFIC FEATURES, POTENTIAL, ORGANIZATION ALGORITHM

O.A. Anikeeva, V.V. Sizikova, S.N. Fomina

Russian State Social University

The article examines some problems of modern social education, the relationship of professional education and training, its new goals and objectives, the relationship between theoretical and applied education, the need to enhance educational technologies, the use of active and interactive game-based technologies in social education. The focus of the study was on the potential of game-based technologies, their specific features, as well as on barriers to their application. In particular, we studied the application of game-based technologies in the professional training of students in the areas of studies "Social work" and "Organization of work with youth". The authors proceed from the activity concept of learning. This concept reflects the attitudes of modern young people to the transformation of the world around them, as well as employers' demand for practice-oriented professionals. The research used the methods of theoretical analysis (comparative and comparative-historical analysis), as well as applied research methods, including observation, expert evaluation and interviewing, game research methods and the social experiment method. In our study, particular attention was given to the game-based methods used when organizing and holding the WorldSkills championships and Abilimpix championships for professionals with disabilities, student Olympiads and game-based trainings. A conclusion is made regarding the possibility of overcoming latent contradictions in the teaching of theoretical and applied disciplines. The role of interactive and game-based methods in overcoming these contradictions is shown.

Keywords: professional training, professional education, game-based technologies, social sphere specialists, WorldSkills.

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДЕСТРУКТИВНОСТЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЬЯХ С ПОДРОСТКАМИ

© 2018 г.

С.Н. Майорова-Щеглова

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна, д.соц.н.; профессор факультета социальной коммуникации Московского государственного психолого-педагогического университета
sheglova-s@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2018
Статья принята к публикации 31.10.2018

С помощью данных исследований 2010-х годов доказывается, что большая доля детско-родительских отношений в семьях с детьми подросткового возраста сегодня носят деструктивный для будущего развития общества характер. На эту ситуацию влияют семь факторов развития социума, детской и родительской общностей: изменение структуры семьи, снижение уровня родительской культуры, практики потребления, гламуризация и демонстративность поведения, внедрение идей прав ребенка и становление префигуративной культуры. В результате противоречий происходит инфантилизация детей, возникает недооценка родителей и прародителей как ценностно-значимых людей, проявление повышенной критичности. Обосновывается необходимость переориентации информационной, просветительской деятельности специалистов социальной сферы с семьей и молодежью, рекомендованы некоторые технологии поддержки использования ресурса детско-родительских отношений.

Ключевые слова: дети, подростки, родители, социальный фактор, социальные отношения, ресурс, гламуризация детства, демонстративность родительской роли.

Постановка научной проблемы

Проблематикой детско-родительских отношений в науке занимаются прежде всего социальные психологи. В современной ситуации под детско-родительскими отношениями понимаются двойственные взаимозависимые отношения между старшими и юными членами семьи. Зависимости могут проявляться как явные, но также быть и латентными (скрытыми). Признается, что ребенок и его развитие, конечно, зависит от родителей, но одновременно констатируется, что и родители строят супружеские отношения, отдыхают, выбирают профессиональные стратегии с оглядкой на детей.

В дошкольном и младшем школьном возрасте дети выражают свое отношение исключительной привязанностью к тем или иным членам семьи. В подростковом и юношеском возрасте основными нормативными задачами, по мнению Саймона Фриса, становятся как раз изменения векторов развития от зависимости к независимости, от безответственности к самостоятельности [1]. Эти явления в научных работах Дж.Б. Мак-Девитт, М. Малер называют терминами сепарации или эмансипации, освобождения от родительской опеки и контроля [2]. То есть изменение отношения детей к родителям в этом периоде должно быть ожидаемо, в семье должны быть готовы к таким переменам [3]. Об этом убедительно писали и российские ученые И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн и др. [4–6].

Детско-родительские отношения в подростковом возрасте в целом непоследовательны и противоречивы. Гармоничным стилем детско-родительских отношений в подростковом возрасте считается предпочтение сверстников наряду с доверительным общением с родителем по вопросам организации жизни, профориентации, принятие помощи старших в проблемной ситуации, нейтральная реакция и исполнение «мягких» указаний родителей. Для этого возраста характерно выраженное представление о себе как уже саморегулирующемся и способном к самоконтролю индивиде. Конфликтная форма детско-родительских отношений будет проявляться в низкой степени доверительности с родителями, сопротивлении любым советам, указаниям, предложениям помощи. Деструктивные отношения в подростковом возрасте характеризуются устойчивыми отрицательными чувствами детей по отношению к родителям и родителей по отношению к детям, члены семьи перестают адекватно воспринимать друг друга, это порождает цепь взаимно конфликтных поведенческих актов. Многие исследователи при изучении выделенного объекта сосредоточены на семьях с насилием, асоциальным поведением и т.п. [7–9].

Мы высказываем гипотезу о возможности рассмотрения детско-родительских отношений

как ресурса развития общества в будущем. Немногочисленные исследования в психологической сфере только приступают к доказательству, что близость/отдаленность, прочность/хрупкость, равнозначность/разновеликость этих отношений влияют на воспроизводимость аналогий вырастающих детей в будущем [10]. Другая линия исследований связана с кросс-культурным фокусом современных проектов, которые пытаются выяснить, как благодаря личностным особенностям родители опосредуют культурные практики воспитания, связанные с национальностью и территориальностью [11].

Основная гипотеза предпринятого нами анализа состояла в том, что характер данных отношений в современном обществе зависит от изменений родительского сознания и поведения под влиянием общественных трансформаций в правовой и информационных сферах.

Методология

Теоретико-методологической базой для авторского анализа являются основы теорий социального развития и социологии детства и семьи, а также прикладная теория социальных технологий по развитию семейных отношений.

Ряд социологов употребляет термин «социальные» для обозначения всех отношений, в отличие от природных зависимостей. Между матерью и рожденным ребенком есть крепкая биологическая связь, маленький нуждается в уходе, кормлении, поддержке здоровья. Любые отношения, выходящие за рамки этих, например обучение, воспитание, – уже социальные, утверждают эти ученые. Другая группа ученых полагает, что социальными мы можем называть только осознанные повторяющиеся значимые для людей взаимодействия. То есть для возникновения отношений между родителями и детьми требуется, чтобы обе стороны соотносили (понимали, оценивали, выстраивали) друг с другом свои взаимодействия и придерживались образцов соответствующего поведения. Взаимодействия (контакты и единичные действия) становятся социальными отношениями только благодаря ценностям, которых группы людей хотели бы достичь.

Детско-родительские отношения отнесем к социальным отношениям особого рода. Это определение применяют в двух основных смыслах. Как понятно из названия, участвующими сторонами этих отношений являются две – разные поколения родственников в семье. В первом значении – это социальные отношения в семье между детьми и старшими, которые регулируются правом и традицией и которые складываются под воздействием жизненных ситуаций и деформируются при особых условиях. Во втором – расширительном – значении так могут быть названы отношения между поколениями «отцов и детей» в социуме. Есть основания рассматривать параллельно детско-родительские и родительско-детские взаимодействия.

Социальные отношения могут быть только взаимными, но необязательно позитивными, положительными с обеих сторон. Различаются два самых общих типа взаимоотношений: сотрудничество, или кооперация, и деструктивные отношения (соперничество, отчуждение, конфликты) [12]. При отношениях сотрудничества участники взаимодействия имеют согласованные ценности, их деятельность не противоречит ни установкам, ни поведению других и она осуществляется с обоюдной выгодой для семьи. Прочные, или, как говорят, гармоничные, детско-родительские и родительско-детские отношения показывают схожесть интересов семьи. Ценностью в таких отношениях между родителями и детьми выступает понятие «мы – семья, родные люди, все поколения в семье действуют на благо друг друга».

По преимуществу считается, что родительское отношение является доминирующим, именно совершение старшими каких-то действий влечет за собой прямой и зависимый ответный поступок другой стороны. На основе изучения современных тенденций развития общества (вторичный анализ социологических исследований и авторские материалы) мы доказываем в статье противоречивость развития детско-родительских отношений.

Результаты и обсуждение результатов

Мы рассмотрели детско-родительские отношения не просто как социопсихологический феномен, а как *социальное явление, которое несет в себе определенный потенциал для развития общества*. Форма отношений между детьми и родителями, доминирующая на современном этапе, выступает ресурсом развития общества в будущем. От опыта детско-родительских отношений, установок, полученных сегодня, зависит, будут ли выросшие поколения стремиться завести свою семью, воспитывать, а не просто родить и растить детей, будут ли заботиться о старшем поколении.

В современной ситуации мы выделяем несколько противоречивых факторов развития детско-родительских отношений.

Первым фактором мы считаем трансформацию традиционной семьи. В неполных семьях часто возникают несбалансированные отноше-

ния одиноких родителей и детей, дети вынуждены восполнять в семье ровесника взрослого, от ребенка требуют, чтобы он был рядом и делился своей личной жизнью, а в будущем даже не хотят выпускать его из «родительского гнезда». Какие-то особые семейные обстоятельства могут изменить эту основу. И тогда к ребенку начинают относиться шаблонно, наделяя его «новой» недетской ролью. Гостевые браки, сводные сиблинги и др. вынуждают детей играть «новую» недетскую роль [13]. Особая позиция ребенка – «любимчик» возникает тогда, когда родители не испытывают друг к другу никаких чувств, а эмоциональный вакуум заполняется преувеличенной заботой о ребенке. Бывают ситуации, когда супружеские проблемы родителей, взаимное недовольство друг другом переходит на ребенка, он становится «козлом отпущения», и такого ребенка объявляют виновным в невозможности супругов развестись.

Второй фактор связан со снижением общей педагогической (народной, повседневной) культуры общества и современных родителей. Выстраивать позитивные, гармоничные детско-родительские отношения непросто. Прежде всего, родителям необходимы знания о поэтапном физическом, психологическом и социальном развитии детей. Как показывают последние данные, многие молодые родители незнакомы с нормативами установления речи, внимания ребенка, завышают требования к ним еще в дошкольном возрасте [14]. Сейчас поколение родителей представляет собой социально-демографическую группу, которая сама росла в условиях демографического спада, и, по большей части, мамы и папы нынешних детей сами росли без братьев и сестер и не принимали участия в уходе и развитии родственников, как это бывало раньше, когда расширенные семьи проживали компактно. Собственный ребенок для них – это первый опыт воспитания и установления подобных взаимосвязей. Так как собственного опыта нет, то нужно обращаться к чужому. Но молодые родители все меньше хотят доверять опыту прошлых поколений и скорее предпочитают анонимных и часто некомпетентных советчиков в сетях.

Третье. Вводимое современными психологами понятие «интенсивное материнство» выделяет нагрузки, прежде всего матерей, по организации жизни ребенка. В большей части российских семей вопросами ухода, развития, воспитания детей продолжают заниматься исключительно матери (в полных – 53%, в неполных – 69%). Лишь в каждой пятой полной семье (21%) оба родителя уделяют воспитанию детей одинаковое внимание [15]. Для женщины родительско-детские отношения становятся одним из видов отношений наравне с производственными и личностными. В худшем варианте интересами детей пренебрегают, в лучшем перекладывают свои функции на платных профессиональных специалистов-учителей и воспитателей.

Четвертый фактор. В современном российском обществе складывается парадоксальная ситуация: позитивное, «ответственное» родительство провоцирует не положительный, а скорее отрицательный отклик у детей. Ребенок признается обязанным уже в детском возрасте реализовывать ожидания своих родителей, порою неоправданно завышенные. Выполняя многочисленные родительские указания, ребенок лишается собственного детства, и это, по данным современных исследований, меняет его отношение к родителям. Так, например, по данным 2017 года исследователя Ю.А. Старостиной, молодые родители склонны форсировать развитие ребенка-дошкольника, считают необходимым уже в раннем детстве обучать детей письму, счету, чтению, хотя в реальности детям пока эти навыки не нужны [14]. Такие устремления матерей связаны с желанием родителей соответствовать социальным ожиданиям общества и стремлением взрастить ребенка как предмет гордости. Самопожертвование матери превалирует над позицией кооперации с ребенком, при этом наблюдается излишняя концентрация на ребенке при одновременном уклонении от контакта с ребенком, названная Л.А. Николаевой «эмоциональная дистанция» [10].

Со стороны родительских отношений в данном случае наблюдается условное принятие ребенка, желание полной регламентации его жизни для того, чтобы его интеллектуальное развитие опережало норму. Дети чувствуют себя объектом оценки, и в этом случае повышается их напряженность и тревожность по отношению к родителям. Ю.А. Старостина убедительно показала, что такое выстраивание отношений ведет и к изменению детско-родительских отношений: наблюдается дефицит общения с детьми, снижение уровня положительного отношения и отсутствие телесного контакта, душевной привязанности с матерями, ориентированными на опережающее развитие.

Следующий фактор связан с новыми тенденциями внедрения прав ребенка. Внедрение прав детей способствует получению ребенком все более значимого места в семейной структуре, в учреждениях образования и вообще в социуме. Дети больше времени проводят в различных организациях, вне собственного дома и в своем поведении все чаще ориентируются на предписания и объяснения их прав, советы внешних

просветителей, информаторов. Например, по нашему мнению, высокая степень критичности современных детей-подростков может быть объяснена данным фактом. К чему это приводит? Более половины россиян (57%) полагают, что родителям следует вести себя с детьми, как с равными (хотя никто не отрицает факта зависимости детей от взрослых и их разных статусов)[1]. Почти 3/5 опрошенных россиян (60%) считают, что детям позволено спорить с родителями, возражать им, в меньшинстве остались противники такого мнения – 28% опрошенных. Только половина современных родителей считает, что в общении с детьми должны быть запретные темы, но остальные, не стесняясь, обсуждают при них и с ними проблемы денег, смерти, насилия, секса, ранее считавшиеся неподходящими для детей, в силу возможности нанесения им психоэмоционального вреда [16].

Шестой фактор изменения – развитие потребительской культуры. Сегодня широко внедряется концепт, что дети являются самостоятельной потребительской группой. Идеи развития ориентированной на детей индустрии товаров и услуг, гламуризация детства (вендинг-торговля, event-индустрия, шоу, конкурсы детской моды и т.д.) приводят к неадекватному поведению родителей и детей [17]. Родители недовольны этой тенденцией и одновременно поддерживают ее. И дети уже не просят, они требуют новых престижных, демонстративных покупок. Здесь опять может быть включено объяснение, что семья ради этой «общественной карьеры» и достойного содержания ребенка, которого требует общество потребления, вынуждена иначе, чем в традиционной семье прошлого, конструировать свое времяпровождение и пространство [18].

И наконец, последний фактор: новые детско-родительские отношения – объективная реальность, связанная с закономерностями развития информационного общества.

Известная ученая Маргарет Мид в своей статье «Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями» в прошлом веке дала свое объяснение трансформации отношений между поколениями в обществе и ее влияния на семью [19]. Согласно представлению М. Мид, в истории человечества можно выделить три типа культур: постфигуративные, в которых новое поколение обучается главным образом у своих предков; кофигуративные, когда молодое и взрослое поколения учатся, прежде всего, у равных себе по возрасту и опыту; префигуративные, в которых молодые быстрее осваивают инновации и взрослое поколение вынуждено перенимать новые знания, умения у своих детей. Сегодня, в нашей стране, как и во многих других странах мира, конструируются доказательства этой теории. Развитию префигуративной культуры способствует информатизация общества, в которую молодое поколение включилось крайне активно и которая привела к серьезной культурной динамике.

В наших мониторинговых исследованиях выявлено, что подростки чутко улавливают устанавливающиеся социокультурные различия между поколениями. Прежде всего, они выделяют глобальные изменения мирового порядка («родители не знают о равных правах мужчин и женщин», «о компьютерах и Интернете»), а также произошедшие в нашей стране социально-экономические трансформации («родители не знают, как заработать огромные деньги», «как дорого получить нужное образование и тяжело устроиться в жизни») [20]. Дети осознают свое превосходство над родителями в знаниях и умениях по ряду аспектов, а поэтому в глазах таких детей родители теряют право на руководство их поведением и оценку. Э. Эриксон в своих работах описывал поведение детей в ситуации иммиграции и образно называл их «культурными родителями» своих биологических родителей. Эти слова в определенной степени возможно отнести и к реалиям XXI века. Мы можем констатировать, что во многих случаях авторитет детей в глазах родителей значительно возрастает, их адаптивные навыки начинают служить моделью поведения в глазах старшего поколения. Дети советуют взрослым, какую технику и где купить (29.7% опрошенных), что носить из одежды (26.3%), как родителям общаться друг с другом (25.9%), как работать на компьютере (6.8%).

Что мы имеем в результате влияния выделенных социальных факторов? Деформированные детско-родительские отношения, причем во многих «нормотипичных, успешных» семьях, а не только в асоциальных, проблемных. Почему мы характеризуем их как деструктивные для будущего? Несмотря на то, что основой таких отношений является любовь родителей к ребенку и признание ценности детей для семьи и общества, последствия такого позитивного действия не являются положительными. Считаем, что можно выделить четыре компонента дисгармоничных детско-родительских отношений (табл. 1).

Эти компоненты в сложном синтезе проявляются в российских семьях с подростками, правда, сразу отметим, *с разной степенью в зависимости от территориально-национально-религиозно-культурных устоев семей.* Обратимся к крупномасштабному сравнительному ис-

Таблица 1

Компоненты дисгармоничности детско-родительских отношений

	Родители	Дети
Когнитивный	Неадекватное знание и понимание индивидуально-личностных особенностей ребенка и себя как родителя	Восприятие детьми родителей не как воспитателей, а в иных ролях (организаторов их личной жизни, мотиваторов и пр.)
Эмотивный, эмоциональный	Неразвитая способность родителей к сопереживанию и чувствованию состояния ребенка, преувеличенная гордость за взращивание ребенка	Негативные эмоции по отношению к родителям и прародителям, преувеличенное самомнение
Ценностно-смысловой	Особый смысл приобретают демонстрации своей родительской роли, ориентация на развитие ребенка, а не на развитие семьи	Недооценка родителей и прародителей как ценностно-значимых людей
Поведенческий	Неадекватный характер воздействий: дисциплинарных, бытовых требований, наказаний	Проявление повышенной тревожности, агрессивности, истерики, непослушания, манипуляции для расширения потребительских и правовых практик, завышенных для возраста

Таблица 2

Показатели детско-родительских отношений в зависимости от типа поселения

	Населенный пункт до 100 тыс.	Город от 100 до 500 тыс.	Город от 500 до 2000 тыс.	Город от 2 млн
Доля трехпоколенных семей, %	82	69	52	18
Мнение о трудностях роли родителей (утвердительные ответы – «трудно», %)	12	21	22	24
Мнение родителей о среднем возрасте окончания детства	16.6 лет	17.8 лет	19.1 лет	21 год

Таблица 3

Факты и события, свидетельствующие о дисгармоничных детско-родительских отношениях, в зависимости от типа поселения (взяты «полярные» типы)

	Город до 100 тыс.	Город от 2 млн
Причины разногласий и ссор с детьми	Плохое поведение, несоблюдение бытовых требований	Неудовлетворительные оценки, требования чрезмерно дорогих покупок
Распространенные виды труда детей в семье (по мнению родителей)	Уход и присмотр за младшими детьми, приготовление пищи, помощь по дому и в огороде	Выполнение школьных домашних заданий, посещение дополнительных образовательных программ, помощь по дому по поддержанию порядка только в своей комнате, своих вещах
Общая характеристика обязанностей детей	Общественно значимые обязанности в пределах семьи	Выполнение инструментальных обязанностей, имеющих значение для личного будущего ребенка. Обязанности по содержанию личного пространства

следованию мнения родителей из разных городов (А.А. Бесчасная, 2015 г.), где зафиксированы, на наш взгляд, некоторые количественные показатели и фактуальные (событийные) данные, свидетельствующие о разной «глубине» противоречий [21]. Обобщенные данные нашего анализа представлены в таблице 2 и 3.

В далеком прошлом детей рассматривали как общественную и семейную ценность (защитников-воинов, участников экономики, своеобразный вклад в будущее благоденствие – обеспечение старости родителей). Экономический фактор в реальности не утрачивает своего значения в современном российском обществе, т.к. государство не берет на себя полное обеспечение стариков, да и не должно этого делать. Но у современных родителей считается неприличным, неправильным полагать самим и прививать детям установку, что ребенок – это дополнительная «рабочая единица» в жизнеустройстве семьи и часть «социального страхования» родителей в старости. Наши исследования детской аудитории уже зафиксировали: современные подростки уверены, что школьные годы они должны преимущественно тратить на свое личностное развитие (68%), а не на помощь се-

мье (40%) [22]. Складывающиеся отношения инфантилизируют детей и на перспективу. Ученые констатируют, что большая включенность, концентрация на ребенке приводят к ситуации в России, когда выросшие девушки и юноши предпочитают жить с родителями вплоть до окончания вуза или даже позже, до создания собственной семьи и возможности через десятки лет скопить денег на собственное жилье, что очень отличается от тенденций в других странах. Обычными являются сегодня ситуации, когда голос родителей является определяющим при выборе не только вуза, но и позже супруга, партнера [23].

«Наши дети нам ничем не обязаны» – довольно распространенное мнение молодых мам, тиражируемое Интернетом. При этом довольно часто в качестве аргумента следует обращение к зарубежному европейскому опыту, где подобные тенденции отмечены раньше, чем у нас. Но думаем, правомерно привести слова крупного специалиста из Швеции Дэвида Эберхарда с оценкой аналогичных процессов: «Так и вырастают дерзкие паршивцы, идущие в мир с совершенно искаженной картиной о собственных способностях. Фокусировка только на ребенке – не самый лучший метод воспитания в мире. Если бы это было так, наши дети любили бы нас больше, чем кто-либо где-либо кого-либо в мире. Но это не так. Как только мы стареем и дряхлеем, они сдают нас в дом престарелых» [24].

Выводы

Сформулируем основные выводы из анализа:

- Детско-родительские отношения выстраиваются родителями во взаимодействии с новым поколением и опосредуются тенденциями развития общества.
- Необходимо признавать как факт, что отношение детей к родителям меняется быстрее, чем отношение родителей к взрослеющим юным членам семьи.
- Большая доля детско-родительских отношений в семьях с детьми подросткового возраста могут носить деструктивный для будущего развития общества характер.

Осознание и принятие факта противоречивости выстраивания детско-родительских отношений в современном мире требует особой работы – *переориентации в использовании ресурса детско-родительских отношений*. Поддержка этого ресурса должна проводиться в нескольких направлениях информационной, просветительской деятельности специалистов социальной сферы с семьей и молодежью:

- ориентировать и детей, и взрослых на единство внутри семьи, а не на социальные ожидания окружающих, оценки публикой действий родителей;
- направлять акцент в просвещении родителей на тех, у кого дети пока дошкольники;
- развивать программы семейных профессиональных специалистов с использованием социальных сетей;
- ориентировать государственные социальные и психолого-педагогические службы на развитие средств коррекции деструктивных детско-родительских отношений в расширительном смысле, а не только в семьях, попавших в сложную жизненную ситуацию;
- ориентировать подростков на социально активные действия прежде всего на благо своей семьи и малой родины, а не на участие в событийном волонтерстве;
- в современном мире префигуративной культуры пропагандировать для юных значимость их помощи старшим в освоении новых технологий и новых практик в интересах семьи, а не только в применении ИКТ для общения и развлечения.

Так может быть в будущем использован ресурс детско-родительских отношений для того, чтобы прежде всего выросшие дети (а не государство, не волонтеры) поддерживали старшее поколение морально и материально, через деятельность и в общении.

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 16-06-00792-ОГН\18 «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус».

Примечание

1. Фонд «Общественное мнение». Всероссийский опрос городского и сельского населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик всех экономико-географических зон. Метод опроса – интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 3.6%. 28 апреля 2004 года. 1500 респондентов.

Список литературы

1. Frith S. The Sociology of Youth. London: Open University Press, 1984. Перевод с английского [Электронный ресурс]. URL: http://region.3ebra.com/resources/books/subcult/subcult14/text6/ (дата обращения: 15.01.2018).

2. Малер М., Мак-Девитт Дж.Б. Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 2. С. 54–63.

3. Блос П. Психоанализ подросткового возраста. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010.

4. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.

5. Кон И.С. Ребёнок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.

6. Фельдштейн Д.И. Психологические основы формирования нравственных качеств личности в подростковом возрасте: Автореф. дис. … д-ра психол. наук. ... 2-е изд. М.: МПСИ: Флинта, 2004.

7. Ждакаева Е.И. Деструктивные детско-родительские отношения как фактор девиантного поведения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 4. С. 56–59.

8. Зиновьева М.В. Взаимосвязь детско-родительских отношений и ненормативного поведения детей дошкольного возраста // Психологическая наука и образование. 2000. № 3. С. 35–39.

9. Терехина С.А., Акулина М.В. Особенности восприятия детско-родительских отношений у детей старшего дошкольного возраста в условиях развода в семье [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52027.shtml (дата обращения: 23.01.2018).

10. Николаева Л.А. Детско-родительские отношения и будущее родительство детей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 72–75.

11. Карабанова О.А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросскультурный аспект [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 15–26. doi: 10.17759/jmfp.2017060202 (дата обращения: 23.01.2018).

12. Фомина Л.К. Понятие и типы детско-родительских отношений // Молодой ученый. 2014. № 2. С. 704–707.

13. Саралиева З.Х. Субинститут родительства в современных семейных системах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобаческого. Серия: Социальные науки. 2014. № 2 (34). С. 118–123.

14. Старостина Ю.А. Феномен форсированного развития дошкольников в современной российской семье: Дис. … к. психол. наук. М., 2017. 199 с.

15. Майорова-Щеглова С.Н. Детство и отношения между поколениями в современной России: три фактора трансформации // V Рязанские социологические чтения: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 25–26 ноября 2014 г. / Отв. ред. В.А. Горнов, Е.А. Анисина. Рязань: РИД, 2015. С. 88–92.

16. http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/home_family/family/d041823 (дата обращения: 15.01.2018).

17. Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: новые теории, явления и понятия: Коллективная монография / Науч. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. М.: РОС, 2017. 203 с. [1 CD ROM].

18. Колосова Е.А. Потребительская социализация детей и подростков: возрастные особенности // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 2(8). С. 74–79.

19. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.

20. Цымбаленко С., Шариков А., Жилавская И. и др. Мониторинг и анализ московского информационно-образовательного пространства: результаты социологических исследований и программирования / Общероссийская общественная детская организация «Лига юных журналистов», Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, Российский университет дружбы народов. М., 2013.

21. Бесчасная А.А. Особенности жизни детей в условиях современных российских городов: Дис. … д-ра соц. наук. Саранск, 2016. 391 с.

22. Майорова-Щеглова С.Н. Дети и детские организации в условиях модернизации общества: Всероссийское социологическое исследование [Электронный ресурс]. URL: http://www.childsoc.ru/doc/deti_org_2010.pdf (дата обращения: 15.01.2018).

23. Сорокоумова Е.А., Маргун И.П. Современные семейные и детско-родительские отношения в контексте межкультурных различий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 2. С. 133–138.

24. Эберхард Д. Дети у власти. М.: Эксмо, 2017.

SOCIAL FACTORS AFFECTING THE DESTRUCTIVE NATURE OF CHILD-PARENT RELATIONSHIP IN MODERN FAMILIES WITH TEENAGERS

S.N. Mayorova-Shcheglova

Moscow State Psychological and Pedagogical University

Using the research data of the 2010s, the article proves that a large proportion of child-parent relations in families with children of adolescent age today are destructive for the future development of society. This situation is affected by seven factors in the development of the society and of child and parent communities: the changing structure of the family, the reduced level of parents' culture, consumption practices, glamorization and demonstrative behavior, the introduction of the ideas regarding the child's rights and the emergence of a prefigurative culture. The existing contradictions result in the infantilization of children, underestimation of parents and grandparents as persons significant in terms of values, and manifestations of increased critical attitudes. We substantiate the need to reorient informational and educational work carried out by social work experts with families and youth and propose some technologies for supporting the use of the resource of child-parent relations.

Keywords: children, parents, social relationships, resource, glamorization of childhood, excessive emphasis on parental role.

УДК 316

РОССИЙСКИЕ УЧИТЕЛЯ И ВОСПИТАТЕЛИ: ОСОБЕННОСТИ «ЖЕНСКОЙ» ЗАНЯТОСТИ И ВНУТРИПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

© 2018 г.

Е.М. Колесникова

Колесникова Елена Михайловна, к.соц.н.; с.н.с. сектора социологии профессий и профессиональных групп Института социологии Научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва

Статья поступила в редакцию 07.05.2018
Статья принята к публикации 16.10.2018

Рассматривается внутрипрофессиональная дифференциация группы педагогов общего образования. Результаты опроса школьных учителей и воспитателей детских садов позволяют отметить как сходство, так и расхождения в оценках статуса профессии. Изменения в сфере трудовых отношений в постсоветский период способствовали росту значимости стабильности занятости в глазах работников, зачастую за счет ослабления требований к правовой защищенности и корпоративной автономии, а зачастую и доходу. Особенно осложняется ситуация в сфере дошкольного образования, что, в сочетании с большей укорененностью гендерных стереотипов в профессиональной культуре, влечет за собой ресурсное неравенство групп, способствует распространению мнения о необходимости мириться с низкими статусными показателями, недостатками условий труда.

Ключевые слова: социология профессий, социология образования, учитель, воспитатель.

Гендерное разделение труда и его последствия для педагогов остаются актуальными вопросами и нуждаются в рассмотрении с учетом продолжающегося реформирования сектора. Учителя и воспитатели стабильно сталкиваются с проблемой снижения статуса в аспектах нагрузки, бюрократического контроля, дохода, по сравнению с другими секторами экономики. Дополнительным фактором, определяющим положение профессиональной группы педагогов и его перспективы, является внутреннее неравенство между специалистами разных уровней образования.

В литературе педагоги дошкольного и школьного образования зачастую рассматриваются отдельно, а совместно в рамках проблематики феминизации профессии с точки зрения статуса «мужских и женских» сфер занятости. Профессиональная сегрегация является одной из основных причин различий в заработной плате мужчин и женщин, а ее снижение способствует повышению реальных доходов женщин [1–6]. Исследователи отмечают снижение показателей гендерной интегрированности профессий и сфер занятости по мере сокращения образовательного ценза и уровня образования работников [7, 8]. Особенностями «женских» отраслей в целом и образования в частности считаются «наиболее эффективное» совмещение семейных, материнских обязанностей и оплачиваемого труда [9–12], эксплуатация гендерных стереотипов, представлений о «природе женщины» [13–15]. Данные ряда международных исследований позволяют утверждать, что родители часто воспринимают потенциальные карьерные успехи своих детей в рамках гендерных ролей – советуют детям выбирать «традиционные» с точки зрения пола сферы занятости, что позволит максимизировать достижения [16, 17]. В социологии учительство часто анализируется как большая по численности профессиональная группа, активно используемая детьми/девочками из семей с низким социальным капиталом [18–20], а труд, связанный с заботой и воспитанием, относится к группе «женских династий» – профессий, в которых выбор дочери часто повторяет профессиональный выбор матерей [8, 21].

В России дошкольное образование пережило несколько серьезных нововведений, среди них включение его как уровня в общее, разработка профессиональных стандартов педагогов, формирование образовательных комплексов в некоторых регионах. Это привело к изменению уровня требований к воспитателям. Тем не менее пока сохраняются различия в доходах, образовании между учителями и воспитателями, а недооценка труда даже части работников может вести к общему снижению статуса. Сохраняется ли неравномерность феминизации труда внутри профессии педагога и каковы ее последствия, в частности в вопросах оценки воспитателями и учителями стабильности и доходности педагогического труда? Проблема соотношения стабильности и доходности занятости актуальна

для постсоветского рынка труда в целом и особенно для феминизированных сегментов. Предпочтение стабильности в ущерб доходности считается характеристикой низкостатусной занятости и влечет за собой проблемы кадрового состава секторов. В то же время хотелось бы рассмотреть, что стоит за данными категориями и насколько сами профессионалы считают приемлемым подобное соотношение характеристик. Также важно понять, насколько внутренне гомогенны профессиональные сегменты и, соответственно, нуждаются ли они в одинаковых мерах для поддержания и повышения статусного положения.

Исследование проводилось в рамках проекта по изучению положения, а также перспектив и стратегий повышения социального статуса педагогических работников образования в России. Часть результатов проекта представлена в публикациях [22–24]. Профессиональная группа рассматривается в рамках неовеберианской концепции как корпоративный актор, а ее профессионализация – как процесс увеличения властного, экономического и культурного ресурсов с целью улучшения положения на рынке труда. Полевая часть была выполнена в Самарской области, использовалась квотная выборка, которая строилась на основании такого показателя группы, как возраст педагогов. Сбор данных осуществлялся посредством самозаполнения анкет. Период проведения опроса – с января по май 2016 г. Для анализа было отобрано 278 анкет воспитателей и 339 анкет учителей. В опросе приняли участие 11 педагогов-мужчин.

Особенности профессии педагога как «женской» ниши занятости

В классической социологии профессий характерными показателями профессиональной занятости принято считать не только такие критерии, как наличие высокой квалификации и должной подготовки, чувства сопричастности с делом, но и правовую защищенность работника как гарант трудового поведения, ориентированного в первую очередь на этические нормы профессии. Сложный характер труда, низкие возможности стандартизации, индивидуальность работы педагога требуют для него условий, обеспечивающих независимость мнения и действия, ориентированного только на благо ребенка, а не на требования родителей или государственных чиновников. Доминирование женщин в кадровом составе не отменяет базовых принципов профессии, но меняет соотношение ценностей доходности и стабильности занятости, а также добавляет «женскую» проблематику совмещения семейных, материнских обязанностей и оплачиваемого труда.

«Женская работа»

Возможность сочетать сложный характер труда с реализацией традиционной гендерной роли более актуальна для воспитателей, чем для учителей. Так, воспитатели в большей мере согласны с утверждением, что «работа воспитателя/учителя/педагога позволяет максимально совмещать роль жены/матери/бабушки и работу, не мешает семейной жизни» (72% воспитателей и 39% учителей). В группе педагогов характерны различия в трактовке соотношения эмоционального и интеллектуального труда, дистанции между работой и домом, (не)приемлемости распространения ролей и моделей поведения из приватного в публичное пространство.

Стоит отметить, что профессия педагога исторически была гендерно дифференцирована в зависимости от возраста воспитанников. Учительство в средней и старшей школе исходно не относилось к категории «женских» сегментов занятости, а доминирование в нем женщин пришло с распространением массового образования и снижением доходности занятия в целом, по сравнению с другими видами трудовой активности [25].

В дореволюционной России мужчины доминировали в учительском кадровом составе, особенно до появления всеобщего начального образования. Но после широкомасштабного расширения сети учреждений, в связи с законом от 3 мая 1908 г., ситуация меняется. К 1911 г. доля женщин среди учителей начальных училищ составляла 54%, хотя еще в 1880 г. она была всего 20%. Были созданы специализированные женские учебные заведения, выпускницы которых составляли значительную часть учительского корпуса [26, с. 10–11]. Учительство в целом было неоднородной группой. Большинство учреждений образования находилось в ведении Святейшего синода и Министерства народного просвещения. В сельской местности наиболее распространены были церковно-приходские школы и школы грамоты, в которых преподавали учителя, получившие образование в духовных учебных заведениях, и местные священники. Учителя для начальных и городских училищ готовились в семинариях и институтах Министерства народного просвещения, которые не были привилегированными учебными заведениями, и обучались в них в основном выходцы из крестьян и средних городских слоев. Выпускники университетов становились учителями средней школы (гимназий, реальных училищ).

Отчасти профессия учителя была мужской и потому, что женщины были практически исключены из профессионального образования и соответствующих сегментов занятости. После реформ 1861 г. земства получили право открывать собственные учебные заведения, и к 1917 г. значительную долю начальных сельских школ составляли именно земские, для которых распространённой практикой было приглашение учителей со специальным педагогическим, а не религиозным образованием. Подготовка учителей для народной школы становится одним из наиболее актуальных социальных вопросов, и в его решении активное участие принимает широкая общественность, используя снятие ограничений доступа для женщин в профессию учителя. С момента основания Мариинского института главной целью женского образования было «воспитание честных и добродетельных жен, хороших... хозяек, попечительных нянек или надзирательниц над детьми...» [27]. Высшие женские педагогические курсы, помимо женских гимназий, становятся распространенным типом педагогических заведений. Московское общество воспитательниц и учительниц и Педагогические курсы при Санкт-Петербургском Фребелевском обществе готовили воспитателей детского сада («садовниц»), учителей начальной школы, позже и предметников. Являясь первым высшим женским учебным заведением, Московские высшие женские курсы выпускали учителей для средней школы (историко-филологического, физико-математического и естественно-исторического направлений). Впоследствии на их основе был сформирован Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина; в настоящее время – Московский педагогический государственный университет [27].

Дошкольная и начальная ступени института образования были и остаются женской профессиональной нишей во всем мире, за очень редким исключением [28, 29]. Так, в России в 2013 г. женщины составляли 99.8% воспитателей в дошкольных образовательных организациях, 98.9% учителей 1–4-х и подготовительных классов и 87.7% учителей в общеобразовательных организациях в целом [30, с. 109, 113, 115]. Вполне закономерно, что и в общественных представлениях россиян о типично «женских профессиях» профессия «воспитатель» выделяется отдельно и занимает лидирующие позиции, хотя за ней и следует «учитель, педагог» [31]. Для воспитателей и экспертных групп, связанных с дошкольным детством, распространенным является принятие квази«родительских/материнских» ролей, представлений о необходимости создания на работе квазиприватного пространства, характеризующегося интимностью и доверием [22]. Отражением данной ситуации является формирование гендерно выраженных профессиональных культур [32, 33], закрепляющих и сохраняющих гендерную гомогенность ниши воспитателей и учителей начальной школы, воспроизводящих гендерный порядок посредством института образования.

Стабильность занятости

Стабильность является значимой характеристикой занятости в общем образовании, что выгодно отличает ее от профессий в других секторах экономики, с точки зрения и воспитателей, и учителей. Крайне незначительный процент педагогов расценивают как актуальные для себя «риск потери работы» (8% – воспитатели и 7% – учителя) и «сокращения» (5% – воспитатели и 4% – учителя). В то же время эти же проблемы крайне важны для «работающих граждан, занятых вне системы образования» (52% – воспитатели и 46% – учителя; 51% – воспитатели и 45% – учителя). Постоянство занятости признается работниками отрасли образования как ее отличительная черта, хотя воспитатели отметили большую удовлетворенность «стабильностью работы в системе образования», чем учителя (69% и 56% соответственно).

Проблематика стабильности занимает особое место в ряду ценностей россиян [34]. Всеобщность института общего образования, сохранившаяся при всех социально-экономических трансформациях, создает дополнительные возможности в поддержании статуса профессиональной группы педагогов. С учетом данной ситуации показателен опыт итальянских исследователей династийности в профессиях. Результаты их исследования, особенно с учетом того факта, что Италия, так же как и Россия, относится к категории стран с низким показателем мобильности и сильным государственным регулированием, подтверждают высокую привлекательность занятости в государственном секторе и межпоколенное наследование рабочих мест в нем [35]. Недостаточное развитие каналов социальной мобильности в сочетании с проблемами экономики дают дополнительные преимущества бюджетному сектору труда в целом и образованию в частности.

Значительным вкладом в трактовку образования как сегмента со стабильной занятостью можно считать сам размер группы, отражающий емкость рынка рабочей силы, и его динамику. В 2011 г. самой распространенной в экономике профессиональной группой работников

являлись «преподаватели в средней школе» [36]. Хотя в экономике в целом позиции группы постепенно меняются, но школьные учителя всегда были наиболее значительной долей, в статистическом выражении, в педагогическом сообществе. Так, в период с 1991 по 2001 г. количество образовательных учреждений общего образования практически не изменилось (69.9 тыс. и 68.7 тыс. соответственно), как и размер группы учительства (1516 тыс. чел. и 1767 тыс. чел. соответственно) [37, с. 108, 68]. Сфера дошкольного образования хотя и меньше, но тоже представляет собой рынок труда с широкой сетью организаций по всей стране. Несмотря на то, что в России в конце 90-х гг. государственная система дошкольного образования пережила закрытие практически половины учреждений (с 87600 в 1991 г. до 51329 в 2001 г.) и аналогичное масштабное сокращение педагогических кадров (с 993900 человек в 1991 г. до 605300 в 2001 г.) [37, с. 95, 66], размер группы в постсоветский период остается относительно постоянным. В 2013 г. в 45345 организациях дошкольного образования трудились 505.8 тыс. воспитателей [30, с. 108, 162] и в 46129 общеобразовательных организациях работало 1046.2 тыс. учителей [30, с. 112, 168].

Стабильность занятости может быть рассмотрена и как отказ от смены профессии на протяжении длительных периодов индивидуальных профессиональных биографий и последствий такой стратегии для работников. В 2008 г. доля воспитателей со стажем «свыше 20 лет» составляла 41.6%, учителей – 51.6% (в 2013 г. – 58.3% [30, с. 118]) [38, с. 106, 113]. Общее образование позволяет своим работникам накапливать профессиональный капитал и использовать его. Система непрерывного повышения квалификации является не просто частью корпоративной культуры, но и институциональной поддержкой и требованием; она в основном оплачивается государством (частично или полностью) и обязательна для педагогических работников государственных учреждений. В данном контексте показательно, что подавляющее большинство педагогов отметили удовлетворенность такими аспектами своей профессии, как «возможность самореализации в профессии» (79% воспитателей и 74% учителей), «возможность многому научиться и расти как специалист» (75% воспитателей и 67% учителей), «востребованность знаний и опыта на работе» (76% воспитателей и 69% учителей). Эксперты отмечают рост спроса на педагогическое образование, а также положительные изменения в структуре абитуриентов, наметившиеся в последние годы, – педагогическое образование растет в спросе, по сравнению с другими специальностями, и его все чаще выбирают абитуриенты с высокими образовательными достижениями [39]. Постепенный рост квалификационных показателей по мере увеличения профессионального стажа отражается, в частности, на заработной плате. Профессиональная лояльность педагогов конвертируется в ресурсы, человеческий и экономический капиталы, а подобное соотношение характерно далеко не для всех сегментов занятости. Так, в группе специалистов высшего и среднего уровней квалификации специалисты в области образования наибольшую заработную плату получали в возрасте «65 лет и старше» и «60–64 года» соответственно [36].

В рамках классической трактовки сегодняшнего высокодинамичного общества свободное перемещение работников в социальном пространстве занятий и профессий рассматривается как важнейший инструмент снижения деградации человеческого капитала и чуть ли не панацея решения проблем рынка труда и социальной напряженности. В то же время становится все более актуальным вопрос стабильности или устойчивости в росте и развитии кадрового состава, как всего рынка труда, так и отдельных профессиональных групп. Высокая ценность стабильности занятости не может рассматриваться исключительно как проявление незащищенности работников общего образования, а должна пониматься как ресурс профессии, значимый для них.

Низкая оплата труда и проблемная трактовка внешней оценки профессии

Немаловажным является признание педагогами низкой экономической доходности профессии. Проблему «низкого заработка» считают для себя актуальной и воспитатели и учителя, хотя воспитатели в большей мере (81% и 68% соответственно). Респонденты выразили неудовлетворенность такими аспектами, как «оплата труда» (69% воспитателей и 64% учителей), а также «возможность помочь своим близким материально» (74% воспитателей и 76% учителей) и «возможности отдыха и восстановления здоровья» (51% воспитателей и 64% учителей).

Заработки специалистов данной отрасли в России были и остаются относительно невысокими. Уже в дореволюционной России учителя сельских начальных школ имели заработки, сопоставимые с рабочими, хотя в целом заработок лиц интеллектуальных профессий был намного выше, чем у основной массы населения [40]. В советский период благосостояние учителей также оставалось низким. В 1970-х гг. учителя,

работники дошкольных учреждений – это значительные группы интеллигенции с высшим образованием, чьи оклады являлись минимально возможными по стране и уступали заработкам рабочих. К 1980-м гг. зарплата основной массы учителей была в 3–4 раза ниже рабочей [40]. Эта же ситуация сохраняется на протяжении всего постсоветского периода [30, с. 142, 145], да и в целом занятость женщин преобладает в низкооплачиваемых видах экономической деятельности [36]. Присутствует и внутрипрофессиональная разница в доходах. В 2013 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в дошкольном образовании составляла 18577 рублей, в основном общем и среднем общем образовании – 24678 рублей [30, с. 143]. По данным мониторинга экономики образования ВШЭ, ежемесячная заработная плата воспитателя в 2015 г. составляла 19199 рублей, средняя зарплата учителей в общеобразовательных организациях – 30016 рублей [41]. Таким образом, несмотря на общее для педагогов недовольство доходностью профессии, именно воспитатели переживают его в большей мере.

Важным последствием низкой оплаты труда является актуализация негативной интерпретации внешней оценки своего труда учителями и воспитателями. Так, среди проблем профессии значительная доля респондентов указала такие: «отсутствие ощущения важности и нужности своей профессии для государства» (35% – воспитатели и 41% – учителя) и «недооценка уровня квалификации теми, для кого работник работает (например, родители детей, которые ходят в детский сад/школу)» (49% – воспитатели и 35% – учителя). Проблема низкой оценки педагогами того кредита уважения, которым они авансированы со стороны государства, общества и непосредственных участников образовательного процесса (и родителей в частности), не нова, но от этого не теряет своей остроты. Важной составляющей профессии педагога является вера в то, что между профессионалом и работодателем, между учителем/воспитателем, государством и обществом существуют отношения доверия и взаимного уважения, поддерживающие статус профессии, элементом которого является и материальное вознаграждение – плата за труд. В результатах исследований мы можем видеть недовольство внешним образом профессии, демонстрируемое респондентами, в ситуации длительного периода низких показателей оплаты труда [22, 23].

Стоит отметить, что проблемная ситуация оценки российскими педагогами внешнего признания своей профессии не уникальна. Весьма показательны результаты исследования педагогического сообщества общего образования стран Евросоюза. Важным моментом здесь является тот факт, что выборка объединяла страны с различиями условий труда, трудовых договоров, рабочего времени, заработной платы и пенсионного возраста. В рамках тематики нашего исследования стоит отметить, что в целом педагоги удовлетворены или очень удовлетворены своей профессией, но считают, что общество не ценит их. Заработная плата, хотя и является важной составляющей условий труда, не может рассматриваться как прямой и однозначный фактор, определяющий удовлетворенность профессией. В то же время во многих странах с низким коэффициентом относительного годового прироста заработной платы меньше доля учителей, которые считают, что общество ценит их профессию, чем в ЕС в среднем. И наоборот, системы образования, в которых коэффициент прироста заработной платы высок, с большей вероятностью демонстрировали убежденность в более высокой общественной оценке профессии, чем в ЕС в среднем. С точки зрения авторов исследования, это может означать, что заработная плата оказывает влияние на трактовку учителями внешней оценки их профессии [42].

Таким образом, восприятие педагогами низкой оплаты труда как неотъемлемой части своей профессиональной биографии и снижение оценки экономической ресурсности профессиональной принадлежности является, на наш взгляд, крайне важным моментом. В данном случае не стоит путать неудовлетворенность условиями труда, в частности в аспекте его оплаты, с общей удовлетворенностью профессиональным выбором и профессиональной лояльностью. Исследователи разных стран обращают внимание на тот факт, что педагоги выбирают свою профессию не в расчете на высокие доходы, а те из них, кто расценивают «статус, имидж и материальные награды» как наиболее важные характеристики занятости, чаще планируют сменить профессию [43–45]. Однако закрепление в профессиональной культуре трактовки воспитательного труда как малооплачиваемого крайне важно с точки зрения перспектив развития группы в целом и закрепления гендерной сегрегации труда в частности.

***

Рассматривая профессиональную группу педагогов, нужно понимать общие тренды изменения на рынке труда. Социальная политика в России в советский период характеризовалась патернализмом и значительными обязательствами государства перед работником, которые обеспечивали защищенность профессиональ-

ных групп. Всеобщая занятость гарантировала правовую защиту и стабильность дохода, а помимо этого государство обеспечивало возможность получать бесплатно основные социальные блага (например, медицинское обслуживание, образование, жилье). Все эти факторы поддерживали привлекательность секторов с относительно невысоким доходом, в частности профессий воспитателей и учителей. Изменение социально-экономических условий стимулировало трансформации в структуре мотивации выбора между государственным и частным, производственным и социальным секторами занятости. Появление безработицы и неформальной занятости как реалий повседневности жизни каждого работника, уход от патернализма в трудовых отношениях в постсоветский период способствуют снижению требований к правовой защищенности и корпоративной автономии, а отчасти и перспективе высокого дохода. Гораздо более востребованными и значимыми становятся регулярность выплаты заработной платы и стабильность занятости. В общем образовании феминизированность, дешевизна и квалифицированность рабочей силы остаются неотъемлемыми составляющими кадрового состава. Эти составляющие снижают статусные показатели группы педагогов. В то же время возможность максимизировать предсказуемость карьерных, а вместе с ними и экономических показателей работы в государственном сегменте занятости поддерживает востребованность общего образования как сектора с относительно невысоким доходом.

Нельзя забывать и о внутрипрофессиональном неравенстве и различиях. Формирование сферы оплачиваемого труда в сегменте заботы и образования детей дошкольного и школьного возраста создало основу профессии педагога как зоны экспертизы, организованной на формализованной системе знаний, теории педагогики и детской психологии, а не индивидуальном опыте материнства. Учителя и воспитатели работают, основываясь на научных стандартах, теории и практике, что и создает основу их профессионального статуса, а профильное образование становится одним из критериев доступа в группу. При этом длительная история труда воспитателей как «непрофессиональной» активности, более низкие, по сравнению с учителями, образовательные требования и квалификационные показатели зачастую выделяли эту группу педагогов из общего рассмотрения со специалистами школьного образования, придавали им более низкий статус. И учителя, и воспитатели сталкиваются с проблемой открытости для внешнего, бюрократического контроля, а также относительно низкими доходами, но воспитатели были и пока остаются наиболее уязвимой частью группы. Более глубокое проникновение гендерных стереотипов в профессиональную культуру педагогов дошкольного образования усугубляет ресурсное неравенство, повышая готовность мириться с низкими статусными показателями. Для «женского» выбора профессии традиционными ценностями остаются стабильность, защищенность занятости, взаимная ответственность между работодателем и работником, возможность совмещать работу и обслуживание семьи, в ущерб доходности, либеральности трудовых отношений, характерных для «мужских» и гендерно смешанных профессий и внутрипрофессиональных сегментов. Изменения в институциональном контексте могли бы способствовать повышению статусных показателей для специалистов дошкольного образования и снизить внутреннюю дифференциацию, но на данный момент нельзя отметить такой тенденции. Конечно, выборка не позволяет делать обобщения на уровне всей профессиональной группы, но дает возможность обратить внимание на наиболее проблемные точки.

Список литературы

1. Blau F.D., Kahn L.M. The gender pay gap // The Economists'Voice. 2007. Vol. 4. 6 p.

2. England P., Hermsen J.M., Cotter D.A. The devaluation of women's work: a comment on Tam // American Journal of Sociology. 2000. Vol. 105. № 6. P. 1741–1751.

3. Jacobs J., Steinberg R. J. Compensating differentials and the male-female wage gap: evidence from the New York State comparable worth study // Social Forces. 1990. **69(2).** P. 439–468.

4. Hsieh C.-T., Hurst E., Jones C. I., Klenow P.J. The allocation of talent and U.S. economic growth // NBER Working Paper No. 18693. 2010. 46 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nber.org/papers/w18693.pdf (дата обращения: 01.02.2017).

5. Рощин С.Ю., Зубаревич Н.В. Доклад «Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия». Гендерная тематическая группа агентств ООН. 2005 // Официальный сайт Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.undp.ru/Gender_MDG_rus.pdf (дата обращения: 21.07.2017).

6. Силласте Г.Г. Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщины // Высшее образование в России. 2004. № 3. С. 122–133.

7. Cotter D.A., Hermsen J.M., Vanneman R. Gender inequality at work. New York, NY: Russell Sage Foundation and Population Reference Bureau, 2004. 32 p.

8. Carmichael F. Intergenerational mobility and occupational status in Britain // Applied Economic Letters. 2000. **7.** P. 391–396.

9. Eberharter V.V. The intergenerational transmission of occupational preferences, segregation, and wage inequality – Empirical evidence from three countries. SOEP papers on Multidisciplinary Panel Data Research. 2012. № 506. 25 p.

10. McMahon M., Patton W. Gender differences in children and adolescents‘ perceptions of influences on their career // School Counselor. 1997. **44 (5).** P. 368–376.

11. Cook E.P., Heppner M.J., O‘Brien K.M. Career development of women of color and white women: Assumptions, conceptualization, and intervention from an ecological perspective // The Career Development Quarterly. 2002. **50 (4).** P. 291–305.

12. Ярошенко С. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных в России // Рубеж. 2001. № 16/17. С. 31–32.

13. England P. Emerging theories of care // Annual Review of Sociology. 2005. № 31(1). P. 381–399.

14. Skelton C. The 'feminisation of schooling' or 're-masculinising' primary education? // International Studies in Sociology of Education. 2002. **12:1**. P.77–96.

15. Кон И.С. Кризис бесполой педагогики // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». № 2(7). Июнь 2010.

16. Galambos N.L., Silbereisen R.K. Income change, parental life outlook, and adolescent expectations for job success // Journal of Marriage and the Family. 1987. Vol. 49. P. 141–149.

17. Kniveton B.H. The influences and motivations on which students base their choice of career // Research in Education. 2004. **72**. P. 47–59.

18. Floud J.E., Scott W. Recruitment to teaching in England and Wales // Education, Economy and Society / Halsey A.H., Floud J.E., Anderson C.A. (eds.). New York: The Free Press, 1961. P. 527–544.

19. Betz M., Garland J. Intergenerational mobility rates of urban school teachers // Sociology of Education. 1974. **47. 4**. P. 511–522.

20. Собкин В.С., Ткаченко О.В., Федюнина А.В. Студент педагогического вуза: отношение к образованию и профессиональные планы // Вопросы образования. 2005. № 1. С. 304–320.

21. Chevalier A. Just like daddy: the occupational choice of UK graduates. Dublin: WP University College Dublin, 2002. 42 p.

22. Колесникова Е.М. Педагоги дошкольного образования: специфика профессиональной группы и рынка услуг // Вестник Института социологии. 2013. № 2 (7). С. 129–152.

23. Колесникова Е.М. Педагоги частного и государственного дошкольного образования: статус группы и перспективы развития // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 114–132.

24. Колесникова Е.М., Митрохина Е.В. Воспитатели и учителя об условиях труда и организационной поддержке // Вестник Института социологии. 2017. № 20. С. 13–34.

25. Reskin B.F., Roos P. (eds.) Job queues, gender queues: Explaining women’s inroads into male occupations. Philadelphia: Temple University Press, 1990. 400 p.

26. Днепров Э.Д., Усачева Р.Ф. Женское образование в России. М.: Дрофа, 2009. 275 с.

27. Латышина Д.И. История педагогики (История образования и педагогической мысли): Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. 603 с.

28. Симонович А. К истории детского сада. По материалам журнала «Вестник воспитания», 1896 г. // Официальный сайт журн. «Дошкольное образование». 2005. **2** [Электронный ресурс]. URL: http://dob.1september.ru/article.php?ID=200500204 (дата обращения: 01.02.2017).

29. Education at a Glance 2017. OECD Indicators. Who are the teachers? D5 Gender profile of teachers [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2017_eag-2017-en (дата обращения: 01.02.2017).

30. Образование в Российской Федерации. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 464 с.

31. «Мужские» и «женские» профессии по мнению россиян. ФОМ. 2013 г. // Официальный сайт ФОМ [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/opros01.php (дата обращения: 01.02.2017).

32. Sargent P. Real men or real teachers? Contradictions in the lives of men elementary teachers // Men and Masculinities. 2000. **2(4).** P. 410–433.

33. Sumsion J. Critical reflections on the experience of a male early childhood worker // Gender and Education. 1999. **11(4)**. P. 455–468.

34. Стабильность или реформы? ФОМ. 2016 г. // Официальный сайт ФОМ [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/TSennosti/12765 (дата обращения: 01.02.2017).

35. Scoppa V. Intergenerational transfers of public sector jobs: a shred of evidence on nepotism // Public Choice. October 2009. Vol. 141. Issue 1. P. 167–188.

36. Дифференциация заработной платы работников по профессиональным группам // Официальный сайт ГКС [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d06/3-plat.htm (дата обращения: 01.02.2017).

37. Образование в Российской Федерации: стат. сб. М.: ГУ ВШЭ, ЦИСН, 2003. 255 с.

38. Индикаторы образования. Стат. сб. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 176 с.

39. Мониторинг качества приема в вузы. Основные итоги 2016 // Официальный сайт ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/ege/stata_2016 (дата обращения: 01.02.2017).

40. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999. 250 с.

41. Индикаторы экономики образования. 13 волна. 2015 год // Официальный сайт ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://memo.hse.ru/ind (дата обращения: 01.02.2017).

42. European Commission/EACEA/Eurydice. The Teaching Profession in Europe: Practices, Perceptions, and Policies. Eurydice Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union. doi: 10.2797/031792. 2015. 134 p.

43. Hargreaves L., Cunningham M., Everton T. et al. The status of teachers and the teaching profession: views from inside and outside the profession: interim findings from the teacher status project. Research Report 755. London: DfES, 2006. 94 p. [Электронный ресурс]. URL:

http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130401151715/http://www.education.gov.uk/publications/eOrderingDownload/RR755.pdf (дата обращения: 01.02.2017).

44. Treiman D.J., Hartmann H. Women, work, and wages: Equal pay for jobs of equal value. Washington, DC: National Academy Press, 1981. 148 p.

45. Berry B. Recruiting and retaining quality teachers for high-needs schools: Insights from NBCT summits and other policy initiatives. Washington, DC: National Education Association, 2007. 22 p. [Электронный ресурс]. URL: http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED519714.pdf (дата обращения: 01.02.2017).

RUSSIAN SCHOOL AND PRESCHOOL TEACHERS: PECULIARITIES OF THE «FEMALE» EMPLOYMENT AND INTRA-PROFESSIONAL DIFFERENTIATION

E.M. Kolesnikova

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The article examines intra-professional differentiation in the group of general education teachers. The results of a survey of school and kindergarten teachers allow us to note both similarities and differences in the assessment of this profession's status. Changes in labor relations in the post-Soviet period contributed to the growing importance of employment stability in the eyes of employees, often at the expense of the weakening of requirements for legal protection and corporate autonomy, and even income. The situation in the field of preschool education is especially difficult. It is characterized by the greater entrenchment of gender stereotypes in professional culture, resource inequality of the group, the spread of the opinion about the necessity to put up with low status indicators and deficiencies in working conditions.

Keywords: sociology of professions, sociology of education, school teacher, preschool teacher.

УДК 316

ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ФИЛЬТРАЦИИ ВРЕДНОЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ ИНФОРМАЦИИ НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ ПОДХОДОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

© 2018 г.

А.К. Полянина

Полянина Алла Керимовна, к.э.н.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Alker@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2018
Статья принята к публикации 31.10.2018

Анализируются разнообразные показатели эффективности систем информационной безопасности детей. Классификация моделей фильтрации негативного контента проводится в соответствии с тремя ценностными классами граждан, в зависимости от их приверженности к определённым ценностям, условно обозначенным как «традиционные» ценности и ценности «самовыражения». Применяется авторская терминология, обозначающая комплексную характеристику информационного фильтра: реальный (социально ориентированный) информационный фильтр означает эффективную систему фильтрации вредной информации; целевой (религиозный) фильтр основывается на религиозных убеждениях населения и имеет целью сохранение каналов трансляции традиционных установок; квазифильтр существует в качестве демонстрации заботы о детях и уровня развитости государства; псевдофильтр (антисоциальный) означает деформацию реального фильтра в сторону защиты узкосоциальных интересов (меньшинств) в ущерб интересам большинства, тесно связан с феноменом деформации современной демократии и отходом от научного обоснования вредности информационного контента в угоду политически ангажированной демонстрации приверженности либеральным ценностям.

Предпринимается попытка выявления закономерностей трансформации информационных фильтров. Подтверждается зависимость модели информационной безопасности от принятого в стране социального статуса детства. Отмечается, что научная обоснованность вредности определённых контентов информации и объективная интерпретация исследований вновь появляющихся угроз позволит обеспечить баланс интересов потребителей информации и эффективный социальный контроль как механизм противодействия социальной дезорганизации.

Ключевые слова: социальный контроль, фильтрация информации, вредная для детей информация, информационная безопасность детей, ценности, свобода слова, цензура, статус детства.

Введение

Информационная безопасность детей основывается на понимании реальности угроз со стороны информационного пространства, окружающего ребёнка. Определение таких угроз ведёт к формулированию критериев вредной для детей информации. Несмотря на признание мировым сообществом необходимости охраны детства, имеются существенные различия в пределах допустимой для потребления детьми информации в разных регионах мира в зависимости от культурной и политической среды. Это обстоятельство, в свою очередь, определяет существование противоречий в отношении к конкретным элементам информационного контента и установлению системы фильтрации вредного контента.

Особенности интерпретации критериев вредной информации, сочетание их в национальных моделях информационной безопасности детей или существование доминирующего критерия, определяющего информацию как вредную для детей, нуждаются в социологическом анализе. Рассмотрение зарубежных моделей фильтрации негативной информации в соответствии с ценностными ориентациями населения стран и факторами культурно-исторической среды позволит выявить закономерности формирования специфических характеристик систем регулирования информационной сферы. Это же поможет определить возможности создания универсальных (международных) стандартов информационной безопасности детей, эффективных в разных регионах мира, отличающихся культурной парадигмой и мировоззренческой средой.

Теоретико-методологические основы

Проблемы регулирования публичного информационного пространства в целом и информационной безопасности детей в частности являются междисциплинарными научными проблемами. Так, в психологии достаточно глубоко изучено влияние вредной информации на сознание ребёнка, его волевую, эмоциональную и

познавательную сферу. Широко представлены правовые аспекты регулирования массовой информации в целях защиты детей, изучен принцип ограничения свободы слова в отечественной и международной практике. Именно на основе выводов прежде всего психологической и юридической науки разработаны и введены в действие нормативные акты Российской Федерации в области защиты детей от информации. Однако существующие социологические исследования общественных отношений в области регулирования оборота информационной продукции и механизмов взаимодействия субъектов массовых коммуникаций остаются невостребованными в процессе теоретического обоснования и организации информационной безопасности детства.

Проведены социальные исследования отдельных аспектов проблемы информационной безопасности детей. Например, исследования в сфере массовых коммуникаций и массовой информации выявляют степень опасности влияния средств массовой информации (Н. Брушлинская, А.Б. Гофман, А.А. Грабельников, И. Гусаченко, Т.Н. Кувенева, А.Г. Манаков, Г. Летрусь, В.С. Собкин); обосновывают принцип свободы и ответственности СМИ (freedom and responsibility), а также необходимость разработки новой социальной теории функционирования средств массовых коммуникаций на основе современных ценностей, направленной на решение новых проблем человечества в условиях глобализации, трансграничных информационных потоков на уровне сверхнациональных государственно-юридических образований (Я.В. Кондратьева, И.А. Зосименко, А.И. Черных) [1, с. 95]. В рамках социологической науки исследуются способы и методы предотвращения информационной агрессии (В.Д. Аносов, Ю.М. Батурин, В.А. Виноградов, А.М. Жодзишский, Г.М. Зараковский, В.Б. Ивасенко, И.М. Ильинский, Дж. Кин). Проблема регулирования оборота информации и медиапланирование, понимаемое как социальная технология управления информационными кампаниями [2], являются предметом изучения социологии управления.

Социологический подход к организации и обеспечению информационной безопасности детей формируется в рамках концепции социального контроля (С.Н. Майорова-Щеглова). При этом главным фактором технологии обеспечения информационной безопасности отдельными авторами видится статус детства в современном обществе. В зависимости от отношения взрослой группы к детям и детству для сохранения информационной безопасности применяются либо технология ограждения/разрешения, либо технология просвещения/обучения [3].

В социологическом преломлении организация совместного регулирования оборота информации относится к проблемному полю социального контроля. Столкновение культурно-ценностных схем на определенных территориях обусловливает появление социальной дезорганизации, и социальный контроль представляется в виде механизма противодействия девиантному и делинквентному поведению. Использование инструментов обеспечения информационной безопасности имеет отношение к механизму противодействия девиантному поведению в информационном пространстве как реакция на угрозу со стороны социальной дезорганизации.

Вопросы социального контроля информационного пространства связаны также с явлением цензуры. Некоторые авторы, оценивая цензуру в положительном контексте, утверждают способность трансформации цензуры в универсальный механизм фильтрации информационного поля с целью поддержания равновесия между социальным запросом и предложением информации. В зависимости от адаптационных возможностей общества по отношению к социальным изменениям исследователи различают существующие в нём модели цензуры. Ими выделяется: социальная цензура, «амортизирующая социальные изменения путём формирования адаптационного пояса безопасности базисной культуры»; антисоциальная цензура, направленная на защиту интересов узкого круга лиц, но не всего общества в целом и тем самым разрушающая основы базисной культуры; асоциальная цензура, существующая формально; латентная цензура, официально запрещённая, но существующая в обществе фактически. Как и цензура, фильтрация информационного продукта с целью защиты детей выступает механизмом социального контроля, направленным на сохранение ценностного пространства, трансляцию норм и ценностей, поддержание эффективного функционирования системы социализации и культуры [4].

Задание в механизм фильтрации характеристик вредной информации выстраивает границы социального контроля. Содержание и состав критериев вредной информации в системе фильтрации рассматривается, с одной стороны, как важнейший фактор совместного регулирования информационной сферы, а с другой стороны – как показатель относимости общества к определённому *ценностному типу*.

С нашей точки зрения, именно принадлежность общества (или большинства его представителей) к ценностному типу влияет на воз-

можности проявления в этом обществе отклоняющегося поведения, что, в свою очередь, влечёт, с одной стороны, включение в систему фильтрации тех или иных критериев, в некотором смысле разнообразия спектра фильтрации, и, с другой стороны, обусловливает само существование механизма обеспечения информационной безопасности и интенсивность принимаемых мер (или наличие самой проблемы вредной информации как таковой). Определение основного ценностного типа общества (страны) означает выявление возможностей применения тех или иных инструментов обеспечения информационной безопасности, а также тенденций развития регулирования информационной сферы. Эмпирической основой для данной работы послужили законодательные акты, а также результаты ряда социологических исследований.

На основе ценностной типологии европейских стран предпринята попытка выстроить классификацию моделей информационной безопасности детства. Опираясь на ценностные показатели Р. Инглхарта, В. Магун и М. Руднев сгруппировали всех респондентов на основе их ценностных показателей в три класса [5]. На базе 10 показателей Р. Инглхарта ими определены два ценностных параметра: «традиционные ценности» и «самовыражение», степень выраженности которых зависит от ряда факторов. Авторами выявлено, что респонденты, отнесённые к первому классу, предпочитают следование авторитетам, будь то религиозные догматы или государственная власть. Напротив, представители третьего класса предпочитают ценность независимых решений, личной инициативы и самовыражения. У респондентов, составляющих промежуточный второй класс, выявляется отсутствие ориентации на активность, стимулируемую как «сверху» от авторитетов, так и «изнутри» (личностную). Другими словами, эти люди уже отказались от «вертикальных» источников активности, но ещё не приобрели веру в «горизонтальные» (внутренние). Класс традиционалистов противопоставляется классу самореализующихся личностей.

Несмотря на значительную неоднородность стран по ценностному составу респондентов, выявлено, что «традиционалисты составляют гораздо большую долю в населении постсоциалистических и средиземноморских стран в сравнении с западноевропейскими и скандинавскими» и, наоборот, представители третьего класса, ориентированные на автономию, преобладают в западноевропейских и Скандинавских странах. Второй класс респондентов более распространён в постсоциалистических и средиземноморских странах и России, чем в Северной и Западной Европе. Кроме того, доля представителей второго промежуточного класса с отсутствием как «вертикального», так и «горизонтального» регулирования поведения растёт прямо пропорционально росту потребления алкоголя, смертности от девиантных причин, самоубийств. Авторами отмечается, что это является следствием отказа от культурных запретов и норм и отражает собой социальную дезорганизацию. Ослабление внешнего социального контроля у представителей второго класса сопровождается несформированностью механизмов самоконтроля.

Классификация информационных фильтров в моделях информационной безопасности детей

Проведённая исследователями ценностная типология даёт возможность объяснить различия в системах социального контроля над оборотом информации, применяемых в разных странах. Так, в странах с большой долей людей, отнесённых к первому классу, применяют прежде всего систему государственно-правового регулирования и инструменты неформального социального контроля (традиционная мораль). Это можно объяснить готовностью и даже ожиданием населения мер государственного принуждения, стремлением к обеспечению безопасности в ущерб свободе выражения мнений как условия выживания. Приверженность представителей первого класса к конформности и традиции выражает готовность к послушанию и, соответственно, одобрение социальных санкций, применяемых к девиантному поведению, что, в свою очередь, объясняет эффективность жёсткого государственного регулирования, систему правовых запретов в отношении вредной информации, аппарат контролирующих государственных органов, интенсивность неформального социального контроля. Чем более в стране представителей третьего класса, сторонников ценности самовыражения, личной инициативы, автономии, тем более выражен такой тип регулирования информационной сферы и СМИ, в частности, как саморегулирование и, соответственно, меньшее значение имеют формы государственного воздействия. Для стран с преобладанием доли населения второго класса в отношении обеспечения информационной безопасности детей будет характерно сочетание мер государственно-правового воздействия, некоторых форм саморегулирования и зачатков активности гражданского общества.

Используя ценностную типологию стран, которую выстроили В. Магун и М. Руднев, считаем возможным классифицировать модели информационной безопасности детей отдельных стран на основе принадлежности большинства населения к одному из трёх ценностных клас-

сов. Главным элементом модели безопасности признаётся система фильтрации вредной информации. В зависимости от ценностных ориентаций большинства населения механизм социального контроля над распространением вредной для детей информации в разных странах различается на основе таких критериев, как *разнообразие инструментов регулирования информационной сферы, включая возрастную классификацию информационной продукции, «временной водораздел», чёткость описания критериев вредного контента в нормативных актах различного уровня, неотвратимость и строгость юридической ответственности нарушителей, система негосударственного регулирования медиарынка, активность гражданского общества в виде многообразия институциональных форм (саморегулирующиеся организации, родительская общественность, «горячие линии»), личная активность граждан, включая жалобы на производителей и распространителей информационного контента, использование родителями услуг интернет-фильтрации, медиаобразование детей и родителей, просвещение и, наконец, научная обоснованность критериев вредности информации для детей.* Для обозначения комплексной характеристики информационного фильтра, применяемого в стране, предлагается использовать следующие определения: **реальный фильтр** означает эффективную систему фильтрации вредной информации; **целевой (религиозный) фильтр** существует в виде интенсивного неформального социального контроля, как правило, на базе религиозных убеждений и имеет целью сохранение каналов трансляции традиционных установок; **квазифильтр** (**демонстративный**) не направлен в действительности на фильтрацию негативного контента, но существует в качестве демонстрации заботы о детях и уровня демократичности государства; **псевдофильтр (антисоциальный)** означает деформацию реального фильтра в сторону разрушения культурных норм, защиту узкосоциальных интересов (меньшинств) в ущерб интересам большинства, тесно связан с феноменом деформации современной демократии. Информационный фильтр соответствует ценностной ориентации большинства населения страны, поскольку признание информационного содержания вредным непосредственно зависит в целом от понимания девиации и нормы. Другими словами, псевдофильтр есть такое искажение реального фильтра, которое влечёт утрату им своих функций, а квазифильтр является лишь декларацией заботы государства о детях, то есть провозглашением в реальности не существующего контроля над оборотом информации.

С ориентацией на опыт международного сотрудничества в области защиты детей, в котором по преимуществу активное участие принимают государства – представители западной цивилизации, имеет значение рассмотрение практики регулирования оборота информации с целью обеспечения безопасности детей в этих странах. За основу взяты результаты исследований опыта зарубежных стран в области информационной безопасности детей Л.Л. Ефимовой, С.В. Кобзевой, О.В. Пристанской, А.А. Смирнова, зарубежной практики регулирования СМИ А.Г. Рихтера, органов саморегулирования СМИ А. Ткача, исследования глобального медиарынка Е.Л. Вартановой.

Достаточно развитой считается система защиты несовершеннолетних от деструктивного влияния информации в Германии. Так, в ФРГ уже в 1953 г. были введены ограничения распространения «материалов, вредных для молодёжи» и создано специальное федеральное ведомство. Ряд норм уголовного законодательства предусматривает ответственность за производство, распространение и ввоз информационной продукции, прославляющей насилие, демонстрирующей порнографию с садизмом, гомосексуализм и педофилию, а также ответственность за продажу порнографических материалов несовершеннолетним или публикацию таких материалов в местах, доступных для несовершеннолетних. Отдельные категории вредного контента имеют специфические признаки. Например, наиболее вредными считаются насилие, пропагандируемое в качестве главного средства решения конфликта, демонстрируемое крупномасштабно, убийства и жестокости. В отношении эротического и порнографического материала акцент делается на преподнесение информации в грубой навязчивой форме, изображение, разжигающее половое влечение (или, как это звучит в российском законодательстве, – «эксплуатирующее интерес к сексу»), представление людей в качестве сексуальных объектов, изображающее привлекательность изнасилования, а также садистские методы в качестве возбуждающих половое желание.

Одновременно с государственным регулированием в соответствии с законом об информационных и коммуникационных службах предусматривается возможность создания организаций добровольного самоконтроля (ДСК). В Германии существует и так называемый «временной водораздел», то есть разграничение времени демонстрации фильма в соответствии с возрастной маркировкой. Например, фильм, разрешённый для просмотра только совершеннолетними гражданами, может быть показан в эфире после 23:00, фильм, разрешённый с

16-летнего возраста, – после 22:00. Для других возрастных категорий нет временных рамок.

Всеобщий обзор ценностей выявил в Германии 45% респондентов, принадлежащих к третьему ценностному классу, и 41% – ко второму [6]. Фильтр негативной информации можно обозначить, скорее, как реальный. Высокий процент представителей второго и третьего классов соответствует сочетанию государственного регулирования и деятельности институтов гражданского общества в системе обеспечения информационной безопасности детей.

В Соединённых Штатах Америки максимально детализируются понятия, характеризующие негативный контент. Например, понимание порнографии (pornography) в США шире, чем в России, и включает такое содержание информации, которое в России может быть отнесено к «эротической» продукции. Наряду с понятием «порнография» есть понятие «непристойность» (obscene), то есть несоответствие принятым стандартам нравственности, в том числе вульгарные или шокирующие выражения, которые обращаются к низменным инстинктам аудитории [7]. Распространение непристойной информации запрещено, в то время как распространение порнографии только ограничено. Распространение легальной порнографии, а именно продукции, нарушающей общественные нормы, допускается в заведениях, доступ в которые несовершеннолетним запрещён, а сами места определяются органами местного самоуправления.

При возрастной классификации кинопродукции учитывается и продолжительность сцен насилия, секса или употребления наркотиков, а также интенсивность, степень выраженности негативного контента, ругательств, насилия, натуралистичность изображения также выступает усугубляющим фактором. Осуществляется возрастная классификация телевизионных программ на основе рекомендаций для родителей по просмотру телепрограмм, действует «временной водораздел», установлена уголовная ответственность за распространение среди несовершеннолетних непристойных и развращающих материалов [8, 9]. В США функционирует детская доменная зона, предусматривающая производство информации при участии детей, – kids.us.

В Канаде действует система возрастной классификации видеопродукции и системы провинций могут отличаться. Общепризнанным опасным для детей контентом считается: насилие, нагота, эротизм, сквернословие, сцены ужаса, жестокости, издевательств, вульгарная (грубая, нецензурная) речь. Имеет значение также определённая *«взрослая» тематика: суицид, наркотики, проблемные ситуации, способные «дезорганизовать», инцест, феномены психопатологии* и т.д., натуралистичное и детальное их изображение. Ранжирование видеопродукции вменяется в обязанность распространителей продукции. В отношении телерадиовещания действует «временной водораздел»: продукция, предназначенная для просмотра исключительно взрослыми, не демонстрируется с 6 часов до 21 часа. В США и Канаде широко применяются кодирующие телевизор устройства, позволяющие контролировать потребление информации соответствующей возрастной классификации.

В Великобритании также используется «временной водораздел», дифференцирующий эфирное время для информационной продукции разной возрастной классификации. Видеопродукция и телепередачи, включающие эпизодическую демонстрацию половых отношений, могут выходить в эфир не ранее 21 часа. Опасной для детей считается информационная продукция с непристойным содержанием, поощряющая употребление алкоголя, наркотиков, курение, с содержанием насилия (*особенно семейного*), ругательств, демонстрацией секса и обнаженного тела [10]. Такие ограничения действуют даже в отношении новостных программ, выходящих в эфир в то время, когда не допускается демонстрация определённого контента, например изображения катастроф и терактов. Полная версия новостных передач с соответствующим видеорядом транслируется в вечернее время после 21 часа. Устанавливается уголовная ответственность за непристойные публикации. Интернет-провайдеры Великобритании используют систему «чистая линия», которая позволяет выявлять и блокировать негативный контент. В Великобритании доля населения, относящаяся ко второму и третьему классу, немногим меньше, чем в Германии, – 39% и 37% соответственно [6].

Во Франции запрещается демонстрация в теле- и радиоэфире информационной продукции, содержащей эротику и жестокие сцены, до 22 часов 30 минут, а также запрещается *реклама такой продукции до 20 часов 30 мин.* Функционирует государственный орган – Высший аудиальный совет Франции, в чьи полномочия входит контроль за обеспечением защиты чувств детей и подростков на телевидении. Действует возрастная классификация кинопродукции.

Представляет интерес опыт Нидерландов по созданию системы маркировки аудиовизуальной продукции «Кейквейзер», которая представляет собою набор из пяти возрастных маркеров и сопровождающие их шесть характеристик контента: ужасы, насилие, эротика, *зло-*

употребление наркотиками (алкоголем), брань, дискриминация. Потребителям информации предоставлена возможность подавать жалобу на негативный контент, воспользовавшись специальным телефонным номером. Авторы ценностной типологии относят Нидерланды к странам с наиболее высоким процентом респондентов, относящихся к третьему классу («самовыражение, рациональные ценности»).

В целом страны Западной Европы и Северной Америки применяют государственное и негосударственное регулирование оборота информационной продукции с целью защиты детей от информации. Наиболее опасными элементами информации в этих странах признаются такие, которые фокусируются вокруг групп: *насилие (убийство, жестокость); эротизм (включая порнографию); ненормативная лексика (включая нецензурную брань и вульгарные выражения); употребление веществ, опасных для здоровья (наркотики, алкоголь, табак); пугающие сцены (ужас, катастрофы), противоправное поведение.* Это наиболее очевидные для большинства стран факторы информации, чьё вредное влияние доказано и не оспаривается. Инструменты обеспечения информационной безопасности детей отличаются большим разнообразием, а информационные фильтры в отельных странах этих регионов можно назвать реальными, или социально ориентированными.

Однако в некоторых государствах существуют такие критерии, обоснованность которых с точки зрения способности навредить ребёнку представляется сомнительной. Таких «особенных» критериев вредной информации достаточно много для того, чтобы утверждать существование различного понимания угроз детству со стороны информационного пространства. Так, существование в Нидерландах такого критерия вредной информации, как *злоупотребление* наркотиками, говорит о терпимом отношении к *употреблению* «лёгких» наркотиков, а потому опасно наркотиками именно «злоупотреблять», а не просто «употреблять» их, как это считается в большинстве других стран. Дискриминация также признана критерием вредной информации в ряде западных стран, что свидетельствует о признании исключительной ценности толерантности, вне зависимости от дискриминирующих признаков, таких как возраст, пол, образ жизни, национальность, убеждения и сексуальная ориентация. Вредоносность для детской психики данного критерия достаточно относительна и потому должна являться частным проявлением более общего критерия «противоправное или антисоциальное поведение». Также и в США наблюдается отсутствие чётких критериев деления порнографии на легальную и нелегальную, то есть такую, которая «возбуждает низменные инстинкты» и «является явно оскорбительной». Исследователи отмечают, что в Скандинавских странах сексуальный контент не рассматривается как наносящий ущерб здоровью и развитию детей и разрешён с 15 лет. В Дании и Швеции возрастной предел для просмотра взрослых фильмов установлен в 15 лет, то есть просмотр вредного контента допускается детям с 15 до 18 лет. Это указывает на необоснованно лояльное отношение к потреблению детьми информации, эксплуатирующей интерес к сексу.

В Великобритании критерии возрастной классификации фильмов предполагают равное вредное воздействие демонстрации как гетеросексуального, так и гомосексуального поведения. Руководство по классификации фильмов БККФ (Британского комитета по классификации фильмов) специально отмечает, что не допускается различий между гетеро- и гомосексуальными действиями [11, с. 94]. Утверждение допустимости «альтернативной сексуальной ориентации» влияет и на установление дискриминации как одного из критериев возрастной классификации игры Панъевропейской системой информации о компьютерных играх PEGI. Эти факторы позволяют говорить о деформации реального информационного фильтра. Переход реального фильтра в форму псевдофильтра (антисоциального) означает утрату им своей основной функции и сопровождается *идеологизацией всей модели информационного регулирования*. Политически и идеологически ангажированные принципы регулирования информационного оборота перестают основываться на выводах психологической науки и преследуют цели, далёкие от здоровья и развития детей, граничащие с пропагандой ценностей, противоречащих развитию и воспроизводству общества.

В ценностном отношении для стран Западной и Северной Европы характерна большая доля населения, принадлежащая к третьему ценностному классу с присущим ему стремлением к личностной автономии, самовыражению и рационализму. Можно предположить, что это обстоятельство обусловливает особое место толерантности и свободы самоидентификации, включая свободу половой самоидентификации или сексуальной ориентации, в системе ценностей и определяет тенденцию усиления интенсивности передачи этих ценностей подрастающему поколению. Поэтому наиболее высокий процент населения, относящийся к классу «самовыражение», наблюдается именно в странах, где реальный информационный фильтр дефор-

мировался в псевдофильтр, потерявший свою основную функцию – защиту психического здоровья и нравственного развития детей на основе результатов научных исследований, в том числе подтверждавших вред демонстрации детям социально одобряемых нетрадиционных сексуальных отношений, негативно влияющих на самоидентификацию ребёнка [12].

В соответствии с выводами исследователей ценностных классов в странах Восточной Европы и Средиземноморья наблюдается высокий процент населения, принадлежащего ко второму и первому классам, для которых характерна ориентация на властную иерархию, готовность к подчинению и ценность традиции – одной стороны (1 класс) либо девальвация каких-либо авторитетов и властей, слабая личная инициативность, «апатия» (2 класс). При этом отмечается, что в России почти всё население распределяется между первым и вторым ценностными классами [5, с. 17], и поэтому анализ моделей информационной безопасности детей в этих странах представляет для нас особый интерес. Страны с наибольшим процентом населения (более 45%), принадлежащего ко второму ценностному классу, имеют особенности регулирования оборота информации.

Так, законодательство Литвы включает закон «О защите несовершеннолетних от негативного воздействия публичной информации», устанавливающий критерии негативной информации, порядок её распространения, ответственность распространителей, производителей и журналистов. Отметим в качестве отступления, что, в отличие от аналогичного российского закона, действие литовского закона распространяется на рекламу. Перечень критериев вредного контента в целом совпадает с общепризнанным в Европе. Предусматриваются временные ограничения распространения вредной информации, т.е. «временной водораздел». Вместе с тем законом предусматривается беспрепятственное распространение информации, способной причинить вред ребёнку, в случаях: информирования «о политических и социальных событиях, религиозных убеждениях и мировоззрении»; если информация является «значимой с научной или художественной точки зрения»; если оглашение информации «отвечает общественному интересу»; если «объём и воздействие негативной информации являются малозначимыми». Несмотря на то, что СМИ обязаны сообщать о возможном негативном влиянии на несовершеннолетних этой информации, представляется, что данное дозволение открывает широкий простор для злоупотреблений, поскольку оценка «общественной значимости информации, незначительности вредного воздействия или художественной ценности информации» оставляется всецело на усмотрение распространителя.

В Эстонии с 2016 г. действует закон «Об охране детства», запрещающий производство, демонстрацию и распространение среди детей материалов, разжигающих жестокость и насилие, а также предметов (!), печатных изданий и фильмов, имеющих порнографическое содержание. А закон «О телерадиовещании» запрещает размещение в эфире безнравственной информации. Действует «горячая линия» («Vihjeliin»), и есть возможность передать в правоохранительные органы жалобу о вредной информации, сохраняя анонимность. Однако критерии вредного или безнравственного контента не имеют чёткого определения в законодательстве. Отмечается лишь, что запрещается выпускать в эфир информацию, которая «по всей вероятности» может причинить вред ребёнку.

В Латвии, так же как и в Эстонии, ко второму ценностному классу относятся 57% населения, а к третьему классу – только 6% [6]. Преобладание представителей второго ценностного класса говорит о переходной стадии социального развития, когда люди не ориентированы ни на внешнюю власть, ни на внутренние источники активности, ещё не имеют веры в эффективность собственной инициативы, но уже отказались от авторитета внешних инстанций (государства, религии). Такая ситуация сказывается на понимании угроз детям со стороны информационного публичного пространства и отношении к вопросам обеспечения защиты детей от негативного контента. Недоверие к внешним (государственным) регуляторам информационной сферы и отсутствие уверенности в собственных возможностях граждан предотвратить или пресечь негативную информацию приводит к такой модели информационной безопасности, которая скорее характеризуется декларативностью, чем эффективностью. С одной стороны, наличие специального законодательства свидетельствует о намерении интегрироваться в развитое общество западного типа, с другой стороны, отсутствие отлаженного механизма совместного регулирования информационной сферы и социального контроля – как официального, так и неофициального (со стороны гражданского общества), а также слабость альтернативных инструментов регулирования говорят о существовании *квазифильтра,* основная цель которого заключается *в демонстрации* самого существования системы информационной безопасности детей, как это принято в странах «высокой цивилизации».

Представители первого ценностного класса, как отмечалось, придают большое значение

внешнему авторитету (религия, государство, власть), «послушанию», стремятся к подчинённости и к подчинению (руководству) нижестоящих, к порядку, понимаемому широко и в рамках традиций. При этом отсутствуют ценности личностной автономии, решительности, гражданской активности. К странам с преобладающей долей первого класса (свыше 50%) относятся, например, Грузия, Армения, Азербайджан, Молдова, Кипр. Ценность традиции и приверженность сложившейся общественной иерархии наблюдается в странах Азии и Ближнего Востока [6]. Практика охраны детства от нежелательного информационного контента в странах Ближнего Востока и в некоторых странах Азии наиболее ярко контрастирует с отношением европейского и североамериканского сообщества к проблемам информационной безопасности детей. Для арабских средств массовой информации характерен жесткий контроль со стороны правительства, опирающийся на традиционные социальные нормы, предполагающие одобрительное отношение к цензуре в целом. Поскольку общественное сознание там продолжает оставаться религиозным, а государственно-правовое регулирование большей частью базируется на исламской доктрине, роль цензоров играют как государственные органы, так и религиозные общественные объединения по запросам со стороны консервативной общественности. Факторы, определяющие вредоносность информации, тесно связаны с «оскорблением общественной морали», в том числе табуирующей тематику интимных отношений [13]. В настоящее время внимание цензоров там сфокусировано на интернет-контенте. Так, в 2004 г. в Иране был принят закон о наказании за преступления в области Интернета, в соответствии с которым мониторинг информации обязаны проводить интернет-провайдеры, фильтрующие сайты и блоги прежде всего на предмет политической тематики, информации о гомосексуализме, женской эмансипации. Можно говорить о существовании в этих странах достаточно сильного как официального, так и неофициального социального контроля за информационной публичной сферой, а именно за недопущением отклонений (девиаций) от исламской традиционной нравственности.

Существование эффективной системы социального контроля в информационной сфере, как в форме государственно-правового регулирования, так и в форме нормирования с позиций традиционной нравственности, говорит о жёсткости мер регулирования медиасферы в странах с высокой долей населения, принадлежащего к первому классу. Именно традиционность в отношении к воспитанию детей и нетерпимость к девиациям, в публичной информационной сфере особенно, создают такую систему фильтрации негативного контента, которая характеризуется целевым (религиозным) информационным фильтром.

Отсутствие толерантности как принципа социального общения также влияет на проявление высокой гражданской активности по противодействию информации, выходящей за рамки строгой традиционной морали. Представляется, что именно фактор сильного неофициального, основывающегося на традиционной морали социального контроля обусловливает в этих странах целевые (религиозные) информационные фильтры, отсеивающие только такой контент, который признаётся вредным, поскольку противоречит традиции, а не вредит психическому и физическому здоровью и развитию, понимаемому целостно и с научных позиций. Например, вопреки научным выводам, в некоторых странах не считается вредной натуралистическая демонстрация насилия, при полном исключении демонстрации половых отношений.

Корреляция принятой в обществе модели фильтрации информационной продукции с существующим социальным статусом детей наблюдается в плоскости признания и расширения прав детей, подобно правам меньшинств. Эволюция социально-правового положения детей связана с возрастанием автономии пространств взросления и увеличением числа детских практик, неподконтрольных взрослым. Поэтому развитие идеи прав человека и связанная с ней эмансипация социальных групп, включая детскую группу, непосредственно влечёт трансформацию стиля и формы регулирования информационных потоков и возможность перехода традиционного фильтра в реальный фильтр или в псевдофильтр. Расстояние, разделяющее ценности старших и младших групп населения, или степень межпоколенческих различий, представляется фактором разрастания эмансипационных ценностей и появления таких моделей регулирования, которые ориентированы на расширение прав и свобод детей. При этом принцип этих моделей фильтрации может контрастировать с ценностями старшего поколения, такие фильтры не достигают основной цели, а лишь «демонстрируют демократические намерения» и поэтому являются «квазифильтрами».

Выводы

Благодаря функционированию в большинстве стран Западной и Северной Европы развитого механизма регулирования оборота информа-

ции, информационный фильтр в этих странах можно назвать реальным. Выявлено, что в странах с высокой долей населения, относящегося к третьему классу, условно названному «самовыражение», наблюдается тенденция деформации реального (социально ориентированного) информационного фильтра, вызванная отходом от научного обоснования вредности информационного контента в угоду политической выгоде или демонстрации приверженности либеральным ценностям и демократизму. Недостаточно объективная интерпретация научных данных о влиянии некоторых видов информационного контента на здоровье и развитие детей, например информации о безопасности радикальных решений проблем половой самоидентичности, информации, препятствующей формированию у ребёнка представлений об отцовстве и материнстве, социальном и индивидуальном значении семьи, выступает главным фактором искажения реального информационного фильтра. Демонстративная защита любого «меньшинства» за счёт намеренной девальвации представления о норме и девиации, сужение (или дробление) вариантов социальной идентификации протекает в рамках концепции мультикультурализма и «политической корректности». Культурная депривация в форме отчуждения от основ культурного опыта предков и их духовных ресурсов оказывает травматическое воздействие на развитие ребенка, формирование высших психических функций, способности к ценностно-опосредованной регуляции поведения. Искажения в трансляции ценностей могут повлечь необратимые изменения в психотипе человека: способах преодоления препятствий, эмоциональной саморегуляции, устойчивости к деструктивному воздействию и способности к самодетерминации [14]. Сознательное и критичное восприятие такой информации ребёнком затруднено в связи с отсутствием возможностей развёрнутого логического анализа и оценки в соотношении с имеющимся опытом [15]. Информационный псевдофильтр, пропуская информацию о существующих формах альтернативного полового поведения и самовосприятия, приобретает характер антисоциального.

Анализ показал, что в странах с преобладанием представителей второго ценностного класса – «ни иерархии, ни инициативной автономии» – при наличии законодательных актов система защиты детей от вредной информации развита недостаточно, а информационные фильтры характеризуются как квазифильтры, лишь демонстрирующие принятие государством мер заботы о детях, соответствующих развитому цивилизованному обществу. Мнимость квазифильтра на фоне слабого неформального социального контроля обусловливает такое состояние опасности, угрозы в отношении детей, *которое не наблюдается в странах, чьё население относится к первому или третьему ценностному классу.* Второй ценностный класс определяется как переходный к третьему, и поэтому можно предположить трансформацию информационного квазифильтра в этих странах. Именно квазифильтр мы считаем наиболее уязвимым, так как его формальное существование создаёт видимость защиты детей и ориентируется в развитии на западный эталон регулирования информационной сферы в его последних вариациях, минуя предыдущие варианты, лишённые элементов деформации. Другими словами, развитие данной модели информационной безопасности детей ориентируется сразу на псевдофильтр (антисоциальный), имея его в качестве образца, а не на реальный фильтр.

Неожиданные выводы показал анализ систем информационной безопасности детей в странах, в которых с большой долей вероятности преобладают представители первого ценностного класса «властная иерархия и традиция». Действенность неофициального социального контроля в информационном публичном пространстве, источником которого чаще всего выступают нормы традиционной морали и религии, препятствуют проявлениям девиантного поведения, в том числе в медиапространстве. Можно предположить, что трансформация ценностных установок населения в направлении демократизации и вестернизации будет означать переход этих стран в фазу преобладания числа граждан второго класса, что приведёт к ослаблению неформального социального контроля и, возможно, к появлению квазифильтра.

Разные модели информационной безопасности предполагают разный статус детства как социальной группы [3]. Отношение к детям как к равным наблюдается в моделях с псевдофильтром; как к членам общества, не обладающим способностью к автономии, но и не нуждающимся в защите от информации, кроме защиты каналов усвоения традиций, – в моделях с религиозным (традиционным) фильтром; как к нуждающимся и в особой защите и имеющим потребность в усвоении навыков автономии – в моделях с реальным фильтром. Псевдофильтр предполагает беспрепятственное предоставление выбора в расчёте на несуществующую потребность детей в наличии выбора, невзирая на объективную невозможность детей критически оценить информацию.

Выработка принципов информационной фильтрации, среди которых ведущее место за-

нимает научная обоснованность вредности определённого контента и объективная интерпретация исследований, признание объективных закономерностей развития детской психики, позволит, с одной стороны, предотвратить деформацию реального информационного фильтра и превращение его в псевдофильтр и, с другой стороны, поможет осуществить переход целевого (религиозного) фильтра в реальный фильтр, минуя фазу квазифильтра.

Список литературы

1. Зосименко И.А. Социология массовых коммуникаций: Учебник. Ульяновск: УлГТУ, 2013. 357 с.

2. Бузин В.Н. Медиапланирование как социально-управленческая технология повышения эффективности информационной кампании: Дис. ... к. соц. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2008. 154 с.

3. Майорова-Щеглова С.Н. Как общество должно обеспечить информационную безопасность детей: взгляд социолога // Сборник докладов на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Дети и общество: социальная реальность и новации». М., 2014. С. 159–169.

4. Солодовников М.В. Цензура как механизм социального контроля: социологический анализ: Дис. … к. соц. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2011. 150 с.

5. Магун В., Руднев М. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения. 2012. № 3–4(113). С. 12–24.

6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

7. Зарубежный опыт законодательной деятельности по обеспечению защиты детей и подростков в сфере телевидения и радиовещания (по материалам российской и зарубежной печати) // Аналитический вестник 2002 г. Вып. 23 [Электронный ресурс]. URL: http://iam.duma.gov.ru/node/8/4419/14421 (дата обращения: 14.12.2017).

8. Wells L. Children and television / University of Florida. Retrieved April 11, 2011.

9. French S., Story M. Food advertising and marketing directed at children and adolescents in the US // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. 2004. February. **1 (3).**

10. Akdeniz Y. Controlling illegal and harmful content on the Internet // In: Wall D.S. (eds.) Crime and the Internet. London: Routledge, 2001. P. 113–140.

11. Ефимова Л.Л., Кочерга С.А. Информационная безопасность детей. Российский и зарубежный опыт: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 240 с.

12. Regnerus M. How different are the adult children of parents who have same-sex relationships? Findings from the New Family Structures Study // Social Science Research. 2012. **41**. P. 752–770.

13. Вартанова Е.Л. Северная Европа: специфика интегративно-социокультурной модели взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 8. С. 120–124.

14. Фильдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребёнка и ситуации его развития // Культурно-историческая психология. 2010. № 2. С. 98–104.

15. Критерии вредного для здоровья и развития детей контента информационной продукции, распространяемой в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: http://monitoring.mhg.ru/sites/default/files/files/razdel_.pdf (дата обращения: 12.01.2018).

16. Варданянц Г.К., Бондарь Д.В. Организованная преступность в России: вопросы социального контроля // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология. 2011. № 2. С. 169–186.

17. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.

18. Блэк Д. Преступление как социальный контроль // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: Хрестоматия современных текстов. М.: Статут, 2014. С. 320–337.

19. Суворов М.Н. Религиозная цензура литературной продукции в арабских странах (XX – начало XXI в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Вып. 4. 2015. Декабрь. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), 2015. С. 115–123.

20. Черных А.И. Социология массовых коммуникаций. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 451 с.

21. Глобализация и девиантность / Науч. ред. Я.И. Гилинский. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 393 с.

22. Маккей Г.Д., Шоу К.Р. Теоретические выводы из экологического изучения Чикаго // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сб. ст.: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1966. С. 288–298.

23. Обрывалкина О.А. Концепции социального контроля в американской социологии XX века // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 68–75.

24. Парк Р. Избранные очерки: Сб. переводов / РАН ИНИОН; сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2011. 320 с.

25. Рихтер А.Г. Международные стандарты и зарубежная практика регулирования журналистики: Учебное пособие. Издание ЮНЕСКО. М., 2011. 360 с.

26. Смирнов А.А. Обеспечение информационной безопасности в условиях виртуализации общества. Опыт Европейского Союза: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 160 с.

27. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Stanford: Stanford Univ. Press, 1991. 186 p.

28. Inglehart R., Welzel C. Changing mass priorities: The link between modernization and democracy // Perspectives on Politics. 2010. **8 (2).** P. 551–567.

29. Полянина А.К. Принцип автономии личности в постановлениях Европейского суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 195–204.

STUDYING MODELS OF FILTERING INFORMATION HARMFUL FOR CHILDREN BASED ON THE COMPARISON OF APPROACHES USED IN FOREIGN COUNTRIES

A.K. Polyanina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This paper presents an analysis of various indicators of the effectiveness of children's information security systems. Classification of models for filtering negative content is carried out in accordance with the three value classes of citizens, depending on their adherence to certain values, conventionally designated as «traditional» values and values of «self-expression». The author uses the following terminology denoting the comprehensive characteristics of the information filter: a real (socially oriented) information filter means an effective system for filtering harmful information; a target (religious) filter is based on the religious beliefs of the population and has the purpose of preserving the channels for transmission of traditional attitudes; a quasi-filter exists as a demonstration of the care for children and the level of state development; a pseudo-filter (antisocial) means deforming a real filter towards protecting narrow social interests (of the minorities) to the detriment of the majority's interests, it is closely related to the phenomenon of deformation of modern democracy and a departure from the scientific justification of the harmfulness of information content in favor of politically biased demonstration of commitment to liberal values. The article attempts to identify patterns of transformation of information filters. The dependence of the information security model on the social status of childhood adopted in the country is confirmed. It is noted that the scientific validity of the harmfulness of certain information content and an objective interpretation of research on emerging threats will ensure a balance of interests of information consumers and effective social control as a mechanism to counter social disorganization.

Keywords: social control, information filtering, information harmful to children, children's information security, values, freedom of speech, censorship, childhood status.

УДК 316

ОСВОЕНИЕ ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАМОТНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

© 2018 г.

Н.А. Птицына

Птицына Наталья Алексеевна, к.пед.н., доц.; доцент кафедры социальной работы
Ивановского государственного университета
napticyna@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2018
Статья принята к публикации 16.10.2018

Положения статьи базируются на материалах авторского социологического исследования. На основе анализа мнений экспертов выявлены особенности взаимодействия с пожилыми людьми в процессе освоения ими компьютерной грамотности, а также причины, затрудняющие учебный процесс (например, отсутствие у слушателей компьютерных курсов возможности приобрести цифровую технику, слабая мотивация к обучению). Установлено, что результативность обучения во многом определяется интересами и потребностями пожилых людей, наличием у них положительной мотивации. Акцентируется внимание на необходимости учета в процессе обучения гендерных особенностей (специфики усвоения содержания учебного материала, спектра интересов и мотивов освоения интернет-пространства и др.). Предложен набор правил, следование которым позволит повысить эффективность обучения пожилых людей компьютерной грамотности. Обозначены перспективы развития неформального образования представителей старшего поколения.

Ключевые слова: пожилые люди, компьютерная грамотность, неформальное образование, обучение, специалисты по социальной работе.

Цифровая трансформация общества оказывает существенное влияние на жизнедеятельность и мироощущение пожилых людей, обусловливает необходимость вовлечения представителей старшего поколения в сферу цифровой экономики. Вопреки сложившимся стереотипам (например, о немощной и бесполезной старости) наиболее активная часть представителей старшего поколения осознает необходимость освоения новых информационных технологий и проявляет готовность к обучению компьютерной грамотности.

В рамках реализации концепции непрерывного образования на протяжении всей жизни объективно возрастает роль неформального образования пожилых людей, в том числе в области цифровых технологий. В связи с этим изучение специфики освоения пожилыми людьми компьютерной грамотности имеет большую практическую значимость, поскольку обогащение интеллектуального и социального багажа позволит представителям старшего поколения более успешно адаптироваться к новым условиям, укрепить межпоколенные связи, сохранить активное долголетие.

Обучение пожилых людей компьютерной грамотности осуществляется во многих регионах России. Однако масштабы, условия, формы получения неформального образования разнообразны. В одних субъектах РФ эту работу организуют исполнительные органы государственной власти (чаще всего органы образования и социальной защиты населения), в других – приоритет отдается реализации межведомственных тематических социальных проектов, в третьих – активную позицию в обучении представителей старшего поколения занимают общественные организации (университеты «третьего возраста», благотворительные организации и др.). Так, в 2014 г. ПАО «Ростелеком» и Пенсионный фонд РФ подписали соглашение о сотрудничестве в области обучения пенсионеров компьютерной грамотности, цель которого – расширение доступа старшему поколению к получению государственных услуг в электронном виде через сеть Интернет и повышение качества жизни пожилых людей посредством обучения компьютерной грамотности и работе в сети Интернет [1]. В ходе реализации соглашения специалистами разработано пособие для пожилых людей «Азбука Интернета», содержание которого постоянно дополняется актуальной информацией и новыми модулями. Очевидно, что мегаполисы располагают большими ресурсами (финансовыми, кадровыми и др.) по сравнению с небольшими городами и сельскими поселениями. Вместе с тем в сети действуют различные сайты и форумы для пенсионеров, посетителями которых могут стать жители различных субъектов РФ. В современных условиях расширяется и сфера деятельности общественных организаций. Например, ус-

пешно функционирует Нижегородская региональная благотворительная общественная организация «Забота», на базе которой начиная с 2014 г. работает ресурсный центр информационных технологий для населения [2]. Среди направлений деятельности центра – информирование и консультирование населения по вопросам информационных технологий, организация специализированных обучающих курсов по использованию современных устройств, проведение курсов компьютерной грамотности и др. Например, в 2014 г. в рамках реализации проекта «Ресурсный центр информационных технологий для населения» (победителя конкурса на предоставление субсидий на государственную поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций Нижегородской области, поддержанного правительством Нижегородской области) оказана качественная специализированная помощь людям с ограниченными возможностями здоровья в сфере информационных технологий.

В научной литературе по данной теме встречаются отдельные педагогические работы [3, 4]. В целях расширения социологического знания по этой проблеме проведено пилотное исследование, направленное на выявление особенностей освоения пожилыми людьми компьютерной грамотности в условиях г. Иванова. Изучен опыт деятельности бюджетного учреждения социального обслуживания Ивановской области «Ивановский комплексный центр социального обслуживания», на базе которого с 2011 года осуществляется обучение представителей старшего поколения компьютерной грамотности. За эти годы овладели компьютерной грамотностью 2087 пожилых людей (из них 162 человека, имеющие инвалидность). Среди слушателей преобладают лица женского пола (85%). Наиболее представительной является группа слушателей в возрасте от 65 до 75 лет (55%), треть состава компьютерных курсов – пожилые люди в возрасте от 55 до 65 лет (35%), самую малочисленную группу составляют слушатели старше 75 лет (10%). В настоящее время в социальном учреждении функционирует компьютерный консультационный центр [5].

В основу анализа положены материалы глубинного полуформализованного интервью[1]. В качестве экспертов (9 человек, в том числе 6 женщин и 3 мужчин) выступили сотрудники организационно-методического отделения Ивановского комплексного центра социального обслуживания населения и участники социального проекта «Бабушка-он-лайн, дедушка-он-лайн», реализованного в рамках национальной программы [6]. По мере сбора эмпирического материала структура гайда интервью корректировалась в целях уточнения предположений, высказываемых информантами. В рамках экспертного опроса мы предполагали выяснить, как пожилые люди осваивают компьютерную грамотность, в какой мере они могут реализовать свои способности, интересы и потребности в процессе получения неформального образования, какие факторы способствуют и/или препятствуют успешности обучения, каковы перспективы включения представителей старшего поколения в мир цифровых технологий.

Результаты и их обсуждение

Особенности взаимодействия с пожилыми людьми. Анализ мнений экспертов позволил выделить ряд особенностей взаимодействия с пожилыми людьми в процессе обучения компьютерной грамотности. При организации работы с представителями старшего поколения необходимо учитывать состояние здоровья слушателей, их психовозрастные и индивидуальные особенности.

Коммуникация с пожилыми людьми имеет свою специфику, что вызывает определенные трудности в процессе обучения. Во-первых, затруднения в понимании пожилыми людьми учебного материала возникают, как правило, из-за незнания ими терминологии, а также отсутствия представления о системном программном обеспечении, об устройстве компьютера. Во-вторых, трудности в процессе обучения обусловлены особенностями физического состояния слушателей и наличием у них хронических заболеваний (опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистой системы), а также нарушений мелкой моторики рук, ухудшения зрения и др., которые не всегда позволяют пожилому человеку полноценно участвовать в учебном процессе. Например, продолжительное сидение за компьютером, неудобные позы и др. вызывают боли в спине; активное слушание и интеллектуальное напряжение во время занятия может привести к повышению артериального давления и головным болям; заболевания суставов создают трудности при выполнении манипуляций с мышью и клавиатурой. В-третьих, психовозрастные изменения (ухудшение памяти, зрения, недостаточная концентрация внимания и др.) в сочетании с изменениями в эмоциональной сфере пожилых людей затрудняют усвоение учебного материала в полном объеме. Особенности поведения некоторых представителей старшего поколения могут способствовать созданию конфликтных ситуаций. Например, в ходе групповых занятий встречаются случаи,

когда отдельные слушатели «обижаются», «капризничают» и даже «отказываются выполнять предложенные задания».

Запись на компьютерные курсы осуществляется в начале календарного года [7], поскольку среди пенсионеров много желающих получить неформальное образование. Группы слушателей формируются по мере продвижения очередности, соответственно, состав групп неоднородный (по полу, возрасту, уровню образования, наличию профессионального опыта, состоянию здоровья и др.). Уменьшение психофизической активности пожилых людей в сочетании с обострениями хронических заболеваний могут оказывать существенное влияние на эффективность занятий. Кроме того, во время обучения слушатели проявляют неодинаковое отношение к обучению, разную степень включенности в учебный процесс.

Вместе с тем наличие у пожилых желания освоить компьютер, а также большого профессионального опыта и жизненной мудрости позволяет представителям старшего поколения преодолевать трудности и добиваться успехов в обучении компьютерной грамотности.

Успешность освоения пожилыми людьми компьютерной грамотности. Результативность обучения во многом зависит от интересов и потребностей представителей старшего поколения, наличия у них позитивной мотивации. Низкие результаты обучения эксперты связывают с влиянием как внешних (нет возможности приобрести цифровую технику), так и внутренних (слабая мотивация) факторов. Так, например, у значительной доли пожилых людей нет собственных компьютеров, поэтому они вынуждены использовать технику родственников. Члены семей неохотно «подпускают» пожилых к компьютерам, опасаясь, что те могут что-то сломать или испортить и др. («сломаешь», «сначала как следует научись пользоваться компом» и др.).

Как оказалось, более успешному освоению учебной программы способствует проживание пенсионера в семье совместно с внуками или частое общение с ними. Интересным наблюдением поделился один из экспертов:

...В практике наблюдала любопытную особенность... в зависимости от того, насколько близко и часто пожилой человек общается с внуками, в его поведении и восприятии информации проявляются навыки «продвинутой бабушки» (Ж., 42 года).

Молодые люди часто помогают слушателям компьютерных курсов в выполнении домашних заданий. Причем, по словам пожилых людей, внуки проявляют большее терпение по отношению к своим бабушкам и дедушкам, чем взрослые дети (которых очень раздражают медлительность и невнимательность родителей). Молодежь иногда подшучивая над «своими предками» тем самым стимулирует их продвижение в области компьютеризации. Приведем один из фрагментов интервью слушателя компьютерных курсов:

Внук у меня шебутной, ни минуты на месте... Вот только у компьютера как завороженный сидит... Я когда с вопросами пристаю ... он ничего... вздыхает, но отвечает. Иногда подшучивает: «Бабуля, а у тебя пироги быстрее получается печь, а вкусно...» Я, бывает, «огрызаюсь»: «Давай, учи, а то пирогами угощать не стану...». Пока он в техникуме, я часа два за компьютером просижу...А потом... как будто только начала выполнять задание. Иногда хвалит: «Соображаешь, бабуля...» (Ж., 68 лет).

Анализ полученных данных позволяет предположить, что более успешному обучению (в частности, преодолению страха перед использованием компьютера) способствует наличие наставника, в роли которого могут выступать как близкие родственники (например, внуки), так и преподаватели компьютерных курсов.

В ходе исследования мы уточнили у экспертов, часто ли происходят конфликты в процессе обучения пожилых людей компьютерной грамотности. По мнению опрошенных, конфликты возникают крайне редко. Данный фрагмент интервью можно считать типичным:

Не помню... значит, видимо, «ярких» вот таких конфликтов не было... (Ж., 30 лет).

Судя по ответам экспертов, скорее, речь идет об индивидуальных особенностях пожилых людей, проявляющихся во время занятий (например, некоторые слушатели требуют к себе повышенного внимания посредством создания конфликтной ситуации: «бросают тетрадь», «кричат», «жалуются на оказание предпочтения другим членам группы» или «выражают недовольство поведением других участников занятия»):

Возникали... но только это не конфликты... это конфликт пожилого человека с самим собой... он все бросал и говорил: «Нет, у меня ничего не получается...», то есть начинал капризничать... (Ж., 22 года);

Мужчина был один неприятный, потому что доводил всю группу своим недовольством... то кто-то опоздал, то кто-то медленно работает... Бывали и такие, которые плакали (это женщины), приходилось успокаивать... (М., 24 года);

Редко, но у меня бывали такие люди, что если у них не получается, то, значит, ничего делать не будут: «Мне это не надо, я это делать не буду, я просто посижу» (Ж., 25 лет).

Встречаются случаи, когда слушатели хотят получить личные данные преподавателя (например, номер сотового или домашнего телефона), чтобы впоследствии пользоваться консультациями:

Курсы заканчиваются, остается еще масса вопросов… часто у тех учеников, которые больше требовали внимания к себе… нередко у них появляется желание приобрести себе личные контактные данные… для разрешения возникающих вопросов… Приглашаю их при возникновении проблем вновь приходить на занятия… В итоге могут возникать недопонимание, претензии, обиды (Ж., 42 года).

Или же таким образом проявляется симпатия к преподавателю:

Открытых конфликтов не было… Были интересные случаи… Например, мужчина …он сидел на первой парте и вел себя вызывающе: выкрикивал, задавал каверзные вопросы, иногда относился неуважительно к другим ученикам…, а потом оказалось… что он так проявлял личную симпатию ко мне (смеется) (Ж., 31 год).

По мнению экспертов, очень важно, чтобы во время занятий личные переживания отдельных слушателей «не выбивали» других участников группы из рабочей колеи. В целях создания благоприятной психологической обстановки эксперты чаще всего применяют такие стратегии урегулирования конфликтных ситуаций, как сотрудничество и уклонение. Причем наименее опытные преподаватели используют стратегию уклонения, наиболее опытные предпочитают действовать совместно со слушателями в поиске наилучшего варианта выхода из сложившейся ситуации:

По «сто раз» спрашивают одно и то же… Надо сильно закаленные нервы иметь, чтобы сохранять спокойствие во время занятия… Убеждала: «Если не получается, то это не страшно, все нарабатывается практикой». И удавалось «достучаться» (Ж., 25 лет);

Самое главное – это терпение… Это, прямо, самое главное… Последовательно, долго объяснять (Ж., 30 лет);

Были ситуации, когда приходилось доказывать ученику, что его путь к знаниям неверен, что нужно использовать другие приемы для усвоения материала… Без личных обид, взаимными улыбками, взаимно вежливыми разговорами (Ж., 31 год).

Как правило, в составе группы превалируют женщины, иногда среди слушателей встречается один мужчина, значительно реже – двое. Отношения между слушателями компьютерных курсов во время обучения складываются неодинаково. Женщины зачастую более эмоциональны, чем мужчины, они ярче и естественнее выражают свои чувства, значительно быстрее устанавливают контакты, которые затем могут перерасти в приятные знакомства и даже дружбу. По-иному ведут себя мужчины: степенны, несуетливы, не спешат контактировать с окружающими, могут занимать нейтральную позицию или активно стремятся к лидерству:

Общение ведь начинается еще у входа: «А Вы тоже к трем часам? А Вас как зовут?» Если в группе шесть женщин сидят, то они могут подружиться, подружками стать настоящими… Мужчины? Часто не могут общаться… Военные пенсионеры, например. Они же молодые. Военные – это военные. Шок отставки… Командуют и в жизни, где могут (М., 24 года).

Принято считать, что женщины легче поддаются чужим негативным эмоциям и «заряжают» окружающих своими. По мнению экспертов, эмоциональные «всплески» наблюдаются как у женщин, так и мужчин. При этом более терпимо слушатели компьютерных курсов относятся к «капризам» участников группы, перешагнувших 75-летний рубеж, менее – к близким по возрасту:

Если человек старенький (ну, к восьмидесяти), то не будут возмущаться, а если ровесник, то будут (М., 24 года);

Была женщина, которая у меня училась… до нее не очень хорошо все доходило… и она была очень медлительная (хотя достаточно молодая)… Требовала очень много внимания… Нужно было стоять только у нее…. Этим она раздражала всю группу (Ж., 25 лет).

Отличия в обучении. В ходе исследования мы уточнили, существуют ли отличия в обучении в зависимости от возраста и пола пожилых людей. Согласно ответам экспертов, более молодые слушатели (входящие в возрастной диапазон от 55 до 60 лет), как правило, имеют базовые навыки работы на компьютере, но далеко не все из них впоследствии оказываются успешными учениками. Среди слушателей старше 75 лет чаще встречаются те, кто рассматривает посещение курсов как возможность «пообщаться с ровесниками». Вместе с тем нередко встречаются представители старшего поколения, которые могут дать фору молодым. Показателен такой пример:

Есть активные пожилые люди… с айфонами ходят, привинчивают оптику… Я удивился, когда увидел женщину (ей было далеко за 70), у которой на айфон прикреплен оптический зум (оптика на камеру). Откуда у Вас такие технологии? …Она и с обучением справлялась хорошо (М., 24 года).

По мере приобретения опыта подавляющее большинство экспертов убедились в том, что возраст не оказывает существенного влияния на успешность обучения слушателей:

В начале преподавания я думала, что более молодые пенсионеры быстрее и успешнее осваивают навыки пользования современными информационными технологиями. Но по мере накопления опыта я поняла, что заблуждалась… Все зависит не от возраста, а от других факторов… Во-первых, от мотивации, потому что нужен четкий ориентир в обучении. Во-вторых, от уровня образования, вернее, самообразования. В-третьих, заинтересованность обучиться навыкам работы на компьютере должна подкрепляться самостоятельной работой (Ж., 31 год);

На первый взгляд, более молодые и физически сильные справляются с поставленными задачами быстрее. Но все же считаю, что отличия по возрасту не совсем существенны…Усвоение материала в большей степени зависит от индивидуальных особенностей пожилого человека, его темперамента, образования, желания научиться (Ж., 42 года).

В целом, результаты и качество обучения, как считают эксперты, главным образом зависят от мотивации, уровня образования пожилых людей, сферы их профессиональной деятельности, интенсивности самостоятельной работы.

На основании ответов экспертов составлен портрет «успешного слушателя» – это пожилой человек (неважно, мужчина или женщина), который, получив на компьютерных курсах базовые знания, умения и навыки, имеет личную заинтересованность в их активном применении, продолжает самостоятельно заниматься и проявляет готовность к дальнейшему освоению прикладных программ и цифровой техники.

Эксперты назвали ряд отличий в усвоении содержания учебного курса женщинами и мужчинами. Так, слушатели-женщины, в основном, стремятся неукоснительно следовать инструкциям, поэтапно осваивая теорию и практику, проявляют большее прилежание. Они исполнительны, но весьма осторожны при работе с компьютером. За осторожностью, по мнению экспертов, часто скрывается неуверенность в собственных силах. Мужчины в меньшей степени заинтересованы в изучении теории, а сразу же готовы приступить к практической части занятия, то есть сориентированы скорее на результат, чем на процесс. Поскольку многие из обучающихся слушателей имеют навыки работы с техникой, они более уверенно приступают к освоению компьютера, быстрее вникают в суть материала, стремятся систематизировать полученные знания, освоить новые умения и навыки.

В ходе работы со слушателями необходимо учитывать существующие различия. В процессе обучения женщин целесообразно использовать репродуктивные методы, поскольку они более усидчивы, готовы прослушать информацию во второй и третий раз, соответственно, лучше усваивают материал при помощи повторения. Слушатели-женщины, в отличие от слушателей-мужчин, более эмоциональны, поэтому для них важное значение приобретает отношение преподавателя, наличие одобрения (даже в шутливой форме) или похвалы. Приведем фрагмент интервью:

С женщинами легче работать, почему – даже не знаю… Они как будто смотрят на тебя с надеждой… Они же стесняются. Можно пошутить иногда. Просто милые шутки над ситуацией: «Не получается? Что там за ерунда на экране находится? Давайте пощелкаем?» (М., 24 года).

Судя по ответам экспертов, цели и мотивация освоения интернет-пространства у женщин и мужчин неодинаковы. Женщины, в основном, сориентированы на решение практических задач в повседневной жизни: общение в скайпе и социальных сетях, а также ознакомление с советами по кулинарии, рукоделию и пр.

Спектр интересов мужчин значительно шире: политика, экономика, история, а также доступ к информации, расширяющей знания по профессии и/или в области любимого занятия (например, ремонт техники и автотранспорта и др.).

Наибольшую активность в сети Интернет проявляют одиноко проживающие пожилые женщины, меньшую – женщины, живущие вместе с супругом, детьми и внуками, обремененные домашней работой и заботой о близких.

Перспективы обучения пожилых. По мнению экспертов, получение неформального образования в области цифровых технологий предоставляет пожилым людям большие возможности:

Данная сфера деятельности находится на стадии развития. Перспективы огромные. Пожилые люди, прошедшие курсы, не хотят останавливаться на достигнутом. Как мне кажется, подобные курсы нужно расширять и стараться охватить как можно большую аудиторию. Знакомство с компьютерами меняет жизнь пенсионеров, открывает новые пространства, упрощает быт и т.д. (М., 22 года);

Пожилые люди будут… более задействованы в обществе, не будут чувствовать себя… одинокими… Многие из них очень активно хотят пользоваться скайпом, чтобы общаться со всеми… родственниками, друзьями. А если будут заниматься каким-нибудь творчеством, используя Интернет, это будет их способом самовыражения (Ж., 30 лет);

Пожилой человек, благодаря освоению новых навыков, становится более стрессоустойчивым, адаптированным к современным условиям жизни… свободное время становится полезным и приятным времяпрепровождением за компьютером, благодаря которому появляются новые хобби, знакомства, интересы… преодолевается информационный вакуум (Ж., 31 год).

Пути дальнейшего обучения, по мнению экспертов, разнообразны: от спецкурсов по работе с телефонами (смартфонами, айфонами) и планшетами, освоению фотографии и видеомонтажа до оказания квалифицированной медико-психолого-педагогической консультативной помощи слушателям и создания творческих интернет-клубов (по краеведению, генеалогии и др.); внедрение дистанционного обучения для пожилых людей посредством онлайн-консультирования (как для начинающих пользователей, так и более опытных), оказание поддержки группам по интересам (например, любителям кулинарии, рукоделия, садоводам и огородникам и др.). Вместе с тем большинство экспертов высказали опасение по поводу того, что недостаток ресурсов (материальных, финансовых, кадровых и др.) не позволит в современных условиях интенсивно развивать это направление работы с пожилыми людьми. Приведем в качестве примера фрагмент из интервью эксперта-пессимиста:

Есть только коммерческие перспективы… Когда мы ездили в Санкт-Петербург[2]*, мы видели, как там успешно работают с пенсионерами в виде платных услуг и продажи компьютерной техники. Это ведь обучение, развитие, а если… приходят пообщаться, то смысла нет* (М., 25 лет).

Необходимо отметить, что в настоящее время в мегаполисах ряд компьютерных курсов для пенсионеров функционируют на условиях полной или частичной оплаты, тогда как обучение пожилых людей в Ивановском комплексном центре социального обслуживания осуществляется на бесплатной основе, что обеспечивает доступность неформального образования для малообеспеченных представителей старшего поколения, способствует расширению их возможностей в сфере освоения цифровой техники.

Оценка экспертами опыта работы с пожилыми людьми. Эксперты проявили единодушие в оценке опыта общения с пожилыми людьми. Большинство позитивно оценивает полученный опыт, который позволил преподавателям не только понять возрастные особенности слушателей, изучить их интересы и потребности, но и развить собственные личностные качества (терпение, эмпатию, стрессоустойчивость, коммуникативность) и практические навыки. Приведем фрагменты из интервью:

Я обрел бесценный педагогический опыт работы с пожилыми людьми. В частности, преодолел межпоколенный барьер и приобрел навыки обучения компьютерной грамотности (М., 22 года);

Я получила многогранный позитивный опыт общения… Благодаря этому общению я совершенствуюсь в разных направлениях как педагог, и как психолог… и просто как обычный человек, ведь я накапливаю свой багаж мудрости… В свободное от занятий время я иногда люблю побеседовать со своими учениками… узнаю их историю, делюсь своими проблемами. Получаю советы, иногда заставляющие меня пересмотреть свои взгляды на жизнь (Ж., 31 год);

Безусловно, полезный. Большой опыт общения с людьми, прожившими значительную часть своей жизни в сложных условиях… У меня развились такие качества, как терпимость, стрессоустойчивость, ряд коммуникативных навыков…Умение проявлять уважительное и доброжелательное отношение к иному мировоззрению, культуре, поведению, образу жизни (Ж., 42 года).

В ходе взаимодействия с пожилыми людьми специалисты по социальной работе преодолевают «негативные стереотипы о старшем поколении» и «межпоколенные барьеры», «взбираются на некую новую ступень саморазвития», «приобретают педагогическое мастерство».

На основании ответов экспертов составлен алгоритм, следование которому позволит более эффективно организовать учебный процесс:

1. Учебный материал необходимо излагать в определенной последовательности (от простого к сложному). Учитывая гендерные особенности слушателей, целесообразно чередовать теоретический материал с практическими заданиями. В работе со слушателями-женщинами преимущественно использовать репродуктивные методы обучения, с мужчинами – чаще применять проблемные задания.

2. Подавляющая часть пожилых людей привыкли следовать инструкциям, поэтому необходимо составить тезисы по каждой теме и предложить их записать. В домашних условиях, опираясь на конспект, слушатели смогут повторить изученный материал, что позволит им на следующем занятии чувствовать себя более уверенно.

3. Определенные трудности в процессе освоения компьютера вызывают манипуляции с мышью, поэтому периодически следует повторять ряд специальных упражнений, направленных на развитие мелкой моторики рук.

4. В целях поддержания благоприятной социально-психологической обстановки в плане занятия необходимо предусмотреть упражнения, способствующие переключению внимания (например, юмористические паузы), а также гигиенические перерывы (например, физкультминутки).

5. Пожилые люди в ходе занятия могут часто задавать одни и те же вопросы, поскольку у многих из них ослаблены внимание и память. Необходимо четко отвечать на поставленные вопросы, проявляя терпение и сохраняя спокойствие.

6. В процессе обучения следует уделить особое внимание языку общения с пожилыми людьми. Простота и доступность изложения материала в сочетании с эмоционально-положительным отношением преподавателя к слушателям способствуют более успешному усвоению пожилыми людьми учебного материала.

Выводы и предложения по исследуемой проблеме

1. Пожилые люди, осваивая компьютерную грамотность, пополняют интеллектуальный багаж, расширяют коммуникативное пространство (общение с детьми, родственниками, знакомыми, живущими за пределами областного центра, в ближнем и дальнем зарубежье). Освоение компьютерной грамотности способствует активизации позиции пожилого человека (появляются возможности дополнительного заработка, получения государственных услуг в электронном виде, включения в группы по интересам, вовлечения в общественную жизнь), более успешной адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

2. Эксперты полагают, что возраст слушателей не оказывает существенного влияния на результаты обучения пожилых людей. Качество получаемых знаний зависит от мотивации пожилых людей, отношения к занятиям, степени их включенности в учебный процесс, а также интенсивности самостоятельной подготовки. Развитие интеллектуального и личностного потенциала пожилых людей во многом определяется их индивидуальными образовательными потребностями. Слушатели, не имеющие четкой цели, значительно слабее усваивают материал и чаще демонстрируют неадекватное поведение (капризничают, требуют к себе повышенного внимания, конфликтуют с окружающими).

3. В ходе исследования изучены гендерные особенности слушателей в усвоении содержания учебного материала. Слушатели-женщины, как правило, последовательны в своих действиях, четко придерживаются правил при решении поставленных преподавателем задач, поступательно осваивая теорию и практику. Исполнительны и прилежны, но недостаточно уверены в своих силах. Мужчины, быстрее улавливая суть содержания занятия, в большей степени заинтересованы в практическом освоении компьютера, нежели приобретении теоретических знаний. Подавляющее большинство мужчин имеют навыки работы с техникой, поэтому они более уверенно приступают к освоению компьютера, быстрее усваивают материал, стремятся самостоятельно систематизировать полученные знания, приобрести новые умения и навыки. Наблюдения позволяют утверждать, что большинство мужчин сориентированы скорее на результат, нежели на процесс обучения.

4. Цели и мотивация освоения интернет-пространства у женщин и мужчин неодинаковы. Спектр интересов мужчин значительно шире, чем у женщин. Мужчин интересуют политика и экономика, история, а также информация, расширяющая знания по профессии и/или в области любимого занятия (например, ремонт техники и автотранспорта и др.). Женщины, в основном, сориентированы на решение практических задач в повседневной жизни: общение в скайпе и социальных сетях, доступ к сайтам, содержащим советы по кулинарии, рукоделию и пр. Можно предположить, что большая «загруженность» пожилых женщин домашней работой ограничивает их возможности в освоении Интернета.

5. Коммуникация с пожилыми людьми имеет ряд особенностей. Основные затруднения в процессе обучения, по мнению экспертов, были вызваны незнанием пожилыми людьми терминологии, поверхностным представлением о системном программном обеспечении и об устройстве компьютера, а также особенностями их физического состояния и психовозрастными особенностями. По мере приобретения специалистами по социальной работе опыта общения с пожилыми людьми, преодоления стереотипов, формирования педагогических и социально-психологических умений и навыков эффективной коммуникации происходит осознанное самоопределение личности в профессиональной среде, у сотрудников развиваются профессионально важные качества, стремление к самосовершенствованию.

Эксперты позитивно оценивают возможности старшего поколения в освоении компьютерной грамотности, предлагают разнообразные пути дальнейшей работы (от спецкурсов до организации дистанционного обучения посредством онлайн-консультирования).

На основе полученных выводов сформулирован ряд предложений.

1. Осуществлять формирование групп из числа представителей старшего поколения, объединенных на основе близких возрастных периодов, имеющих типичные проблемы, сходные навыки владения компьютером, цели и мотивы освоения компьютерной грамотности. Определенная однородность группы, учет гендерных особенностей позволит сотрудникам центра находить более эффективные подходы к организации обучения пожилых людей, дифференцировать комплексы учебно-методического обеспечения, а также формировать мотивацию у представителей старшего поколения к более успешному освоению образовательной программы.

2. Посредством создания благоприятной информационной среды (через источники информации, которыми пользуются пожилые люди) предоставить старшему поколению возможности для повышения качества жизни (путем организации активного досуга, самореализации, вовлечения в общественную деятельность и др.). В целях увеличения доли граждан старшего возраста, освоивших компьютерную грамотность, обеспечения равного доступа к получению государственных и муниципальных услуг в электронном виде расширять сеть компьютерных консультационных центров и пунктов общественного доступа к сети Интернет.

3. В целях обмена информацией и консолидации усилий по проведению различных мероприятий в контексте развития цифрового общества организовать на постоянной основе научно-практический семинар для ученых и практиков, заинтересованных в развитии этой сферы, одним из направлений деятельности которого могло бы стать повышение качества подготовки специалистов по социальной работе и волонтеров, осуществляющих обучение компьютерной грамотности пожилых людей. Причем такое обучение целесообразно организовать не столько в рамках реализации отдельных социальных проектов, сколько на постоянной основе (предпочтительно на базе ресурсного центра).

Изучение данной проблемы носит постановочный характер и нуждается в дальнейшем комплексном исследовании.

Примечания

1. Опрос экспертов осуществлен в рамках исследования «Социализация пожилых людей посредством освоения компьютерной грамотности», проведенного под руководством и с участием автора (Иваново, 2016–2017 гг.). Выражаем признательность специалисту организационно-методического отделения бюджетного учреждения социального обслуживания Ивановской области «Ивановский комплексный центр социального обслуживания» В.С. Чернышовой за плодотворное сотрудничество в ходе проведения исследования.

2. В течение ряда лет в Санкт-Петербурге были организованы семинары для волонтеров-участников социальных проектов, реализуемых в рамках национальной программы по обучению пожилых людей компьютерной грамотности «Бабушки, дедушки онлайн». В работе ряда обучающих семинаров принимали участие и сотрудники организационно-методического отделения Ивановского комплексного центра социального обслуживания населения.

Список литературы

1. «Азбука интернета» – обучение старшего поколения компьютерной грамотности / ПАО «Ростелеком». Официальный корпоративный информационный сайт. URL: https://www.rostelecom.ru/social/programms/education/azbuka/ (дата обращения: 05.03.2018).

2. Об организации «Забота» / «Забота». Нижегородская благотворительная общественная организация. Официальный сайт. URL: http://zabota.nnov.ru/node/365/ (дата обращения: 05.03.2018).

3. Белов С.В. Особенности развития информационной компетентности у людей пожилого возраста // Психолого-педагогические проблемы в образовании. 2014. № 9. С. 170–172. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-informatsionnoy-kompetentnosti-u-lyudey-pozhilogo-vozrasta (дата обращения: 12.02.2018).

4. Кононыгина Т.М. Герагогика (пособие тем, кто занимается обучением пожилых людей). Орел, 2006. С. 59. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19974378 (дата обращения: 12.02.2018).

5. Компьютерные курсы. Официальный сайт КЦСОН. URL: http://www.ivanovo-kcson.ru/ (дата обращения: 21.02.2018).

6. «Бабушка онлайн». URL: http://www.ivanovonews.ru/reports (дата обращения: 01.02.2018).

7. Прием заявлений на обучение компьютерной грамотности / Департамент социальной защиты Ивановской области. URL: http://szn.ivanovoobl.ru/2018/02/01/priem-zayavlenij-na-obuchenie-kompyuternoj-gramotnosti/ (дата обращения: 01.02.2018).

8. https://www.rostelecom.ru/social/programms/education/azbuka/

COMPUTER LITERACY ACQUISITION BY THE ELDERLY: GENDER PERSPECTIVE

N.A. Ptitsyna

Ivanovo State University

The article is based on the material of sociological research conducted by the author. Based on an analysis of experts' opinion, some peculiarities of interacting with the elderly in the process of acquiring basic computer skills have been determined, as well as the reasons hindering the training process (high cost of digital equipment for the elderly and lack of proper motivation). It is established that the effectiveness of training is largely determined by the interests and needs of the group under study as well as their positive learning motivation. The author emphasizes the necessity of taking into account the gender aspect (different interests and motives of the Internet exploration, specifics in acquiring educational content etc.). A set of rules is proposed, which – if followed – may result in better efficiency of computer courses taught to the elderly. The prospects for developing informal adult education with regard to the elderly are identified.

Keywords: the elderly, computer literacy, informal education, training, social workers.

УДК 316

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДИК ИЗМЕРЕНИЯ БЕДНОСТИ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

© 2018 г.

Л.А. Зубкевич

Зубкевич Лада Альбертовна, к.филос.н.; старший преподаватель кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lada-zubk@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 21.08.2018
Статья принята к публикации 23.10.2018

Статья посвящена изучению соотношения развития обществ и социологических методик измерения бедности. Объект исследования данной статьи – социологические методики измерения бедности, предмет исследования – детерминированность применения социологических методик измерения бедности национальным и социальным аспектами развития человечества. Цели и задачи исследования: определить сущность явления «бедность» и ее бинарные оппозиции, их связь с особенностями развития стран; провести сравнительный анализ социологических методик измерения бедности; выявить национальные и социальные особенности методик измерения бедности. Бедность определяется через неравенство в обществе и через отсутствие возможности жить в этом обществе. В результате абстрагирования сущности явления «бедность» от других социальных процессов выявляются бинарные оппозиции: социальная депривация и социальное неравенство. Социологические методики и их применение обусловливаются тем, какую из оппозиций важно измерять в конкретном обществе и государстве. Эта необходимость детерминирована, в свою очередь, развитием данного государства. А именно, во-первых, – ценностными ориентациями заказчиков измерений. На них влияет национальная ценностная доминанта или общечеловеческая. В данном случае они противопоставлены друг другу как глобальное и локальное. Во-вторых, – тем, насколько разнятся уровни жизни людей в конкретных обществах. В-третьих, – выбранным обществом вектором развития (интеграция, глобализм, «сети»).

Ключевые слова: явление «бедность», бинарные оппозиции, развитие, методики измерения бедности, социальное неравенство, социальная депривация.

Введение

Современная социально-философская и социологическая литература полна прекрасными исследованиями проблем неравенства и бедности. Этой проблеме посвящены «Доклад о развитии человека» ООН – «Международное сотрудничество на перепутье: помощь, торговля и безопасность в мире неравенства» (2005 год), а также третий пункт Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой 8 сентября 2000 года в Нью-Йорке («развитие и искоренение нищеты») [1].

Однако актуальными остаются проблема измерения бедности, а также необходимость учитывать неравенство стран и неравенство их жителей. Так, бедные в США и бедные в южноафриканских странах имеют разные уровни жизни (в 1990 г. средний американец был в 38 раз богаче среднего танзанийца, в 2005 году – в 61 раз) [2, с. 43]. Социологи предлагают различные методики оценки имущественного состояния человека и основанные на них критерии бедности.

Объект исследования данной статьи – социологические методики измерения бедности, предмет исследования – детерминированность применения социологических методик измерения бедности национальным и социальным аспектами развития человечества. Цели и задачи исследования: определить сущность явления «бедность» и ее бинарные оппозиции, их связь с особенностями развития стран; провести сравнительный анализ социологических методик измерения бедности; выявить национальные и социальные особенности методик измерения бедности.

Под бинарными оппозициями мы понимаем универсальное рациональное средство, отражающее два противоположных состояния одного явления. Эти состояния рационально осмысливаются с помощью противоположных, с логической точки зрения, понятий, в одном из которых утверждается, а в другом отрицается существенный признак явления.

Данная позиция отличается от понимания бинарных оппозиций логическим структурализмом [3, с. 72–88] тем, что применяет концепт за рамками текста. В своем подходе мы опираемся на концепт бинарной множественности А.Н. Тетиора [4]. Кроме этого, применяя принцип участного мышления О.Д. Агапова [5], мы используем и

другие методологические концепции для достижения поставленных в статье целей.

Концепт бинарной множественности применяется как в онтологическом, так и в гносеологическом аспекте понимания явления. Исходной точкой этого концепта является утверждение множественности и двойственности бытия. Двойственность – «одно из свойств множественности». Противоположные друг другу части множественности мыслятся как «бинарные оппозиции», «для них характерно широкое поле взаимодействий – от единства и борьбы до нейтралитета и массы промежуточных состояний» [4, с. 4]. Через эти промежуточные состояния происходит развитие. Дополнив этот концепт диалектическим законом отрицания отрицания, мы получаем направление этого развития. «Предельные бинарные оппозиции» представляют собой крайне полярные значения. Каждый следующий «шаг» (отрицание отрицания) в развитии направлен от этих предельных полярностей к усреднению показателей бинарных оппозиций. Бинарные оппозиции бедности отражаются социологическими методиками измерения этого явления. На эти социологические инструменты влияет деятельность субъектов развития, но и сами методики способны влиять на действительность.

Сравнительный анализ социологических методик измерения бедности

Социологи используют либо абсолютные показатели, либо относительные, либо субъективные [6, с. 77, 9, с. 52] либо пытаются комплексно оценивать, соединяя выше перечисленные. Субъективные показатели основаны на самооценке людей. Они не используются в официальной статистике стран и ООН. Г.В. Черкасская описывает эту самооценку так: люди чувствуют, «что не имеют достаточно доходов или располагаемых ресурсов, чтобы жить, по их мнению, достойной для данного общества жизнью» [7, с. 80].

Иногда в основу классификации кладется субъективно определяемый индикатор. Например, ответ на вопрос: «Что Вы и Ваша семья можете себе позволить в соответствии со своими доходами?» На первый взгляд, вопрос исследования задан в духе измерения, ориентированного на общественную практику, но используемые в ответах такие оценки, как «качественное питание», «регулярное питание», «необходимая одежда» и др. [8, с. 12–13], определяются только субъективно, исходя из собственных представлений индивида.

Есть авторы, смешивающие субъективное и относительное, понимая относительность как субъективность. Считается, что само понятие бедности относительно по сути, поэтому не может быть абсолютного понимания бедности и четких рамок ее измерения, последнее зависит от методик измерения. В этом проявляется субъективизм. Прожиточный минимум также величина относительная: чем богаче страна, тем выше прожиточный минимум, он является самооценкой страны [9, с. 24].

Абсолютный и относительный подходы к измерению используются в официальной статистике. Эти подходы могут иметь разные самоназвания. Их суть удачно отметила А.Ю. Миронкина. Обобщая имеющийся у нее материал по методикам измерения, автор пришла к выводу, что абсолютный подход к измерению бедности наблюдается там, где «устанавливается минимальный набор необходимых человеку жизненных благ, их стоимость является чертой бедности, а доходы гражданина сравниваются со стоимостью этого набора. Бедным считается тот, у кого доход ниже черты бедности». При относительном подходе «в ряды бедных зачисляются граждане, доход которых меньше установленного размера от среднего уровня обеспеченности всех граждан в рассматриваемом обществе» [10, с. 52].

Некоторые авторы используют только один из методов измерения. Абсолютного измерения придерживаются Л.С. Шаховская и К.О. Климакова. Экономическая бедность у данных исследователей соответствует одному прожиточному минимуму (1ПМ) или ниже его. Социальная бедность – доходы выше прожиточного минимума, но равны или ниже двойного прожиточного минимума [11, с. 193]. С помощью абсолютных величин В.В. Моисеев выделяет бедных (определяются прожиточным минимумом) и малообеспеченных граждан (доход до 5 тысяч рублей, по данным 2011 года) [12, с. 36].

Другие используют оба способа измерения. У Л.А. Беляевой «статистическая бедность» определяется прожиточным минимумом, что соответствует абсолютному подходу. Бедность в «социологическом смысле» соответствует относительному измерению, бедными считаются представители той части населения, которая «не может вести образ жизни, соответствующий принятым в обществе образцам» [13, с. 57–58]. И.Л. Сизова также пишет о двух способах измерения: потребительской корзиной (абсолютный) и «несоответствием между накопленными ресурсами (доходами) и жизненными стилями» (относительный вариант) [14, с. 80]. И.А. Филиппова, А.С. Кузьмина абсолютную методику связывают с биологическим выживанием (пища, жилье, одежда), относительную – «с общепринятым, считающимся «нормальным» в данном обществе уровнем жизни» [15, с. 140]. Близка к этой позиции точка зрения А.В. Соро-

киной, которая понимает абсолютную бедность как «нехватку средств на удовлетворение витальных потребностей», а относительную связывает с «невозможностью следовать общепринятым стандартам жизни». Исследователь также считает, что «фактическое содержание бедности зависит от уровня благосостояния общества» [16, с. 4]. По мнению М.Е. Родионовой и Е.Л. Кругловой, с помощью относительного и абсолютного методов измерения социологи поразному определяют границы и черты бедности, а также «примеряют» к ним население [17, с. 292].

Существует два способа определения абсолютной границы (черты) бедности: первый – формирование потребительской корзины или прожиточного минимума исходя из национальных (локальных) реалий, второй – с учетом международных норм. Последние отражаются в официальной методике ООН, которая рассчитывает абсолютную границу по интегральному показателю индекса нищеты населения и учитывает разные факторы [18, с. 28]. В 1978 г. статистической комиссией ООН была разработана система показателей уровня жизни населения. Факторы разбиты на 12 основных групп: 1) демографические характеристики, 2) санитарно-гигиенические условия жизни, 3) потребление продовольственных товаров, 4) жилищные условия, 5) образование и культура, 6) условия труда и занятость, 7) доходы и расходы населения, 8) стоимость жизни и потребительские цены, 9) транспортные средства, 10) организация отдыха, 11) социальное обеспечение, 12) свобода человека [19, с. 159]. Всемирный банк, как другой автор международных норм, при установлении своих «линий бедности» также руководствуется абсолютным измерением: 1.075 долл. в день для развивающихся стран Азии и Африки; 2.15 долл. в день для стран бывшего социалистического лагеря; 4.3 долл. в день для развитых стран [18, с. 28].

Относительное измерение тесно связано с сущностью объекта измерения: 1) измеряется нижняя страта общества; 2) измеряется несоответствие «минимальному стандарту жизнеобеспечения, принятому в обществе» [14, с. 79], определяется процент от медиального дохода; 3) несоответствие «культурным представлениям о "нормальной жизни"», измеряется социально-правовой статус [14, с. 79], «позволяют ли располагаемые средства полноценно участвовать в жизни общества» [17, с. 293]. Противопоставляется бедность как социальная депривация, то есть снижение или отсутствие у индивида возможности общаться с другими людьми, жить функционально и культурно взаимодействуя с обществом (определяется абсолютными показателями), и бедность как форма социального неравенства, где граница обусловлена масштабом этого неравенства, который в относительной методике определяется среднестатистическим доходом, так выделяются разные группы бедных людей [14, с. 81]. При относительном измерении черта бедности зависит от реальных доходов населения, а также от распределения доходов среди населения, поэтому это один из инструментов измерения социального неравенства [17, с. 293].

При относительном измерении могут использоваться «социальные маркеры». В.Л. Иноземцев относительно измеренную бедность считает признаком нового формирующегося класса. «Доход, не превышающий половины дохода среднестатистического индустриального работника, занятого полный рабочий день» – это своеобразный «социальный маркер», отличающий новый класс. К данной категории лиц автор относит не менее трети населения развитых индустриальных стран [20, с. 21–22]. Есть и другие варианты «социальных маркеров», позволяющих определить место человека или группы лиц в социальном неравенстве. Л.А. Беляева при сравнительном анализе социальных слоев населения предлагает рассматривать как атрибут достатка факт владения техникой [13, с. 60].

В социологии ведется дискуссия о границах применения относительного и абсолютного методов измерения и объективности этих методов. Л.А. Беляева считает, что бедность в абсолютных параметрах описывает условия для социальной изоляции человека, а в относительных значениях описывает предел более сбалансированного питания, удовлетворения минимальных возможностей для реализации социальных потребностей людей [13, с. 58]. А.Ю. Миронкина отрицает относительное измерение бедности, считает бедность явлением универсальным для любых обществ, поэтому видит необходимость создания международного критерия в оценке бедности. Отсутствие общего подхода к оценке бедности не случайно, так как это позволяет держать «в тени борьбу с этим унизительным человеческим проявлением мизерности достатка» [10, с. 54]. Напротив, необъективным абсолютный подход к измерениям бедности считает Ю.В. Лузгина, так как он занижает реальный уровень бедности, автор предлагает относительный подход [6, с. 77]. На разницу в результатах измерения этими двумя методиками указывают также М.Е. Родионова и Е.Л. Круглова. Они считают, что абсолютная бедность может быть ликвидирована, а относительная сохранится всегда, так как измеряет неравенство, которое «является непременным атрибутом стра-

тифицированных обществ» [17, с. 293]. Но при абсолютном и относительном подходах учитывается прожиточный минимум, что авторы считают основой для комбинирования этих методик. Комбинации зависят от того, как определяется этот минимум [17, с. 306].

В результате сравнительного анализа социологических методик измерения бедности можно сделать следующие выводы. Первое. С помощью этих методик оценивается одно явление – благосостояние людей. Благосостояние – это материальное обеспечение (доход и имущественное положение), физическое и психологическое благополучие (состояние здоровья и ощущение счастья), образование и возможность принимать участие в жизни гражданского общества [21, с. 41]. Суть явления бедности в том, что люди не имеют возможности жить достойной жизнью, то есть не обладают этим благосостоянием. Бедность – это комплексное явление, а не только уровень дохода. Второе. Комплексное явление требует комбинированных инструментов измерения. Основой для комбинирования методик является измеренный с помощью абсолютного метода прожиточный минимум. Он – граница физического выживания, точка невозврата, ноль на шкале измерения благосостояния. Третье. Явление «бедность» содержит в себе две оппозиции – социальная депривация и социальное неравенство. Это оппозиционные состояния развития явления «бедность», а не диалектические противоположности одной сущности. Социальная депривация – это бедная жизнь вне общества. Абсолютные методики измеряют именно депривацию, то есть степень витальной катастрофы и социального исключения. Оппозицией социальной депривации является социальное неравенство – это бедная жизнь в рамках общества [21]. Масштабы социального неравенства измеряются относительными методиками. Четвертое. Оппозиционность депривации и неравенства – в отсутствии или в наличии признака включенности в общество.

Особенности применения методик измерения бедности в разных странах

Поскольку социологические методики измерения бедности (объект данного исследования) разрабатываются для применения в национальном (государственном) и международном (общечеловеческом) масштабах, имеет смысл анализировать применение этих методик в соответствующих аспектах. Конечно, бедность как явление невозможно понять без социокультурного контекста, но он не может быть измерен данными методиками, поэтому остается за рамками нашего исследования. В конкретных странах бедность измеряется с помощью описанных выше методик, они могут использоваться отдельно и в сочетании, могут быть разными в официальной и неофициальной статистиках. Например, в США внутри страны неофициальным, но общепринятым критерием показателей бедности является медицинская страховка (это «маркер» социального положения). США не имеют всеобщей системы медицинского страхования, здесь действует смесь частного страхования, осуществляемого работодателями, и государственного, она никогда не распространялась на всех американцев. Наличие медицинской страховки определяет социальное положение человека выше черты бедности [2, с. 66].

В то же время в США официально используется абсолютный подход к бедности, который определяется чертой бедности – уровнем располагаемого дохода [17, с. 292]. Черта бедности рассчитывается на семью от 1 до 9 человек, учитываются четыре возрастных стандарта, расчет производится ежегодно [17, с. 293]. Рассчитывается потребительская корзина, в которую входит 300 товаров и услуг, она связывается с чертой бедности [17, с. 298–299]. Официально граница бедности определяется двумя видами оценки: непосредственно сама граница (используется для статистических целей, ее измеряет Бюро переписи населения) и «рекомендательная граница» (используется как упрощенный вариант первой Министерством здравоохранения и социального обеспечения США для социальной помощи) [22, с. 87]. Уровень дохода, соответствующий черте бедности, рассчитывается так: стоимость минимальной потребительской корзины продуктов (разработана в 1961 г.) умножается на три (считается, что одна треть доходов бедных групп тратится на питание). Этот показатель ежегодно индексируется индексом потребительских цен. Плюс к этому существует 48 вариантов границ бедности по возрасту, размеру семей и пр. [22, с. 88]. В США есть понятие «экстремальная бедность», она совпадает с позицией ООН (менее 2 долл. в день на человека), и есть понятие «крайняя бедность», которая рассчитывается по методике Всемирного банка (1.25 долл. в день на человека) [17, с. 295], а также «дополнительные измерения бедности» – это по сути альтернатива официальной позиции. Разные методики дают разные данные. Например, согласно дополнительным измерениям, в 2011–2013 гг. бедных оказалось на 3 млн больше, чем по официальным данным [22, с. 91].

В России с 2000 г. бедность официально измеряется в абсолютном выражении по прожиточному минимуму, который, в свою очередь, определяется потребительской корзиной, ут-

вержденной в 2006 г. [17, с. 305]. Прожиточный минимум рассчитывается ежеквартально Госкомстатом «с использованием утвержденных потребительских корзин и потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги, а также данных о расходах населения по обязательным платежам и сборам» [10, с. 53]. Данное измерение имеет существенные недостатки: 1) базируется на балансе доходов и расходов, при этом недооцениваются доходы всех слоев общества; 2) базируется на обследовании бюджетов домохозяйств, что тоже неадекватно, так как люди скрывают свои доходы [7, с. 81]. Г.В. Черкасская, ссылаясь на официальную статистику Российской Федерации, в качестве особенности отечественной бедности выделяет социальную бедность, «слабо связанную со сферой общественного производительного труда», а также экономическую бедность – бедность трудоспособного населения, «не способного обеспечить себе принятый в обществе уровень благосостояния» из-за невыплат заработной платы. Кроме этого, у нас есть абсолютная бедность («меньше, чем объективно определенный абсолютный минимум ресурсов, необходимых для удовлетворения основных потребностей на минимальном уровне») и относительная бедность (имеют «более низкий уровень материальной обеспеченности, чем большинство живущих в данной стране») [7, с. 80].

В Европейском союзе отталкиваются от понимания бедности как сочетания ограничения в ресурсах и доходах с социальным исключением. Под социальным исключением понимают недоступность для лиц с бедностью тех видов деятельности, которые доступны другим лицам, не испытывающим лишений. При измерении бедности учитываются «данные по доходам, образованию, трудоустройству, здравоохранению, жилищным условиям, материальным лишениям и др.» [17, с. 268].

Измерение социального исключения имеет три компонента: 1) «уровень риска бедности» – «располагаемый эквивалентный среднедушевой доход» ниже 60% от «общенационального медиального значения располагаемого дохода в национальной валюте» (относительный) [17, с. 270]; 2) «крайние материальные лишения» – абсолютное измерение бедности. Люди не могут себе позволить 4 из 9 видов товаров и услуг потребительской корзины [17, с. 275–277]; 3) «люди, проживающие в домохозяйствах с низкой интенсивностью труда» (занятость 20% от «своего общего рабочего потенциала»). Фактически есть категории граждан, сочетающие в своем положении все три компонента или иные комбинации компонентов, есть и принадлежащие к одной категории [17, с. 269]. Третий компонент является основной причиной социального исключения [17, с. 273]. «Уровень риска бедности» (60%) является показателем социального неравенства. Он может быть применен только внутри конкретной страны – члена ЕС, он меняется из года в год в зависимости от общей экономической ситуации [17, с. 271–272].

В Швейцарии используются абсолютный показатель (прожиточный минимум) и все европейские показатели [17, с. 279]. Абсолютная бедность определяется минимумом, который «основан на потребностях, который гарантирует не только физическое выживание, но и минимальный уровень участия в социальной жизни» [17, с. 280]. В Швеции «за официальную черту бедности принимается минимальный размер пенсии» [17, с. 289], это абсолютное измерение.

Таким образом, в разных странах используются разные методики измерения бедности. Из-за этого возникают трудности межстрановых сравнений. Так, в России бедность определяется прожиточным минимумом (абсолютный подход к измерению), в странах ЕС – по среднестрановому показателю доходов (60%). Разница сказывается на оценке этих групп граждан. Если исходить только из результатов (не принимая во внимание методики измерения), то РФ не выделяется на фоне европейских показателей. Но если применить европейскую методику к России, то показатель нашей страны будет доходить до 40% доли бедного населения [12, с. 36–37]. В США также черта бедности определяется абсолютным показателем, но стоимость продуктов питания, набор потребительской корзины, методика их расчета отличаются от варианта РФ в сторону больших цифр. В Китае устанавливается минимум в денежном выражении и критерием является размер социальной помощи для городских жителей [10, с. 53]. Несопоставимы не только методы, но и уровни жизни людей. Так, в экономически развитых странах бедными считаются люди, которые «не испытывают затруднений с питанием, они ограничены в потребностях более высокого уровня, касающихся отдыха, образования и т.п.». В других странах этот уровень жизни считается роскошью [10, с. 54].

При анализе приведенных выше обобщенных социологических данных возникает ряд вопросов в контексте развития человечества и бедности как явления в этом развитии. На первый взгляд, биологический уровень бедности как явление (обеспечивает удовлетворение витальных потребностей, ниже этого уровня – смерть) соотносится с абсолютной методикой измерения, а социальный (обеспечивает удовле-

творение базовых потребностей социализации индивида в данном обществе, детерминирован конкретным обществом, ниже этого уровня – невозможность участия в жизни общества, социальное исключение) – с относительной. Субъективную методику можно связать с самоидентификацией и самочувствием индивида или страны. Однако биологический уровень относителен физиологическим характеристикам индивида, социальный – относителен обществу, используемый при абсолютном измерении прожиточный минимум также относителен по сути, связан с самооценкой страны. Продовольственная корзина может включать разное количество наименований, измеряться в денежном эквиваленте. Обычно минимальный набор продуктовых корзин формируется с учетом научно обоснованных данных о минимуме питательных веществ, необходимых для жизни человека. Но эти вещества находятся в разных продуктах, имеющих разную пищевую ценность и разную потребительскую стоимость на рынке. Эта разница влияет не на физическое выживание, а на социальное неравенство. Поэтому даже четко фиксированная граница абсолютной бедности имеет относительный характер.

Средний критерий относительного измерения зависит от того, как понимается суть бедности, какой вектор развития выбран данным обществом. Например, если в обществе установлен приоритет семейных ценностей, то средний уровень обеспеченности всех граждан (или «жизненные стили») рассчитывают на семью или домохозяйство. Так, в основном, считают внутри стран (на локальном уровне). Международные организации, напротив, в большей степени личностно ориентированы в ценностном отношении, рассчитывают черту бедности на человека. Другие применяют интерсубъективные «маркеры» социального положения – вещи или услуги, важные для всех членов общества без исключения, однако не признанные в данном обществе первой необходимостью. В России – это обладание техникой, в США – медицинской страховкой. Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии непосредственной причинно-следственной и логической связи между биологическим уровнем бедности как явления и абсолютной методикой измерения, а также между социальным уровнем бедности и относительной методикой измерения.

Явление «бедность» в контексте развития человечества

На основании анализа социологических материалов мы можем сделать следующие выводы. Биологический и социальный уровни отражают благосостояние, бинарные оппозиции – степень включенности в общество. Это разные системы координат в рамках одного явления. Оппозиции помогают не учитывать относительность уровней, но коррелируют с ними. Все приведенные выше методики измерения бедности формируются в зависимости от того, какую из оппозиций важно измерять заказчикам замеров.

Почему одним странам важно измерять одну бинарную оппозицию, другим другую? Некоторые объясняют это общим уровнем богатства страны. Чем страны богаче, тем больше их волнует неравенство, чем страны беднее, тем более они заботятся о депривации. Но в эту схему не вписываются США. Самая богатая страна измеряет бедность инструментами абсолютного измерения образца середины XX века. Из приведенного выше материала по США видно, что официальную статистику волнует депривация, а неофициальную – неравенство.

Ответ на поставленный вопрос следует искать за рамками культурных особенностей. РФ, Китай, США – очень разные в культурном плане страны, но все они измеряют депривацию. Скорее всего, на измерение бедности влияет тот вектор развития, который выбрала страна или по которому она в данный момент развивается. Неравенство может не волновать в двух случаях: когда его нет или когда его игнорируют. Как любая бинарная оппозиция, неравенство может стремиться к среднему показателю, в данном случае – когда уровень жизни большинства членов общества примерно одинаков и близок к среднему показателю. Например, в Швеции бедных, измеренных по методике ЕС, очень малый процент [17], поэтому здесь измеряют и контролируют депривацию, которая в данной ситуации возникает не по причинам социального характера, а по физическим причинам (старость, сиротство, инвалидность и пр.), или по причинам социальных отклонений (девиантность и т.п.), или по «форс-мажорным» обстоятельствам (мигранты, например).

На севере Европы бедность распространена значительно меньше из-за «исторически сложившейся социальной модели», которая подразумевает «перераспределение доходов от богатых к бедным через налоговую систему» (например, в Дании перераспределяются две трети ВВП). Кроме того, небольшая численность населения тоже положительно влияет на социальную ситуацию. В Швеции и Дании 10–12% населения находятся в состоянии «риска бедности» (это уровень «60%» по европейской методике расчета), за гранью бедности – 7–8% [17, с. 282–283, 289]. Вместе с тем в Европу к настоящему времени прибыло уже несколько миллионов иммигрантов-беженцев, представи-

телей другой культуры, которые не пытаются войти в рынок труда, предпочитают жить на пособия, так как по сравнению с их прошлым уровнем жизни – это роскошь. Кроме этого, они не смогут войти в рынок труда, даже если захотят, поскольку они как «обладатели в основном сельскохозяйственных или ремесленных навыков оказываются невостребованными» [17, с. 291]. Так выглядят цифры для Дании: бедные пенсионеры-иммигранты – 27%, датчане – 1.1%; датские семьи с детьми – 2.5%, иммигранты – 32% [17, с. 291]. Таким образом, из иммигрантов складывается маргинальный низший класс, который толкает страну на путь усиления социального неравенства.

Уровень жизни большинства людей примерно одинаков и в России. По данным В.В. Моисеева, в 2011 г. от 50% до 70% населения относили к бедным и малообеспеченным [12, с. 36, 40], то есть большинство людей имели одинаково невысокий уровень жизни. Есть другие данные: ниже черты бедности в 2015 г. жили 14.5% населения [11, с. 193], согласно данным на этот же год Т.А. Тереховой – 18% [9, с. 24]; в 2013 г. – 11% [24, с. 13], но эти цифры отражают депривацию.

Аналогичная ситуация в США. По данным М.Е. Родионовой и Е.Л. Кругловой, в 2013 году 80% американцев находились «вблизи» или «за чертой» бедности [17, с. 291]. Депривацию отражают следующие данные по США: «в период с 2000 по 2012 г. доля бедняков увеличилась с 12.2% до 15.9%», «по данным Бюро переписи населения США, в 2013 г. уровень бедности составил 14.5%» [22, с. 87]; в 2009 году 18% американцев «сталкивались с голодом часто или иногда за последние 12 месяцев» [17, с. 291].

На измерение бедности влияет вектор развития страны (или человечества в целом). Вектор – это путь движения к цели развития. Сегодня существуют три вектора, ведущих к одной цели – единству человечества, это: формирование новой мировой системы (сети), глобализм, интеграция [25; 26]. Современное человечество находится в переходном состоянии своего развития. Мы уходим от специфических этнических стилей поведения, образа мысли, способа деятельности, движемся к общему поведению, образу мысли, способу деятельности. Противоречие глобального и локального – основное противоречие современного развития.

Абсолютную методику применяют те страны, где относительная неинформативна, так как показывает одинаковый уровень бедности для большинства населения (богаты или бедны люди в этой стране – не имеет значения для измерения), но абсолютные данные тогда отражают депривацию, а не всё явление бедности. Однако здесь ярко выражена национальная специфика.

Методики, ориентирующиеся на личностный учет, игнорируют национальную специфичность, именно поэтому их используют международные организации. Но, как мы видели выше, у ООН и Всемирного банка разные методики. Позиция ООН в русле интеграционного вектора развития, так как отрицает этническую специфичность, утверждая единство человечества, и измеряет всех людей одним инструментом. Всемирный банк не только личностно ориентирован, но и разделяет страны по категориям, узаконивая тем самым неравенство между ними. Позиция Всемирного банка – это проявление глобализма, возвратной тенденции, консервирующей старый порядок мироустройства – специфику деятельности одного типа этносов или одного доминирующего этноса. Путь «сети» в русле тенденции, уравновешивающей локальное и глобальное. Отрицание специфичности при уравновешивающей тенденции не приводит к потере этничности, поэтому используется сочетание относительной и абсолютной методик измерения бедности: считаются не личности, а семьи или домохозяйства, которые, в свою очередь, являются основой специфичности этнических связей.

Заключение

Бедность – это невозможность иметь материальное обеспечение, здоровье, образование, жить жизнью общества, быть счастливым, то есть отсутствие возможности иметь благосостояние. Комплексность благосостояния человека обусловливает комплексность бедности и необходимость комбинирования социологических методик ее измерения.

Явление «бедность» имеет свои границы. Нижняя граница – физическое выживание человека, измеряется абсолютно определяемым прожиточным минимумом, верхняя обусловлена уровнем жизни конкретного общества, измеряется относительно определяемым прожиточным минимумом. Обе границы имеют относительный характер.

Внутри себя явление «бедность» имеет бинарные оппозиции – социальная депривация и социальное неравенство. Оппозиционность их заключается в отсутствии или наличии признака включенности в общество. Оппозиции и уровни – разные системы координат в измерении одного явления. Оппозиции помогают не учитывать относительность уровней, но коррелируют с ними.

Социологические методики и их применение обусловливаются тем, какую из оппозиций

важно измерять в конкретном обществе и государстве. Эта необходимость детерминирована, в свою очередь, развитием данного государства. А именно, во-первых, – ценностными ориентациями заказчиков измерений. На них влияет национальная ценностная доминанта или общечеловеческая. В данном случае они противопоставлены друг другу как глобальное и локальное. Во-вторых, – тем, насколько разнятся уровни жизни людей в конкретных обществах. В-третьих, – выбранным субъектом развития вектором развития человечества (интеграция, глобализм, «сети»).

Депривация измеряется там, где уровень жизни большинства членов общества примерно одинаков. Социальное неравенство измеряется там, где нет такого большинства. Измеряют всегда то, что необходимо контролировать или изменять. В этом обратная связь методик измерения бедности и развития человечества. Однако социологические методики измерения бедности – это только инструменты, относительный характер бедности предполагает разные варианты и цели применения этих инструментов. Бинарные оппозиции могут иметь предельные, промежуточные и средние значения в измерении. Поэтому, контролируя депривацию, мы можем или ее искоренить, или двигаться в сторону углубления социального неравенства (глобализм). Аналогично, контролируя неравенство, мы можем или его преодолеть, повысив уровень жизни, или сдвинуть в сторону депривации.

Список литературы

1. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, принята 8 сентября 2000 года в Нью-Йорке. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 11.01.2018).

2. Доклад о развитии человека 2005. Международное сотрудничество на перепутье: помощь, торговля и безопасность в мире неравенства: Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2005. 416 с.

3. Трубецкой Н.С. Классификация оппозиций / Основы фонологии / Пер. с нем. А.А. Холодовича; под ред. С.Д. Кацнельсона. М.: Аспект пресс, 2000. 352 с.

4. Тетиор А.Н. Бинарная множественность природы. М.: РЭФИА, 1999. 234 с.

5. Агапов О.Д. Интерпретация как личностная форма творения бытия: Дис. … доктора философских наук. Казань, 2011. 300 с.

6. Лузгина Ю.В. К вопросу о проблеме измерения показателя бедности и особенности бедности в России // Новый университет. Научный журнал. Серия: Экономика и право. 2014. № 3 (37). С. 77–80.

7. Черкасская Г.В. Борьба с бедностью как фактор развития института социальной защиты // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Экономика. 2010. Т. 6. № 3. С. 77–86.

8. Пожилов И.В. Имущественные слои современной России: процесс становления социально-политической рефлексии: Автореф. дис. … канд. соц. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2004. 22 с.

9. Терехова Т.А. Борьба с бедностью путем социальных и экономических преобразований // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 1 (31). С. 23–28.

10. Миронкина А.Ю. Измерение бедности: единый метод для всех государств – международный индекс бедности // Международный научный журнал «Синергия наук». 2016. № 6. С. 51–57.

11. Шаховская Л.С., Климакова К.О. Институционализация бедности в современной России: причины, последствия и методы борьбы с ней // Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного социохозяйственного развития: Сборник статей международной научно-практической конференции. М.: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2016. С. 192–195.

12. Моисеев В.В. Борьба с бедностью в современной России // Социология власти. 2011. № 3. С. 34–47.

13. Беляева Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 52–62.

14. Сизова И.Л. Бедность и борьба с бедностью в государствах благосостояния: современное состояние и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 2 (7). С. 78–85.

15. Филиппова И.А., Кузьмина А.С. Программа борьбы с бедностью // Наука и образование в жизни современного общества: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 апреля 2015 г.: в 14 томах. Т. 11. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2015. С. 140–142.

16. Сорокина А.В. Бедные в России: структура, ориентации, установки: Автореф. дис. … канд. соц. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2003. 18 с.

17. Социальные измерения в современном обществе: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2016. 365 с.

18. Разумов А.А., Ягодкина М.А. Бедность в современной России. М.: Формула права, 2007. 336 с.

19. Рыбакова А.И. Современные стратегии жизненного успеха как борьба с бедностью // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 4. С. 157–160.

20. Иноземцев В.Л. Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 18–27.

21. Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства / Пер. с англ. А. Гуськова. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. 368 с.

22. Киселева М.Е. География бедности в США: особенности официальной и альтернативной методик измерения границ бедности // Перспективы науки. 2015. № 5 (68). С. 87–92.

23. Рампракаш Д. Статистическое исследование бедности: доклад на совещании по статистике дохо-

дов домашних хозяйств // Материалы совещания по статистике доходов домашних хозяйств, 14–17 марта 1994 г., Женева. Женева, 1994. 83 с.

24. Андреева И.А., Спиридонов С.П. Борьба с бедностью как одно из направлений повышения качества жизни населения // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 2. С. 13–16.

25. Зубкевич Л.А. Сущность глобализации и ее сценарии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 58–70.

26. Зубкевич Л.А. Доклад ООН «Наше общее будущее» (август 1987 года) как отражение противоречий этноса и окружающей среды // Природа и человек в пространстве культуры: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой Году экологии в РФ (кафедра этики, культурологии и связей с общественностью факультета философии и социологии БашГУ) (г. Уфа, 27 апреля 2017 г.). Часть 1 / Отв. ред. З.Я. Рахматуллина. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 172–181.

INTERRELATION OF SOCIOLOGICAL METHODS FOR MEASURING POVERTY AND HUMAN DEVELOPMENT

L.A. Zubkevich

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article examines the correlation between the development of societies and sociological methods for measuring poverty. The object of research are sociological methods for measuring poverty, while the subject of research is the way how the application of sociological methods for measuring poverty is determined by the national and social aspects of human development. The goals and objectives of the study include: to determine the essence of the phenomenon of poverty and its binary oppositions, their relationship to the specifics of different countries' development; to carry out a comparative analysis of sociological methods for measuring poverty; to identify the national and social characteristics of poverty measurement methods. Poverty is defined in terms of inequality in society and in terms of the incapacity to live in this society. As a result of abstracting the essence of the phenomenon of «poverty» from other social processes, the following binary oppositions are revealed: social deprivation and social inequality. Sociological methods for poverty measurement and their application depend on which of the oppositions is important to be measured in a particular society and state. This need is determined, in turn, by the development of this state. Namely, first, by the value orientations of measurement customers that are influenced by the national or the universal value dominant. In this case, they are opposed to each other as global and local. Second, by the extent to which people's living standards differ in particular societies. Third, by the development vector chosen by society (integration, globalism, «networks»).

Keywords: phenomenon of poverty, binary oppositions, development, methods for measuring poverty, social inequality, social deprivation.

УДК 316.45

ПОЛОЖЕНИЕ МОЛОДОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: РИСКИ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ

© 2018 г.

Е.А. Балезина

Балезина Екатерина Андреевна, старший преподаватель кафедры социологии
Пермского государственного национального исследовательского университета
katebalezi@gmail.com

Статья поступила в редакцию 09.10.2018
Статья принята к публикации 31.10.2018

Реформирование системы высшего образования происходит через создание новой модели управления, модернизацию устоявшихся привычных форм отношений, что ведет к росту неопределенности в работе преподавателя вуза. Особенно это сказывается на статусе молодого преподавателя, который подвергается воздействию рисков в большей степени. Цель исследования – охарактеризовать особенности восприятия молодыми преподавателями своего положения в вузе в условиях повышения неопределенности и нарастания рискогенности образовательной среды вследствие ее модернизации. Статья основана на анализе результатов анкетирования молодых и опытных преподавателей ПГНИУ. Молодые преподаватели в возрасте до 35 лет характеризуются более низкой степенью лояльности к университету, выделяют такие негативные черты в работе преподавателя, как жесткий контроль со стороны администрации, и большую напряженность работы. Проведен кластерный анализ, и выделены группы уверенных и неуверенных в своей работе в вузе молодых преподавателей. Неуверенные молодые преподаватели не ощущают своей принадлежности к университету, по их мнению, в университете не оцениваются по достоинству заслуги и вклад сотрудников. Наиболее уязвимой когортой молодых преподавателей оказались преподаватели-исследователи мужского пола, именно они с большей вероятностью готовы покинуть вуз в поисках нового места работы.

Ключевые слова: молодой преподаватель, риски, неопределенность образовательной среды, восприятие рисков.

Система высшего образования как основа экономического и социального развития общества подлежит модернизации. Основным направлением модернизации является стремление сделать высшее образование открытым внешним запросам как со стороны рынка труда, так и со стороны науки, инноваций. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., главными проблемами российского высшего образования являются падение его качества, низкая доступность образования для малообеспеченных семей, несоответствие структуры образования рынку труда и низкая инновационная активность университетов [1, с. 166–167].

Для решения поставленных проблем предлагается перейти на новую модель управления высшим образованием. Одним из стратегических направлений развития системы высшего образования является «вовлеченность студентов и преподавателей в фундаментальные и прикладные исследования» [2]. Это необходимо как для сохранения существующих научных школ, так и для возникновения новых, для воспитания нового поколения исследователей, ориентированных на потребности инновационной экономики знаний. Подчеркивается, что фундаментальные научные исследования должны стать важнейшим ресурсом и инструментом освоения студентами профессиональных компетенций, связанных с поиском, анализом и обработкой информации. Таким образом, новая модель управления предполагает модернизацию устоявшихся привычных форм отношений в образовательной среде, а именно внедряются принципы конкуренции между преподавателями одной кафедры, продвигаются идеи академической мобильности сотрудников, поддерживается научно-исследовательская деятельность преподавателей.

В процессе модернизации наблюдается возрастание неопределенности в современной системе высшего образования, что определяется множественностью влияющих на нее факторов, а также связанным с высокой вариативностью внешней среды отсутствием у субъектов образовательного процесса полного и точного представления о будущем российских университетов [3]. Высшее образование сегодня превращается, следуя терминологии Э. Гидденса, в «институционализированную среду риска».

В связи с переходом на новую модель управления происходят трансформации в стату-

се преподавателя, в характере его труда. Например, увеличивается аудиторная нагрузка преподавателя, что связано с требованием к вузу повысить среднюю заработную плату профессорско-преподавательского состава и увеличить норматив «студент/преподаватель», что приводит к снижению числа преподавателей [4]. Также повышаются требования к преподавателю в отношении совмещения разных видов работы: ведение научно-исследовательской деятельности, написание статей, участие в грантах и осуществление деятельности, приносящей вузу доход, одновременно с выполнением педагогических обязанностей [5]. Эти изменения, связанные с ростом неопределенности образовательной среды, зачастую воспринимаются сотрудниками вузов в негативном ключе, вызывая потерю психологического равновесия, повышение стресса, ухудшение физического здоровья и появление алармизма [6, с. 63].

Одним из требований к современному университету является наличие определенной доли молодых сотрудников. Так, показатель «удельный вес численности научно-педагогических работников (НПР) без ученой степени до 30 лет, кандидатов наук до 35 лет, докторов наук до 40 лет, в общей численности НПР» включен в перечень показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования в 2017 г. [7]. В программах развития крупных российских вузов заложены целевые значения показателя «доля лиц профессорско-преподавательского состава (ППС) моложе 35 лет в общем количестве лиц ППС». Например, в программе развития ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» на 2010–2019 гг. конечная целевая доля ППС моложе 35 лет задана на уровне 32% [8]. В Плане мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности («дорожная карта») федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» на 2016–2020 гг. предполагается повысить к 2020 г. долю ППС моложе 35 лет в общем количестве ППС до 30% [9].

От вузов также требуются высокие показатели численности кандидатов и докторов наук, объемов научно-исследовательских разработок (НИР) и опытно-конструкторских работ (ОКР), публикационной активности. Например, в программе развития ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» значатся следующие целевые значения показателей к 2020 г.: «доля кандидатов и докторов наук в общей численности НПР» – 60%, «доля доходов, получаемых за счет выполнения НИР и ОКР» – 40%, «средний годовой индекс цитируемости 1 НПР в зарубежных научных изданиях по индексу SCI» – 70% [10]. Подобные стратегические ориентиры приводят к формированию своеобразного идеального типа НПР, сочетающего молодость, наличие ученой степени и эффективность в научно-исследовательской деятельности [11], и, как следствие, новым вызовам для самих молодых сотрудников вузов.

Новые требования к молодым преподавателям вузов сопрягаются с возрастающей неопределенностью их статуса в организации, связанной с тремя факторами. Во-первых, именно молодые сотрудники находятся под большим давлением изменяющихся условий труда, ведь «наибольшее давление испытывают находящиеся внизу университетской иерархии» [6, с. 65]. Как следствие, в условиях низкой конкурентоспособности заработной платы в системе образования наблюдается высокий уровень текучести среди молодых преподавателей вуза. В университет идут работать молодые люди «с заниженной планкой удовлетворения физиологических потребностей» [12, с. 118], а также определенная доля молодых сотрудников, защитив кандидатскую диссертацию, предпочитают искать себя в других отраслях экономики и бизнеса. До 70% молодежи рассматривают профессию преподавателя как стартовую [13, с. 156]. Во-вторых, именно на долю молодых преподавателей приходится «наибольший объем аудиторной нагрузки (в основном – проведение практических и лабораторных занятий, у некоторых – чтение лекций), что не позволяет им уделять много времени научным исследованиям» [14, с. 98], а значит, соответствовать повышающимся требованиям к преподавателям для молодых сотрудников оказывается сложной задачей. И в-третьих, положение молодых преподавателей оказывается неустойчивым в долгосрочной перспективе. Именно с молодыми преподавателями, как правило, заключается трудовой договор с наименьшим сроком (1–2 года), т.е. молодой сотрудник имеет минимальную гарантию занятости. В условиях снижения числа абитуриентов и студентов и сокращения ставок преподавателей конкурс среди преподавателей в вузе становится все более жёстким. «Наименее защищёнными категориями в таком конкурсе оказываются именно молодые кадры» [14, с. 99].

Цель исследования – охарактеризовать особенности восприятия молодыми преподавателями своего положения в вузе в условиях повышения неопределенности и нарастания рискогенности образовательной среды вследствие ее модернизации.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики выборочной совокупности

Показатели		Подгруппы профессорско-преподавательского состава	
		35 лет и младше	Старше 35 лет
1	Средний возраст (Me)	30 лет (от 21 до 35)	51 год (от 36 до 85)
2	Соотношение мужчин и женщин	39% к 61%	44% к 56%
3	Средний стаж (Me)	5 лет	20 лет
4	Доля респондентов, занятых в ПГНИУ по основному месту работы	88%	92%
5	Соотношение сотрудников факультетов естественно-научного и социально-гуманитарного направлений	39% к 61%	43% к 57%
6	Доля респондентов с ученой степенью	43%	72%

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса (раздаточное анкетирование на рабочем месте) профессорско-преподавательского состава Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), проведенного при участии автора в ноябре 2017 г. Объем выборочной совокупности составил 445 человек при объеме генеральной совокупности 1454 человека. Доля респондентов в возрасте младше 35 лет (группа «молодые преподаватели») составила 34% (151 человек), в возрасте 35 лет и старше (группа «опытные преподаватели») – 294 человека. Определение верхней возрастной границы для молодых преподавателей на уровне 34 года соответствует принятому в ведущих российских вузах (в том числе – федеральных университетах) подходу и дает возможности проведения в дальнейшем межрегионального сопоставления. Сравнение социально-демографических характеристик изученных подгрупп представлено в табл. 1.

Как видно из табл. 1, группы «молодых» и «опытных» преподавателей имеют существенные различия. Кроме возраста, основные различия между подгруппами следующие.

Стаж работы молодых преподавателей составляет в основном менее 10 лет (до 4 лет – 46%, 5–9 лет – 42%), что естественно в силу их возраста. Оставшиеся 12% респондентов указали, что их стаж работы в университете составляет 10–12 лет (возраст этих преподавателей 30–34 лет). Стаж работы второй возрастной подгруппы следующий: 20% опытных преподавателей работают в университете менее 10 лет, 31% имеют стаж работы от 10 до 19 лет, 20% указали 20–29 лет, остальные 29% работают в университете более 30 лет.

Для большинства опрошенных преподавателей (более 86% среди обеих групп) Пермский университет является основным местом работы. При этом с увеличением количества лет работы в университете число совместителей среди молодых преподавателей снижается: среди сотрудников со стажем менее 5 лет 20% – работающие по совместительству, среди длительно (5 лет и более) работающих сотрудников совместители составляют менее 10%. Среди опытных преподавателей также существует обратная связь между стажем и работой по совместительству (Гамма=(–)0.390 при $p<0.05$): чем больше стаж работы преподавателя, тем меньше вероятность, что он работает по совместительству. Большая часть опытных преподавателей, работающих в университете по совместительству, имеет стаж работы менее 20 лет (38% из них имеют стаж работы в университете менее 10 лет, 45% – 10–19 лет, оставшиеся 17% работают в университете более 20 лет). В целом опытные преподаватели со стажем менее 20 лет в 16% случаев работают в университете по совместительству, для остальных 84% университет является основным местом работы.

В структуре выборки была соблюдена возрастная пропорция с подгруппами респондентов до 34 лет включительно (молодые преподаватели) и старше 34 лет (опытные преподаватели), репрезентирующая профессорско-преподавательский состав ПГНИУ.

Распределение респондентов по направлениям следующее: на естественно-научных факультетах работают 58% мужчин и 42% молодых преподавателей женского пола, а на социально-гуманитарных факультетах 76% составляют женщины. В подгруппе опытных преподавателей мужчины на естественно-научных факультетах составили 59%, а на социально-гуманитарных – 29%. В обеих подгруппах мужчины преобладают среди преподавателей естественно-научных дисциплин.

Объем нагрузки 27% молодых преподавателей в университете превышает одну ставку. При этом женщины чаще мужчин работают на 1.1–1.5 ставки по основному месту работы (30% против 22% – для оценки связи использовался коэффициент Гамма=0.24 при $p<0.05$), что

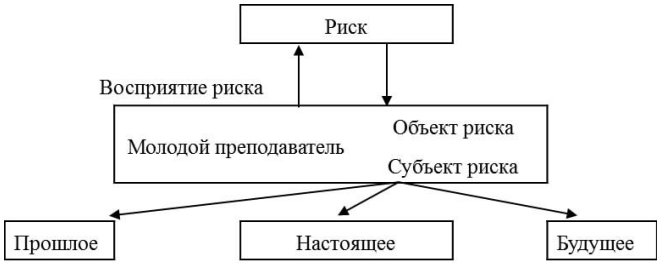


Рис. Теоретико-аналитическая схема исследования

можно объяснить тем, что женщины реже мужчин отказываются от дополнительной нагрузки. Например, по данным международного сравнительного исследования педагогического корпуса по вопросам преподавания и обучения, лишь 26% женщин-учителей отказывается от дополнительной работы в виде классного руководства, проверки тетрадей, заведования кабинетом и пр. [15, с. 7]. Стоит подчеркнуть, что треть всех молодых респондентов работают также по внутреннему совместительству в университете. В основном эта работа связана с преподавательской деятельностью, но на других кафедрах или факультетах. Такой зависимости не наблюдается среди опытных преподавателей. В данной подгруппе пол не связан с большой нагрузкой преподавателя (31% всех «опытных» респондентов работают более чем на 1 ставку, из них 48% это мужчины).

Должности, которые занимают молодые преподаватели, представляют собой весь спектр от ассистента до доцента. 41% молодых преподавателей имеют степень кандидата наук. Среди опытных преподавателей доля «неостепененных» составила 27% (степень кандидата наук имели 57%, доктора наук – 16%). Интересен факт, что мужчины чаще имеют ученую степень, чем женщины (как среди опытных преподавателей – Гамма=0.318, так и среди молодых – Гамма=0.392 при $p<0.05$). Молодые преподаватели мужского пола в 1.7 раза чаще имеют степень кандидата наук, чем их коллеги-женщины (RR=1.733; с 95% CI–1.155–2.598). Это повсеместная тенденция, по данным НИУ–ВШЭ [16], на конец 2015 г. число женщин ниже, чем число мужчин, как в аспирантуре, так и в докторантуре. Это можно объяснить тем, что женщины, совмещая работу и семейные обязанности, часто отдают предпочтение семье и детям, а также «для подавляющего большинства женщин карьера не является большой ценностью: для 45.5% карьера совсем не важна» [17, с. 28].

Вопросы анкеты были направлены на выяснение того, как респонденты воспринимают свою работу в университете. Молодой преподаватель выступает одновременно и в качестве объекта, и в качестве субъекта риска (рис.). В первом случае молодой сотрудник подвергается воздействию со стороны образовательной среды и, следовательно, становится объектом риска. При этом он воспринимает окружающие его риски и в условиях неопределенности выстраивает свое поведение в соответствии с собственной оценкой степени риска, и в данном случае молодой преподаватель является субъектом риска. Инструментарий построен с целью оценить, как преподаватели воспринимают свою работу в вузе в условиях повышающейся неопределенности и риска в дихотомических категориях спокойная – неспокойная, предсказуемая – непредсказуемая. Воспринимаемый риск рассматривается в отношении прошлого, настоящего и будущего положения преподавателя в университете. Текущее состояние образовательной среды оценивается вопросом «что нравится / не нравится в работе в университете?». Также выявляется мнение респондентов о восприятии себя как сотрудника вуза сегодня и в будущем, что необходимо для понимания оценки молодым преподавателем не только окружающей среды, но и своего места (положения) в университете.

Представленный анализ ответов преподавателей на вопросы о согласии с предложенными утверждениями основан на их интерпретации следующим образом: варианты ответов «полностью согласен» и «скорее согласен» закодированы как положительные, а «полностью не согласен» и «скорее не согласен» – как отрицательные.

Для сравнения ответов молодых преподавателей (до 35 лет) и их старших коллег (в возрасте 35 лет и старше) при оценке значимости положительных и негативных факторов в работе использовались коэффициенты отношения шансов (OR) и относительного риска (RR). Коэффициент рассчитывался для 4-клеточных таблиц, где независимой переменной был возраст (относится ли респондент к группе молодых преподавателей), а переменной риска выступали ответы ППС относительно положительных и негативных факторов работы. Для оценки связи были рассчитаны коэффициенты Гамма, d Сомерса, Тау Краскала и Гудмена. Методом кластерного анализа оценивалось мнение молодых и опытных преподавателей о предсказуемо-

сти/непредсказуемости образовательной среды и восприятия неопределенного положения преподавателя.

Результаты

По итогам проведенного исследования получены следующие результаты.

При оценке текущей ситуации в университете молодые преподаватели лишь в 7% случаев говорят, что работа в университете им представляется спокойной и предсказуемой, еще треть (35%) «скорее согласны» с такой оценкой. При этом наиболее часто встречающимся среди молодых преподавателей был вариант ответа, соответствующий значению «3» на 5-балльной шкале спокойствия. Так, 41% в исследуемой группе заявили, что лишь *отчасти* находят работу в университете спокойной и предсказуемой. Анализ мер центральных тенденций показал, что наиболее распространенным ответом является срединное значение (Медиана=Мода=3, Среднее=3.26).

В группе опытных преподавателей несколько больше число полностью согласных с предсказуемостью работы в вузе (10%), скорее спокойной и безопасной видят свою работу 35% преподавателей в возрасте 35 лет и старше. Лишь отчасти с данным утверждением согласны 36% опрошенных (Среднее=3.32). Был рассчитан коэффициент Лямбда = 0.2 (при $p<0.05$) для уровня зависимости оценки работы в вузе от возраста преподавателя: чем старше преподаватель, тем более спокойной ему представляется работа в университете.

Сравнивая отношение преподавателей к текущей ситуации в университете в категориях предсказуемости – непредсказуемости, стоит отметить, что старшим по возрасту преподавателям работа в вузе кажется более спокойной, чем их коллегам (связь оценивалась коэффициентом d Сомерса=0.082 при $p<0.05$), но эта взаимосвязь опосредована, например, таким фактором, как удовлетворенность работой. Чем старше преподаватель, тем он более удовлетворен своей работой, а чем более удовлетворен, тем более спокойной и предсказуемой ему она представляется.

В целом по выборочной совокупности наблюдается связь между стажем работы и восприятием работы в университете как спокойной: чем больше стаж работы в этом вузе, тем преподаватель более склонен оценивать свою работу как предсказуемую (связь оценивалась Лямбда=0.229 при $p<0.05$).

Среди молодых преподавателей мужчины реже женщин дают оценки «скорее согласен» (28% против 38%) и чаще частично не соглашаются с утверждением, что «работа в университете спокойная, безопасная и предсказуемая» (18% мужчин и 9% женщин): молодые преподаватели-мужчины склонны оценивать свою работу в вузе как менее устойчивую в сравнении с оценками женщин.

Кандидаты наук достоверно чаще остальных молодых преподавателей выбирают ответ «3» в 5-балльной шкале спокойствия – в 51% случаев против 35% в указанных группах соответственно. Среди молодых преподавателей «остепененные» респонденты чувствуют себя наиболее уверенно, тогда как молодые преподаватели без ученой степени – это группа работников, описывающая работу в вузе как «спокойную и предсказуемую» наименее часто.

Аспекты, которые преподавателям не нравятся в работе, представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, в сравнении оценок негативных факторов между молодыми и немолодыми преподавателями выделяются следующие особенности: молодые сотрудники в 2 раза чаще своих старших коллег отмечают жесткий контроль со стороны администрации, напряженность работы, слабые материально-технические условия для научно-исследовательской работы и отсутствие уверенности, что не потеряют работу.

Среди аспектов, которые *нравятся* в работе в вузе, молодые преподаватели отдали предпочтения следующим характеристикам: 1) удобный график работы (58%); 2) возможность влиять на развитие студентов, формировать их мышление (53%); 3) возможность реализовать свои знания, опыт и способности (49%).

Такую характеристику работы в вузе, как удобный график работы, молодые преподаватели выбирали достоверно чаще, чем более опытные преподаватели (RR=1.422). Данный фактор привлекательности рабочего места остается важным для преподавателей, хотя заинтересованность в удобном графике работы несколько снижается в последние годы [18].

Возможность влиять на развитие студентов одинаково важна как для молодых, так и для более опытных преподавателей. Общение со студентами, с молодежью является одним из отличительных признаков работы преподавателя, и этот признак часто выделяют сами преподаватели как благоприятный, им «нравится делиться опытом, объяснять, рассказывать, отвечать на вопросы» учащихся [19, с. 116].

И третье место заняла такая характеристика работы в вузе, как возможность реализовать свои знания, опыт и способности. Половина молодых преподавателей выбрали этот вариант, что объясняется важностью ценности самореа-

Таблица 2

Распределение ответов преподавателей на вопрос «Что вам особенно не нравится в вашей работе в университете?» (ранжировано по столбцу «Молодые преподаватели», %)

№	Варианты ответа	Преподаватели в возрасте старше 35 лет	Молодые преподаватели	Коэф. RR
1	Низкий уровень заработной платы	45.7	49.7	Не знач.
2	Слабое материально-техническое оснащение учебного процесса	33.8	37.7	Не знач.
3	Слабые материально-технические условия для научно-исследовательской работы	15.5	26.5	1.712
4	Нет уверенности, что не потеряю эту работу	11.5	19.2	1.669
5	Слишком напряженная работа	8.6	17.2	1.996
6	Неважный контингент студентов	12.2	16.6	Не знач.
7	Мало возможностей профессионально развиваться, повышать квалификацию	11.9	15.9	Не знач.
8	Несправедливое распределение работы и вознаграждения за нее	12.6	15.2	Не знач.
9	Небольшой объем дополнительных социальных льгот (социальный пакет)	26.6	13.2	0.498
10	Жесткий контроль со стороны администрации	4.7	11.3	2.410
11	Мало возможностей заниматься приоритетными направлениями в науке	10.1	9.9	Не знач.

лизации среди молодежи: по данным ВЦИОМ, самореализация занимает третье место в системе ценностей молодых людей в возрасте от 18 до 34 лет [20].

Стоит подчеркнуть, что молодые преподаватели чаще старших коллег выбирали ответы «возможность сделать карьеру» (Гамма=(–)0.253 при $p<0.05$), «возможность совмещать эту работу с другими» (Гамма=(–)0.243 при $p<0.05$) и «возможность установить полезные связи» (Гамма= =(–)0.360 при $p<0.05$). Это, с одной стороны, свидетельствует о большей значимости карьерного роста для молодых сотрудников. С другой стороны, настораживает, что молодой сотрудник положительной чертой работы в университете называет возможность дополнительного заработка вне стен вуза. И эта доля среди всех молодых преподавателей составляет 24%, что косвенно подтверждает выводы исследователей о желании молодых преподавателей уйти из вуза в поисках другой работы, например более высокооплачиваемой [14].

В оценке неопределенности образовательной среды были получены следующие результаты. В отношении суждения «работа в университете спокойная, безопасная и предсказуемая» стоит подчеркнуть некоторую зависимость этой оценки от существующих приоритетов педагога в отношении сферы интересов (научно-исследовательской или педагогической). Чем ближе основные интересы преподавателя находятся к научно-исследовательской сфере, тем он более не согласен с утверждением о предсказуемости работы в вузе, и наоборот, чем более заинтересован в педагогической сфере, тем более работа кажется спокойной и предсказуемой (Гамма=(–)0.122 при $p<0.05$). Это можно объяснить большей динамикой исследовательской сферы деятельности в сравнении с педагогической. В частности, необходимость увеличения публикационной активности российских ученых связана с определенными факторами: с вероятным значительным сокращением числа научных организаций и численности исследователей; сокращением направлений научных исследований; неясными перспективами научных журналов [21]. Такие изменения характеризуют неопределенность научно-исследовательской деятельности и повышают рискогенность этой сферы, что приводит к ощущению неуверенности и «неспокойствия» преподавателя-исследователя.

Согласно международному исследованию CAP, Россия относится к странам с низким уровнем стресса и низкой удовлетворенностью работой в университете. Оказалось, что педагоги в странах с высокой удовлетворенностью больше довольны тогда, когда ассоциируют себя с наукой, а не с преподаванием [22]. В нашем же случае отмечена обратная ситуация: чем преподаватель более нацелен в своей деятельности на научную сферу, тем он более неудовлетворен работой в вузе.

Отношение к работе в университете за последние 2–3 года изменилось в худшую сторону (Mo=Me=3, т.е. соответствует варианту ответа «я стал получать меньшее удовлетворение от работы»). И это соответствует тенденциям о появлении признаков профессиональной усталости, которые выражаются в снижении эмоционально-оценочных суждений преподавателей о социально-профессиональной среде, карьерных перспективах, а также в ухудшении пока-

зателей удовлетворенности профессией [14]. При этом молодые преподаватели чаще отмечают, что стали получать большее удовлетворение от работы, чем их коллеги в возрасте старше 34 лет (Гамма=(–)0.299 при $p<0.05$), что свидетельствует о наличии меньшей профессиональной усталости среди молодых сотрудников.

Молодые преподаватели менее уверены в завтрашнем дне, чем опытные сотрудники, что характеризуется как неустойчивым положением молодого специалиста в вузе, так и тем, что эти возрастные подгруппы молодых и опытных преподавателей по-разному относятся к происходящим изменениям в образовательной среде и различно адаптируются к ним. Для молодых характерно построение активной стратегии, предполагающей принятие решений в изменяющихся условиях, а старшие возрастные когорты используют «приспособительные» стратегии [23].

Те, кто отмечают неопределенность текущей ситуации, также обращают внимание и на непредсказуемость будущего. Соответственно, те преподаватели, которые воспринимают настоящее как спокойную и предсказуемую среду, с большей уверенностью смотрят в будущее и предполагают, что неопределенностей в образовательной среде станет меньше (d Сомерса=0.287 при $p<0.05$).

Несмотря на высказанное в целом мнение об увеличении неопределенности в профессиональной деятельности, молодые преподаватели отмечают уверенность в своем профессиональном будущем. Это демонстрируется их ответами на вопрос о том, справятся ли они с требованиями, которые сейчас предъявляются к работе преподавателя. Большая часть респондентов (72%) отметили, что уверены в том, что справятся, лишь 5% молодых преподавателей высказали некоторое сомнение по этому поводу. Однако стоит подчеркнуть, что более молодые преподаватели в меньшей степени уверены в своих способностях и силах справиться с предъявляемыми требованиями вуза, чем их старшие коллеги (Лямбда=0.076 при $p<0.05$).

Таким образом, с одной стороны, молодые преподаватели отмечают достаточно стабильную и спокойную обстановку при работе в университете сегодня, с другой – указывают на то, что неопределенности становится со временем больше, и эту тенденцию транслируют на будущее положение работника университета.

Проведенный кластерный анализ показывает следующее: в отношении к наличию неопределенности в работе в университете преподавателей можно поделить на две группы. Первая группа – более уверенные сотрудники, которые чаще отмечают спокойность и предсказуемость в текущей работе преподавателя, они уверены, что смогут осуществить свои профессиональные планы, работая в университете, также данная группа преподавателей высказывается неопределенно о прошлой и будущей ситуации (они частично соглашаются или не соглашаются с увеличением непредсказуемости образовательной среды). Вторая группа – это менее уверенные преподаватели: с одной стороны, они отмечают повышение неопределенности в работе преподавателя как за последние 2–3 года, так и в ближайшем будущем, с другой стороны, они в большей степени не уверены в своем профессиональном будущем при работе в университете и отмечают большую неопределенность работы в университете по сравнению с преподавателями, попавшими в первую группу.

В целом по университету среди преподавателей к первой группе более уверенных сотрудников относятся те, кто планируют увеличить свою нагрузку в университете или никак ее не изменять, а ко второй группе с большей вероятностью относятся планирующие сократить нагрузку, сменить место работы или совсем завершить трудовую деятельность (d Сомерса=0.112 при $p<0.05$). Это логично, т.к. неуверенные в своем будущем в университете хотят сменить место работы.

Интересен тот факт, что относительный риск оказаться в группе уверенных сотрудников среди опытных преподавателей выше для мужчин (RR=1.464; с 95% CI–1.083–1.943). Среди же молодых преподавателей наблюдается обратная ситуация: молодые преподаватели-женщины чаще относятся к группе уверенных в своем профессиональном будущем в университете, чем молодые преподаватели-мужчины (Гамма=0.262 при $p<0.05$). Ко второй группе неуверенных сотрудников чаще относятся молодые преподаватели-мужчины в возрасте до 34 лет включительно. Стоит подчеркнуть, что существует проблема ухода молодых преподавателей из вузов после защиты кандидатской диссертации в поисках более прибыльной работы, например в коммерческом секторе. Возможно, что это в большей степени касается мужчин, чем женщин, т.к. для мужчин ценность получения высокого заработка занимает, как правило, одно из первых мест.

Что касается молодых преподавателей, то неуверенными чаще оказываются сотрудники с небольшим стажем работы в вузе (Лямбда=0.100 при $p<0.05$), как имеющие, так и не имеющие ученую степень, с низким уровнем удовлетворенности работой в университете (Гамма=(–)0.512 при $p<0.05$), сфера интересов неуверенных преподавателей находится ближе к научно-иссле-

довательской деятельности (Гамма=(–)0.255 при $p<0.05$). Представители этой группы молодых преподавателей чаще отмечают отсутствие уверенности в том, что не потеряют работу в университете (RR=1.905).

Неуверенные молодые преподаватели не ощущают своей принадлежности к университету (Фи и V Крамера=0.351 при $p<0.05$). Если говорить в целом о молодых преподавателях, то их уровень лояльности к университету ниже, чем у опытных преподавателей, однако он практически не связан с разделением на группы уверенных и неуверенных преподавателей.

По мнению уверенных молодых преподавателей, именно университет предлагает реализовывать их возможности и если они покинут его, то лишатся этого (Гамма=0.473 при $p<0.05$); неуверенные же, напротив, отмечают, что реализоваться можно и вне стен университета. Это также подтверждает вывод о наличии желания уйти из университета в поисках другой работы среди молодых преподавателей, выделенных в группу «неуверенных».

В отличие от группы уверенных молодых преподавателей для неуверенных преподавателей важно выделение таких аспектов в работе, как возможность влиять на развитие и формирование студентов (RR=1.5) и внести свой вклад в образование и науку (RR=1.976). Менее важными аспектами работы неуверенные называют наличие удобного графика (RR=0.692) и возможность реализовать свои знания и способности (RR=0.623). Потенциал и амбиции чувствующих себя невостребованными в стенах университета преподавателей достаточно высоко ими оцениваются, однако они не чувствуют поддержки развития своих возможностей со стороны внешней образовательной среды, в частности это связано с материальной составляющей работы преподавателя. Так, в группу неуверенных молодых преподавателей попали те, кто в большей степени не согласен с распределением работы и вознаграждения за нее и считает существующее распределение несправедливым (RR=2.399), эти молодые преподаватели в отличие от уверенных говорят о недостатке возможностей для развития и повышения квалификации (RR=4.184).

Среди негативных аспектов работы преподавателя представители этой группы отмечают наличие неважного контингента студентов (RR=2.558). В совокупности с выделенной выше возможностью влиять на развитие студентов, которая является важной составляющей работы в университете для молодых преподавателей в возрасте до 34 лет, этот аспект может послужить фактором для поиска той работы, которая будет удовлетворять требованиям молодого преподавателя (например, уход в престижные учебные заведения, где отбор учащихся происходит более жестко).

Отношение к управлению вузом различается у преподавателей, отнесенных в группы уверенных и неуверенных. Группа неуверенных молодых преподавателей отмечают, что руководство университета не прислушивается к их мнению, не учитывает его (d Сомерса=(–) 0.341), уверенные же преподаватели не соглашаются с этим утверждением. В университете не заботятся о социальной защите сотрудников, по мнению молодых преподавателей, попавших в группу неуверенных (Гамма=(–)0.348). Также неуверенные преподаватели не видят, чтобы в университете по достоинству оценивали заслуги и вклад сотрудников (Гамма=(–)0.577), и не соглашаются с решениями руководства университета (Гамма=0.546).

Относительно участия в научно-исследовательской деятельности стоит подчеркнуть, что среди молодых преподавателей неуверенные чаще совместно с коллегами занимались такими видами деятельности, как подача заявки для получения финансирования на проведение исследования (RR=1.915), чаще уверенных преподавателей готовили документы на получение патентов (RR=4.785), организовывали выставки и конференции (RR=1.572), а также занимались научной работой со студентами (RR=1.357). В 2 раза чаще неуверенные молодые преподаватели получали финансирование по грантам и другим контрактам (RR=2.155), чем уверенные, что свидетельствует о большом научно-исследовательском потенциале этой группы молодых преподавателей. Именно их привлекают для участия в исследовательских группах старшие, более опытные коллеги.

Таким образом, к группе риска относятся те преподаватели, которые не удовлетворены текущей ситуацией в университете и не уверены в своем будущем внутри вуза. К данной группе можно отнести как в целом молодых преподавателей, т.к. они чаще попадают во вторую группу «неуверенных преподавателей», так и в частности тех молодых преподавателей, которые не чувствуют своей сопричастности к происходящему в университете, не видят своей востребованности в стенах вуза, особенно в научно-исследовательской сфере. Несколько чаще в эту группу попадают мужчины, которые фактически находятся в стадии поиска такой работы, которая будет удовлетворять их требованиям.

Выводы и рекомендации

Работа преподавателя в современном российском вузе носит интегративный характер. Даже молодой преподаватель вынужден совмещать педагогическую и научную деятельность, руководить курсовыми и выпускными квалификационными работами, заниматься фандрайзингом и содействовать внеучебной активности студентов. Неясность будущего вузовского образования в связи с активным распространением информационных технологий, ростом популярности дистанционных форм обучения, средовых форм образования, а также нелинейность развития российского образования заставляют сотрудников вузов действовать в ситуации высокой (и нарастающей) неопределенности. Преподаватели формирующуюся среду риска осмысливают по-разному, выбирают различные стратегии адаптации.

Проведенный анализ показал, что чем старше и опытнее преподаватель, тем более спокойной ему представляется работа в университете. Молодые преподаватели (особенно без ученой степени) в большинстве своем не склонны называть работу в вузе ни «полностью», ни «скорее спокойной и предсказуемой». Они чаще, чем их коллеги в возрасте 35 лет и старше, сомневаются в том, что сохранят работу.

Проведенный кластерный анализ показал, что молодые преподаватели, заявляющие о своей неуверенности в работе в вузе, фактически воспринимают его как непостоянное место работы, планируя сократить нагрузку или сменить место работы.

Настораживает тот факт, что велика вероятность попадания в группу неуверенных у тех преподавателей, чьи интересы находятся ближе к научно-исследовательской сфере. Если для вуза одним из приоритетных направлений развития является поддержка науки и преобразование университета в центр не только образования, но и научных изысканий, то основной акцент должен быть сделан на преподавателях-исследователях и поддержке их работы. По результатам исследования же получается обратная ситуация, при которой молодой преподаватель-исследователь, участвующий в научно-исследовательской работе, получившей финансирование, оказывается незаинтересованным в работе в вузе, т.к. понимает, что может быть более востребован и материально обеспечен, работая в другой организации или сфере.

Стоит подчеркнуть необходимость проведения специальных мероприятий по поддержке молодых преподавателей со стороны администрации вуза. Это касается как «неостепененных» сотрудников, которые еще не могут в полной мере осуществлять научно-исследовательскую деятельность наравне с более опытными коллегами, так и молодых преподавателей со степенью, которых может привлекать работа в университете при условии удовлетворения и материальных, и нематериальных потребностей [12, 14].

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017).

2. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 29.12.2014 № 2765-р.

3. Орлова М.А. Терминология и классификация понятия «неопределенность» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 7 (87). С. 43–46.

4. Райчук Д.Ю. Аудиторная нагрузка ППС в свете мирового опыта // Высшее образование в России. 2016. № 1. С. 105–112.

5. Батракова И.С., Бордовский В.А., Тряпицын А.В. Профессиональная компетентность преподавателя высшей школы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 5 (80). С. 28–34.

6. Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Академическая профессия и идеология «медленной науки» // Высшее образование в России. 2016. № 10 (205). С. 62–70.

7. Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования 2017 года. URL: http://stat.miccedu.ru/info/monitoring16/LO-27-05vn.pdf (дата обращения: 28.05.2018).

8. Программа развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет» на 2010–2019 годы. Одобрена Распоряжением Правительства РФ от 13.09.2010 № 1543-р.

9. План мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности («дорожная карта») федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» на 2016–2020 годы. URL: https://www.kantiana.ru/5-100/form_ru.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

10. Целевые индикаторы // Программа развития федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» до 2020 года. URL: https://cdnimg.rg.ru/pril/45/48/13/1617_2-1.gif (дата обращения: 29.05.2018).

11. Назарова И. Трудовые нагрузки: усилия и результаты (преподаватели вузов) // Высшее образование в России. 2005. № 10. С. 37–41.

12. Березовская Е.А., Крюков С.В. Привлечение и сохранение молодых преподавателей в системе высшего образования // Высшее образование в России. 2014. № 6. С. 117–122.

13. Фадеева И.М., Федосеева М.В. Самочувствие преподавателя в обществе, профессии, вузе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 153–163.

14. Березовская Е.А. Молодые преподаватели: потребности и возможности их реализации в вузе // Высшее образование в России. 2016. № 11 (206). С. 97–102.

15. Ефимова Г.З. Учителя-мужчины и учителя-женщины: общее и различное в социологических портретах // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7. № 5. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/137PVN515.pdf (дата обращения: 30.05.2018).

16. Статистический сборник ВШЭ «Индикаторы науки: 2018». URL: https://www.hse.ru/primarydata/in2018 (дата обращения: 30.05.2018).

17. Рыбцова Л.Л. Жизненные ценности женщин // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 26–30.

18. Рощина Я.М. Трудовые стратегии преподавателей вузов // Информационно-аналитические материалы по результатам социологических обследований. 2015. № 12. URL: https://memo.hse.ru/news/162396102.html (дата обращения: 20.05.2018).

19. Попова О.И. Преподаватель вуза: современный взгляд на профессию. Опыт социологического исследования // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 112–119.

20. Молодежь и политика: точки соприкосновения / ВЦИОМ 22.05.2017. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1285 (дата обращения: 15.05.2018).

21. Иванова Е.А. Публикационная активность российских ученых в рейтинге «SCOPUS» (риски реформирования) // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 1. С. 15–24.

22. Давыдова И.А. Профессиональный стресс и удовлетворенность работой преподавателей российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 169–183.

23. Семенова В.В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 158–169.

THE STATUS OF A YOUNG UNIVERSITY TEACHER IN THE CONDITIONS OF MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION: RISKS AND THEIR PERCEPTION

E.A. Balezina

Perm State National Research University

The reforming of the higher education system involves the creation of a new management model and the modernization of the established customary forms of relations, which leads to increased uncertainty in the work of a university teacher. This affects the status of the young university teacher, who is exposed to the risks to a greater extent. The aim of the article is to characterize the peculiarities of young university teachers' perception of their position in the university when uncertainty and risks of the educational environment increase due to its modernization. The article is based on an analysis of the results of the questionnaire survey of young and experienced teachers of the Perm State National Research University. Young university teachers under the age of 35 are characterized by a lower degree of loyalty to the university, they point out such negative features in the teacher's work as tight control by the administration and greater work intensity. Cluster analysis was carried out, and groups of young teachers either confident or insecure in their work at the university were identified. Insecure young university teachers do not feel that they belong to the university. In their opinion, the merits and contributions of employees are not duly appreciated at the university. The most vulnerable group of young university faculty members are male teachers and researchers who are more likely to leave the university in search for a new job.

Keywords: young university teacher, risks, uncertainty of the educational environment, perception of risks.

УДК 316.346.32-053.6

СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2018 г.

А.В. Безруков

Безруков Антон Витальевич, младший научный сотрудник
Пермского центра социального партнерства и социологических исследований
при Пермском государственном национальном исследовательском университете
zaratustra23@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.05.2018
Статья принята к публикации 23.10.2018

Статья посвящена соотношению аксиологических моделей (жизнетворчество, конформизм, самоутверждение, самоотречение) и поведенческих стратегий социального самоопределения в различных сферах самореализации (трудовой, семейной, гражданской). Актуальность темы обусловливается проблематизацией молодежного самоопределения в условиях прогрессирующей неопределенности и плюрализации форм самореализации. Предлагается комплексная концептуализация категории «социальное самоопределение молодежи», описываются его динамическая структура в рамках соотношения процессов социализации и идентификации, основные этапы (интернализация социокультурного контекста, интеллектуальная рефлексия, саморегуляция жизни), элементы (аксиологические модели и поведенческие стратегии социального самоопределения) и виды данного процесса. Под социальным самоопределением понимается процесс внутренних изменений на уровне аксиологических моделей в рамках избираемых поведенческих стратегий. Теоретический анализ основан на материалах эмпирического исследования молодежи, проведенного летом 2017 г. в г. Перми методом анкетирования. Формирование выборки осуществлялось по принципу квотного отбора (пол, возраст, основной род деятельности). В качестве объекта данного исследования выступили молодые люди от 16 до 30 лет. На основе корреляционного анализа выделенных элементов подтверждаются тенденции индивидуализации социального самоопределения современной российской молодежи, обнаруживаются эффекты «обратного» влияния социального давления на возможности «нормативного» социального самоопределения и феномен «бегства от свободы». В заключение анализируются риски самореализации в условиях принудительной модернизации российского общества «сверху» социального управления, когда молодежь утрачивает субъектность, способности и возможности активной самодетерминации своей жизни.

Ключевые слова: социокультурная модернизация, молодежь, социальное самоопределение, поведенческая стратегия социального самоопределения, аксиологическая модель социального самоопределения, самоутверждение, самоотречение, конформизм, жизнетворчество.

Введение

Социокультурные противоречия в современном мире обусловливаются объективной интенсификацией процессов глобализации, с одной стороны, а также обострившимися потребностями в стабилизации и самосохранении, с другой стороны. В свою очередь, очевидное движение от стабильности к неустойчивости, от преемственности к неопределенности, от унифицированности к разнообразию оказывает существенное влияние на процессы социализации и идентификации. Другими словами, прогрессирующая дифференциация общественной жизни обусловливает дифференциацию индивидуальную. Представляется, что на уровне личности происходит переход от линейной модели самоутверждения к нелинейной модели самовыражения и жизнетворчества.

Наиболее показательной социальной группой, по которой можно судить о происходящих явлениях, традиционно является молодежь. С одной стороны, молодежь активно впитывает в себя все общественные воздействия, ценности и идеалы, чутко реагирует на изменения. С другой стороны, в силу ограниченного характера своего жизненного опыта занимает неустойчивое положение в системе общественных отношений. В условиях интенсивных социальных изменений молодежь сталкивается с проблемой социального самоопределения в пространстве многообразных и противоречивых альтернатив индивидуального и общественного развития.

Таким образом, актуальность социологического исследования процессов социального самоопределения современной российской молодежи обусловлена содержательной неопределенностью провозглашаемой в России социокультурной модернизации и противоречивым статусом молодежи в структуре российского общества.

Опасность неопределенности состоит в том, что она исключает любое рациональное ожидание, надежду и обращенность в будущее, поро-

ждает чувство утраты контроля над настоящим и собственной жизнью. Отмечается, что неуверенность и неопределенность становятся превалирующими в комбинации идентификационных конструктов молодежи [1]. Показательно, что данные некоторых социологических исследований демонстрируют значительный рост опасений молодежи не состояться в жизни, не реализовать свои способности и таланты [2, с. 123].

Одновременно феномен социокультурной размытости ставит молодежь в позицию «стороннего наблюдателя», безразличного к актуальным событиям российского общества. Зачастую современные молодые люди не стремятся, как можно раньше, определить свой жизненный путь и посвятить себя какому-либо делу. Наоборот, они хотят как можно дольше сохранить за собой право выбора, становясь все более индивидуалистичными.

Концептуализация категории «социальное самоопределение молодежи»

Проблема социального самоопределения современной молодежи является довольно обсуждаемой темой в отечественном социально-гуманитарном знании. Одни авторы рассматривают социальное самоопределение в контексте социализации как процесс включения молодого человека во все сферы общественной жизни и достижения относительно равновесного состояния в социальной структуре общества [3, с. 322; 4, с. 261]; другие – более узко, в контексте идентификации с определенной социальной группой или социальной ролью в обществе [5, с. 52; 6, с. 164].

Представляется, однако, что социализация, как наиболее общий процесс, включает в себя и обеспечивает стартовые условия и социальные ресурсы для будущего самоопределения. Идентификация, наоборот, скорее представляет собой «частный случай» процессов социального самоопределения, а идентичность – его достигнутый результат. Если «первичная» социализация сопровождается пассивным усвоением условностей сложившегося социального порядка, копированием социальных ролей, то в результате «вторичной» социализации формируется избирательное отношение к миру, ориентированное на формирование и продвижение определенной идентичности. В этой связи третья группа авторов рассматривают проблему социального самоопределения как проблему поиска и выбора субъектом своего образа и способа жизнедеятельности [7, с. 42; 8, с. 65]. Другими словами, социальное самоопределение выступает связующим процессом между социализацией, идентификацией и достигнутой идентичностью.

Важно отметить, что если в предыдущих социально-исторических порядках самоопределение было жестко детерминировано со стороны принуждающих структур, то человек эпохи модерна обращается к возможности рационального выбора открытых для него возможностей, вариантов самореализации и приобретает «модульный характер» [9, с. 59]. Так одномерная идентичность сменяется многофакторной моделью самоопределения, строящейся по многим параллельным признакам, по которым личность может соотнести себя с многообразием социальных групп. «Выбор, понимание, моделирование развития ситуаций и определение возможных последствий – это необходимые характеристики сознания современного человека» [10, с. 40]. Таким образом, способность сделать выбор в современном обществе приобретает наивысшую ценность [11, с. 472], а социальное самоопределение становится необходимостью индивидуального развития.

Временной, активно-деятельностный и исторически обусловленный характер социального самоопределения молодежи задает его динамическую структуру. Во-первых, происходит интернализация условностей внешнего социокультурного контекста, т. е. всей совокупности условий и факторов социализации, сложившихся и господствующих в данном обществе паттернов идентификации, а также социально одобряемых способов самореализации. С функциональной точки зрения этап усвоения обеспечивает необходимый минимум для нормативного социального самоопределения, успешной интеграции молодого субъекта в общество и взаимную коммуникацию поколений.

Во-вторых, усвоенные образцы подвергаются интеллектуальной рефлексии – этап осознания, оценивания, соотношения и отбора когнитивных феноменов окружающей социокультурной среды. Ее результат – определенная позиция субъекта по отношению к себе, к другим, к обществу, к нормативно-ценностной системе, государству и т. д. В качестве интегральной характеристики всей совокупности позиций рассматривается «аксиологическая модель» социального самоопределения, понимаемая как основная направленность разрешения социокультурных противоречий. В результате анализа соотношения ценностей по методике Ш. Шварца на основе эмпирических данных, полученных в ходе шести волн Европейского социального исследования [12], автором статьи были выделены четыре аксиологические модели социального самоопределения современной российской молодежи [13]: 1) «модель самоутверждения» (сочетает в себе амбициозность, успеш-

ность, властность, богатство); 2) «модель самоотречения» (справедливость, понимание, забота, окружающие); 3) «конформистская модель» (нормативность, подчинение, безопасность, скромность); 4) «модель жизнетворчества» (свобода, независимость, риск, новизна).

Наконец, в-третьих, молодой человек в качестве ответа на условия и воздействия окружающей среды осуществляет саморегуляцию жизни. Представляется, что социальная активность, как своего рода апробация значимых принципов «аксиологической модели» на практике, в случае успешной интеракции закрепляет их в «поведенческие стратегии» самореализации молодежи, иначе ставит перед молодым человеком очередную задачу интеллектуальной рефлексии. В свою очередь, наличие, развитость и степень самодетерминации стратегий социального самоопределения является показателем того, насколько молодой человек стал субъектом собственной жизни.

В зависимости от сфер общественной жизни, в контексте которых самоопределение происходит, можно говорить о трех его видах: 1) трудовое самоопределение относительно места в системе производственных отношений; 2) семейно-гендерное самоопределение, которое затрагивает вопросы полоролевого поведения и реализации биосоциальных функций молодого человека; 3) гражданское самоопределение, формируемое по отношению к основаниям коллективной организации и социально-политической включенности молодых людей. Автором статьи в результате кластерного анализа были выделены стратегии социального самоопределения современной молодежи в различных сферах жизни.

Четыре стратегии трудового самоопределения молодых людей включают [14]: 1) стратегию карьерного роста, реализуемую на основе постоянного профессионального развития и проявления инициативы с целью занятия наиболее высоких позиций в социальной структуре общества; 2) стратегию общественной пользы, сопряженную с ориентацией на стабильность работы и благоприятные условия труда; 3) стратегию свободной занятости, основанную на личных интересах и проявлении инициативы в их продвижении и реализации; 4) стратегию исполнения, ориентированную на простоту трудовой деятельности, гарантии рабочей занятости и заработной платы.

Четыре стратегии семейно-гендерного самоопределения [15]: 1) «традиционная многодетная брачная стратегия»; 2) «однодетная брачная стратегия»; 3) «брачно-ориентированная стратегия с откладыванием рождения»; 4) «антисемейная (бездетная свободная) стратегия».

Четыре стратегии гражданского самоопределения отражают степень социально-политической активности: 1) «аполитичное безразличие» (опирается на представления о собственном бессилии повлиять на принятие управленческих решений); 2) «нормативная безучастность» (неудовлетворенность определенными аспектами высказывается в пассивной форме); 3) «сопереживание протестующим» (характеризуется критическим отношением к ситуации в стране и готовностью предпринимать легальные действия для ее изменения); 4) «протестная активность» (представители этой группы заметно отличаются явной неудовлетворенностью ситуацией в стране, что актуализирует в них потребность социальных изменений и активизирует готовность участвовать в акциях протеста).

Важной характеристикой выделенных этапов, видов и компонентов социального самоопределения является их взаимодополнительность. Обращаясь к соотношению выделенных аксиологических моделей и поведенческих стратегий социального самоопределения молодежи, можно говорить о двух типах реакций в условиях социальных изменений современности: активной и пассивной. Полная пассивность связана с высоким уровнем конформности, сильной внешней детерминацией жизни и выжидательной позицией, надеждой на то, что все как-то само собой образуется. Активность предполагает различные формы социально-экономической адаптации, связанные с использованием трудового, семейного и гражданского потенциала самореализации. Экспериментальный характер активных реакций, однако, обусловливает склонность и готовность молодежи к рискованным действиям и действиям, не одобряемым в обществе, а в широком смысле – «природной аномии молодости по отношению к социальной норме как «чужому» регулятору поведения» [16, с. 64]. Другими словами, активная реакция обусловливает поляризацию молодежи на «противников» и «проводников» социокультурной модернизации российского общества.

Соотношение полученных показателей позволит понять: 1) как модель самоопределения детерминирует поведение; 2) какие следствия вытекают из следования им; 3) каких солидарных действий следует ожидать; 4) каковы потенциал молодежи в качестве проводника социокультурной модернизации современного российского общества и риски индивидуализации ее социального самоопределения. Основная гипотеза при этом состоит в сохраняющейся внешней детерминации (социальной предписанности) и гражданской пассивности традиционных моделей самоопределения и, наоборот,

Таблица

Связь аксиологических моделей и стратегий социального самоопределения, коэффициенты корреляции Спирмена

Стратегии/Модели	Жизнетворчество	Конформизм	Самоутверждение	Самоотречение
Стратегия карьерного роста	**0.347*****	0.109**	**0.248*****	0.231**
Стратегия общественной пользы	0.095*	**0.360*****	0.104**	**0.393*****
Стратегия свободной занятости	**0.350*****	0.037	**0.255*****	0.139**
Стратегия исполнения	0.113*	**0.290*****	0.212***	**0.248*****
Миграционная активность	**0.254*****	**–0.140****	**0.125***	0.063
Семейно-гендерное самоопределение	–0.130***	**0.169*****	–0.035	**0.124*****
Протестная активность	**0.141***	–0.127*	0.031	0.007
Уверенность в будущем	**0.215****	–0.009	**0.262****	0.024
Отношение к конкуренции	**0.181*****	–0.115**	**0.107****	–0.027
Восприятие инноваций	**0.158*****	–0.071	–0.022	0.067
Готовность жертвовать личными интересами	–0.065	0.055	–0.116***	**0.186*****
Необходимость реформ	**0.148*****	–0.092**	**0.114****	–0.102**

Выделены статистически значимые связи. *** Корреляция значима на уровне 0.001. ** Корреляция значима на уровне 0.01. * Корреляция значима на уровне 0.05.

выраженной самодетерминации и гражданской активности моделей, ценностно-ориентированных на социальные изменения, что актуализирует их в контексте социокультурной модернизации современного российского общества.

Результаты исследования и выявленные тенденции

Анализ корреляций позволяет проследить некоторые тенденции. Во-первых, наибольшей силой отличаются коэффициенты связи аксиологических моделей со стратегиями трудового самоопределения. Молодые респонденты, аксиологически ориентированные на модели «конформизма» и «самоотречения», в профессиональном плане чаще избирают исполнительскую и общественно полезную трудовую деятельность при ведущей роли последней. В противоположность им, молодые люди, ориентированные на аксиологические модели «жизнетворчества» и «самоутверждения», прежде всего, в профессиональном плане, чаще направлены на карьеру и личные интересы, соответственно, при ведущей роли последних. В результате, в поисках лучших мест для профессиональной самореализации эта группа молодых людей демонстрирует направленность на возможность миграции (см. табл.). Особенно это характеризует молодых «фрилансеров» 16–19 лет и «карьеристов» 20–24 лет. Вне зависимости от иерархии ценностей представители старшей возрастной группы молодежи не проявляют заметной миграционной активности.

Интересно, что у представителей средней возрастной группы молодежи (20–24 года) высокая значимость ценностей «самоотречения» сопряжена с мотивацией на карьеру, тогда как значимость ценностей «самоутверждения» – на исполнение. Данные группы молодежи отличает рабочий статус занятости (или совмещающей учебу с работой), противоречивый (экстернальный в первом случае и интернальный во втором случае) локус контроля, относительно низкая значимость свободы на фоне повышенной важности «независимости». В результате, можно утверждать, что выявленное противоречие показательно отражает феномен «бегства от свободы» [17], когда первые отчуждаются от себя в пользу карьеры, а вторые самоутверждаются посредством достижения краткосрочных целей (обеспечивающих независимость). Представляется, что такая стратегия исключает возможности индивидуального роста и развития в будущем.

Во-вторых, анализ связи аксиологических моделей со стратегиями семейного самоопределения выявляет направленность моделей конформизма и самоотречения на «традиционные» стратегии семейного самоопределения, т. е. официальное закрепление брачных отношений и рождение более одного ребенка. В данном случае, прежде всего, речь идет о старшей молодежи (25–30 лет). Ориентированные на аксиологическую модель жизнетворчества, наоборот, чаще реализуют «современные» стратегии семейного самоопределения, т. е. отдают предпочтение свободным брачным и/или внебрачным отношениям и однодетному или антидетному репродуктивному сценарию (см. табл.). Последнее является особенно актуальным для младшей молодежи (16–19 лет). Модель само-

утверждения по данному параметру не обнаруживает значимой связи, вероятно, в связи с тем, что в условиях жесткой экономической конкуренции семья одновременно может выступать и как способ самореализации (прежде всего родительская семья), и как ограничивающий ее фактор.

В-третьих, относительно гражданской активности, аксиологическая модель жизнетворчества демонстрирует, хотя и весьма слабую, но статистически значимую, направленность на проявление протестной активности (см. табл.). Подобная ориентация делает данную группу молодежи, у которой на вершине ценностной иерархии расположены свобода и новизна, не только наиболее активной группой населения в социальных изменениях, но и группой, представляющей наибольший риск в связи с возможностью манипулирования сознанием молодых людей со стороны деструктивных акторов общественных отношений.

Анализу возможностей социального давления в исследовании было уделено отдельное внимание. Конформизации молодежи способствует факт активной социальной поддержки со стороны родителей. Наоборот, направленность на жизнетворчество обнаруживает наибольшую поддержку среди друзей и сверстников. Солидаризация молодежи находит свое отражение как со стороны родителей, так и со стороны друзей.

Обнаруживается зависимость направленности стратегий самореализации молодежи в вопросах трудового, семейного и гражданского самоопределения от субъективного ощущения социального давления. Так, факт социального давления со стороны внешних субъектов (родителей, друзей, руководства по месту основной занятости, общественного мнения в целом) обусловливает тенденцию к самоопределению за рамками социальной нормативности. Показательно в этой связи, что в первую очередь группу потенциального протеста составляют молодые люди от 16 до 19 лет, у которых ощущение социального давления вступает в конфликт с повышенной значимостью ценностей «жизнетворчества».

Интересно, что факт отсутствия в ближайшем окружении молодого человека группы единомышленников отрицательно сказывается на «нормативной» направленности самоопределения молодого человека. Наиболее сильной детерминантой направленности на «себя», однако, выступает ощущение полного отсутствия социальной поддержки. Последние демонстрируют наименьшую уверенность в будущем, возможность миграции, критику положения дел в стране и направленность на социальные изменения. Как следствие, молодые люди, лишенные какой-либо поддержки, проявляют тенденции к реализации своего протестного потенциала.

Наконец, ориентированные на модели жизнетворчества и самоутверждения молодые люди демонстрируют наибольшую уверенность в будущем (см. табл.). Последняя сопряжена с более позитивным восприятием конкурентных условий и социальных изменений современности.

В результате проведенного анализа подтверждается гипотетическая поляризация молодежи как социальной группы. Можно говорить о двух группах молодежи в контексте социальных изменений современности: «традиционалисты» и «модернисты». Первые аксиологически ориентированы на модели конформизма и самоотречения, а в поведенческом плане – на «нормативные» стратегии самореализации, не нарушающие устоявшегося социального порядка. Вторые аксиологически ориентированы на модели жизнетворчества и самоутверждения, а в поведенческом плане – на современные стратегии самореализации, зачастую идущие вразрез с коллективистскими установками и потребностями общественной стабильности. Такая направленность позволяет «модернистам», с одной стороны, с опорой на уверенность в будущем выступать проводниками социальных инноваций, с другой стороны, обостряет угрозу всплеска протестной молодежной активности на основе критики, неудовлетворенности социально-экономической ситуацией в стране, ощущения социального давления и социального исключения.

Выводы

Таким образом, социальное самоопределение выступает связующим звеном между процессами социализации и идентификации. Если при рассмотрении молодежи как объекта социализации социальное самоопределение проявляется как мера отношения к своему социальному положению, то при ее рассмотрении в качестве активного субъекта общественной жизни социальное самоопределение представляет процесс выбора и саморегуляции жизни на основе соотношения личных потребностей и общественных требований.

Поскольку «сама жизнь общества – есть противоречивое единство традиций и инноваций» [18], постольку полученные данные демонстрируют, что сочетание традиций и процессов модернизации, с одной стороны, приводит к унификации смысловых моделей и расширению возможностей для самоопределения и социокультурного пространства выбора пове-

денческих стратегий самореализации, с другой стороны, актуализирует потребности в уверенности и стабильности. При этом проводниками нормативного социального самоопределения выступают семейные отношения, а проводниками самореализации – знакомства и дружеские отношения.

Усиление потребности в социальных изменениях обусловливает приверженность индивидуализированным способам самореализации. В качестве последних рассматриваются карьеристские и фрилансерские стратегии трудового самоопределения, партнерские и малодетные стратегии семейно-гендерного самоопределения, а также протестные стратегии гражданского самоопределения. В свою очередь, противоречие традиций и глобализации приводит ориентированную на социальные изменения молодежь к угрозе исключенности локальной, т. е. на уровне патриархального российского общества, против включенности глобальной, т. е. на уровне актуальных социальных трансформаций современности.

Социокультурная модернизация российского общества в этом смысле выступает как «процесс-бумеранг», поскольку смысл ее ясен, но последствия противоречивы. Проблема в том, что современная отечественная модернизация во многом выступает как экзогенный, т. е. внешне обусловленный процесс, тогда как самоопределение молодежи – эндогенный, раскрывающий внутренние потенции в данном времени и пространстве.

Список литературы

1. Гучетль А.Р., Безрукова А.А. Социокультурные конструкты идентичности современной студенческой молодежи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 2. С. 99–104.

2. Зернов Д.В., Иудин А.А., Овсянников А.А. Молодежь на обломках СССР (1991–2013) // Наука и школа. 2015. № 2. С. 121–138.

3. Левичева В.Ф. Социальное самоопределение молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 322–324.

4. Сычева Т.Б. Самоопределение молодежи как процесс формирования жизненной позиции личности // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 3 (3). С. 261–267.

5. Шарова Е.Н., Мулина Т.В. Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 8. № 1. С. 50–68.

6. Русанова А.А. Профессиональное самоопределение в структуре социального самоопределения студенческой молодежи (социологический анализ) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 4. С. 163–172.

7. Акбарова А.А. Социальная активность как элемент социального самоопределения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. Вып. 1 (13). С. 41–45.

8. Пашкевич В.В. Нравственное самоопределение студенческой молодежи: представления, стратегии, ориентации // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2014. № 2(263). С. 64–68.

9. Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М.: МГУКИ, 2002. 146 с.

10. Веселкова Н.В., Ершова Н.В., Прямикова Е.В. Растянутое взросление // Отечественные записки. 2014. № 5 (62). С. 37–48.

11. Захарова Л.Н. Личность в условиях трансформации общества // Современный ученый. 2017. № 5. С. 471–473.

12. The European Social Survey [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europeansocialsurvey.org (дата обращения: 03.06.2016).

13. Безруков А.В. Стратегии социального самоопределения молодежи в рамках аксиологических противоречий переходного российского общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4 (28). С. 111–120.

14. Безруков А.В. Стратегии трудового самоопределения молодежи (на примере исследования молодежи г. Перми) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2017. Вып. 1. С. 283–289.

15. Безруков А.В. Стратегии семейного самоопределения молодежи (на примере исследования молодежи г. Перми) // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (6–7 декабря 2017 г.). Пермь, 2017. С. 183–186.

16. Луков В.А. Теории молодежи: апология их неисчерпаемости // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 58–65.

17. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. Г.Ф. Швейник. М.: Изд-во «АСТ», 2011. 288 с.

18. Стовба А.В., Соколов В.М. Проблемы инновационного развития российского общества [Электронный научный журнал] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20704 (дата обращения: 24.02.2018).

SOCIAL SELF-DETERMINATION OF YOUTH IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

A.V. Bezrukov

Perm State National Research University

The article examines the correlation of axiological models (life-creation, conformism, self-affirmation, self-renunciation) and behavioral strategies of the social self-determination in various self-realization spheres (labor, family, civil). The relevance of the topic is determined by the problematization of the youth self-determination in conditions of progressive uncertainty and pluralization of the forms of self-realization. A complex conceptualization of the category «youth social self-determination» is proposed. We describe its dynamic structure within the framework of the correlation of the processes of socialization and identification, along with its main stages (internalization of the sociocultural context, intellectual reflection, self-regulation of life) and elements (axiological models and behavioral strategies) and types of this process. Thus, social self-determination is understood as a process of internal changes at the level of «axiological models» with the aim of external active adaptation and self-realization within the framework of chosen «behavioral strategies». The analysis is based on the materials of a sociological survey using a quota sample (sex, age, main activity) of young people aged 16 to 30 that was conducted in the summer of 2017 in Perm. On the basis of the correlation analysis, the tendencies of individualization of the social self-determination of contemporary Russian youth are confirmed, the effects of the «reverse» influence of social pressure on the possibilities of «normative» social self-determination and the phenomena of «escape from freedom» are revealed. The risks of self-realization are analyzed in the context of the forced modernization of Russian society imposed from the top of social management downwards, when young people lose their subjectivity, abilities and opportunities for active self-determination of their life.

Keywords: socio-cultural modernization, youth, social self-determination, behavioral strategy of social self-determination, axiological model of social self-determination, self-affirmation, self-renunciation, conformism, life-creation.

УДК 316.3:316.4

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ДИСКУРСЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

© 2018 г.

Л.Г. Лебедева

Лебедева Людмила Геннадьевна, старший преподаватель кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета
ludleb@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.08.2018
Статья принята к публикации 16.10.2018

Социализация личности играет важную роль в самовоспроизводстве общества и обеспечении гармоничной преемственности поколений, необходимой для социальной интеграции и успешного развития общества. В статье анализируются некоторые актуальные проблемы социализации в дискурсе преемственности российских поколений, прежде всего в связи с проблемами социальной интеграции. Особое внимание уделяется необходимости целенаправленного (прежде всего со стороны таких институтов, как государство и образование) формирования и развития таких базовых «смыслов жизни» и «образов будущего» в процессе социализации, которые необходимы для гармоничного взаимодействия поколений и успешной жизнедеятельности социума на всех уровнях. Анализ социологических материалов показывает, что важные ценностные смыслы предыдущих поколений, касающиеся социальной справедливости и социальной ответственности, гражданственности, сохраняют своё значение и для новых поколений. Подавляющее большинство респондентов в разных поколениях отвергает индивидуалистическую и эгоистическую позицию, а бедность воспринимается ими как антипод справедливости. В целом, культивирование государством и системой образования важных «смыслов жизни» и позитивных «образов будущего», общих для всех поколений россиян, является необходимым условием органической солидарности и социальной интеграции разных слоёв и поколений, соответственно, и гармоничной преемственности поколений. Необходимы и более глубокие исследования социализации личности в рамках матрицы «коллективизм – индивидуализм», в том числе в дискурсе преемственности поколений.

Ключевые слова: преемственность поколений, социализация личности, социология поколений, смысл жизни, образ будущего, социальная интеграция, гармоничная преемственность поколений.

Введение

Проблемы социализации личности и преемственности поколений объективно тесно связаны (и взаимосвязаны) друг с другом во многих аспектах. Некоторые из этих аспектов в русле социологии поколений остаются пока без достаточного внимания. В частности, речь о «смыслах жизни» и «образах будущего» в аспекте социализации личности и гармоничности преемственности поколений. Процессы социальной интеграции, в общем плане, включают все аспекты и институты, механизмы и инструменты социализации, различные механизмы и институты преемственности поколений, но в первую очередь семью и образование. И эффективность социализации зависит от того, насколько хорошо будут согласованы личные ресурсы человека и процессы социальной интеграции [1, с. 18]. Важна и сама по себе идея социальной сплочённости, как необходимой составляющей в идущем преобразовании российского общества [2]. А сплочённости общества не может быть без определённой гармоничности во взаимоотношениях разных поколений, их сплочённости, интеграции.

Во всех случаях процессы социализации личности охватывают тех или иных индивидов, но из социализации индивидов складывается более широкий процесс социализации групп и поколений под влиянием как индивидуализированных, так и коллективных, общественных факторов. При этом мы рассматриваем обычно лишь те факторы, которые связаны с более или менее сознательной (осознаваемой) деятельностью людей – индивидов, групп, общностей, организаций, государств. На самом же деле существуют ещё и «мегафакторы социализации» в виде условий космоса, планеты, мира (человечества) [3, с. 21–22], которые не всегда осознаются как факторы социализации. Тем не менее по мере развития общества люди всё больше включаются и в глобальные процессы (в том числе благодаря возможностям транспорта и связи, СМИ, мирохозяйственным отношениям между странами, освоению околоземного пространства), соответственно, испытывают их влияние и вынуждены реагировать на эти мегафакторы социализации.

Проблема самовоспроизводства общества на всех его уровнях является главной проблемой

для любого общества, и в этом заключается стержень проблемы социализации [4, с. 415]. Социализация даёт людям возможность взаимодействовать и обеспечивает сохранение общества в ходе смены поколений [5, с. 95]. При этом действует очень большой круг факторов (или контекстов) социализации – биологических, культурных и социобиологических [5, с. 96–100]. В частности, социологические исследования последних лет показывают важность более глубокого изучения таких обобщающих характеристик личностей, групп и целых поколений, как коллективизм и индивидуализм.

Диалектические взаимосвязи социализации личности (а также групп и поколений) и преемственности поколений, а вместе с этим и соответствующие проблемы социальной политики вообще и молодёжной политики в частности являются весьма актуальными для социологической науки (а также и некоторых других, прежде всего педагогической науки) и управленческой (а также педагогической) практики.

Методологические основы исследования

Истоки современного понимания сути социализации и её связи с преемственностью поколений можно увидеть ещё в трудах Г. Тарда и Э. Дюркгейма. В частности, Г. Тард большое внимание уделял проблеме подражания [6]. Он писал, что «поскольку мы живем социальной жизнью, во всей нашей речи, в поступках, в мышлении мы подражаем другим» и что «наши новшества, большей частью, являются комбинациями прежних примеров» [7, с. 84]. То есть подражание оценивалось в качестве естественного механизма преемственной связи между предшествующими и последующими поколениями. Но у Г. Тарда, по сути, преобладает психологическое объяснение подражания. Социализация же как процесс не может быть ограничена только психологическими механизмами. Не случайно, что с Г. Тардом спорил Э. Дюркгейм, отстаивая принцип «социологизма» («социальности») в противовес принципу «психологизма» в объяснении социальных фактов. Э. Дюркгейм писал, что «индивид испытывает давление постоянно существующего общества, где к действию современников присоединяется действие предыдущих поколений и традиций!» [8, с. 496].

Процесс социализации личности, как и преемственность поколений, не сводится ни к «чисто» психологическим, ни к «чисто» социологическим аспектам и механизмам, а органически объединяет те и другие. Но при рассмотрении проблем преемственности поколений акцент необходим на социологических аспектах и механизмах социализации личности. Важным для социологического понимания социализации личности, а вместе с этим и проблем «поколение» и «преемственность поколений» стало учение Э. Дюркгейма о «коллективном сознании» и учение об органической солидарности членов общества [8]. Указанные подходы учитываются исследователями и в конце XX – начале XXI в.

Э. Гидденс показывает, что, во-первых, в процессе социализации индивидом усваивается культура, во-вторых, благодаря социализации формируется такое качество индивидов, как личность, в-третьих, процесс и результат социализации может осуществляться только на основе социальных взаимодействий [9, с. 34, 54, 65, 72]. Более того, благодаря социализации различные поколения связываются друг с другом [8, с. 54]. Можно также сказать, что для связывания друг с другом различных поколений необходимы определённые «связующие» элементы, а таковыми являются элементы общей культуры, общие социальные ценности.

Важные аспекты социализации проанализированы и обобщены в труде Г.М. Андреевой «Социальная психология» (первое издание вышло в 1978 г.), в котором 16-я глава посвящена социализации [10]. В том числе обращает на себя внимание замечание, что проблема социализации является специфической проблемой именно социальной психологии личности (несмотря на возможность выделения в этой проблеме социологических и общепсихологических аспектов) [10, с. 212].

Многостороннее рассмотрение социализации в социологическом аспекте осуществлено в многотомном труде В.И. Добренькова и А.И. Кравченко «Фундаментальная социология», в рамках которого выделен и специальный том – «Социализация и образование» [4]. Но при этом (что знаменательно) учитываются подходы и решения проблем социализации, наработанные в смежных с социологией науках об обществе и человеке, прежде всего в психологии и социальной психологии, в культурологии и педагогике.

В социально-психологическом и социально-педагогическом аспектах исследование социализации осуществлено в работах А.В. Мудрика [3; 11; 12]. Это относится и к анализу факторов социализации. При этом многие актуальные аспекты социализации, как области междисциплинарных исследований, рассмотрены в русле субъект-субъектного подхода [11]. Научно-практическое значение подобных работ, на наш взгляд, заключается прежде всего в их социально-педагогической направленности, особенно в связи с деятельностью таких социальных институтов, как семья и образование.

Обобщая, можно определить социализацию как двусторонний процесс, который включает в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта, с другой стороны, активное воспроизводство индивидом системы социальных связей за счёт его активной деятельности, активного включения в социальную среду [13]. При этом естественно, что и усвоение индивидом социального опыта, и активное включение индивида в социальную среду (а также и определённое преобразование социальной среды) происходит как в объект-субъектном, так и в субъект-субъектном вариантах. И важнейшим аспектом рассмотрения социализации является оценка исходов социализации, выражаемая в терминах успешности – неуспешности [13].

В любом случае важно учитывать методологическое замечание П.А. Сорокина, что без знания общества и культуры, в которых рождается и растет данный индивид, никакие его личные черты не могут быть поняты [14, с. 185–186]. То есть окружающее человека общество с его культурой выступает в качестве социализирующего окружения, а индивид оказывается в качестве объекта социализации. К этому можно добавить, что в качестве общества и культуры для каждого отдельного индивида выступает первоначально ближайшее окружение (семья); это социализирующее окружение затем расширяется в связи с образовательной, трудовой и общественной деятельностью индивидов. Расширению социализирующего окружения индивида способствуют образование, различные СМИ, интернет-сети [15], а также современные транспортные средства, разнообразные образовательные, спортивные, культурные программы и мероприятия. Индивид по мере взросления и освоения социального пространства и культуры, проявления своей активности в обществе заявляет о себе и в качестве субъекта социализации.

В реальности социализация сочетает процессы направленные (сознательно организуемые) и ненаправленные (стихийные), в которых задействуются, участвуют, проявляют себя многие институты и агенты социализации одновременно [13]. Поэтому все процессы, институты и агенты социализации важно учитывать в комплексе и взаимодействии на разных уровнях.

Поколения – социализация – преемственность поколений. Первоначально индивиды ощущают (в прямом и переносном смыслах) отношения поколений и социализацию в семье. В том числе, в «опытном» варианте индивиды сталкиваются в семье с проблемой родительства как одной из важнейших сторон воспроизводства общества и общественных отношений, включая взаимоотношения и преемственность поколений, на уровне непосредственных взаимоотношений, на микроуровне. Именно в семье ощущается объективная и субъективная необходимость «позитивного родительства» [16] как условия личного и социального благополучия и гармоничной социализации личности.

Поколение в социально-демографическом отношении имеет весьма узкий набор биосоциальных по сути – половозрастных – характеристик в различных возрастных когортах. В социологическом отношении поколение («поколенческая общность») приобретает определённое социально-историческое и социокультурное «лицо». Взаимодействие поколенческих общностей осуществляется преимущественно на мезоуровне и макроуровне. При этом в каждой группе людей – поколенческой общности с примерно одинаковыми возрастными параметрами выделяются свои «герои» (лидеры) и «масса»; в свою очередь, «масса» делится на более или менее активных последователей «героев» и более или менее пассивных обывателей. Именно лидеры становятся выразителями «духа» времени, так или иначе олицетворяющими своё время и свойственные ему тенденции [3, с. 50].

Преемственность поколений – это также определённый социальный институт биосоциокультурного воспроизводства и развития общества, естественно-историческая форма самоорганизации жизнедеятельности общества. Каждое поколение, «созревая» и преобразуясь, в новом качестве вносит свой вклад в обновление общества. Человек, индивид, личность – это не какая-то единица или атом в безвоздушном пространстве, а поле столкновения социально-культурной обусловленности и личностной активности, биологической нужды и социальных требований [17, с. 153].

Социализация предполагает интериоризацию – освоение членами общества норм, прав и обязанностей на уровне внутренней системы ценностей каждого человека [18, с. 122]. А это, в свою очередь, предполагает не только пассивную роль младших (как объекта социализации), но и активную, в той или иной мере, роль (как субъекта социализации). И в этом моменте, в этой двойственности ролей (объекта и субъекта социализации) заложены многие противоречия всех процессов социализации личности и преемственности поколений. В том числе у человека может быть и состояние «жертвы социализации» в результате недостаточной приспособленности к существующим условиям общества [3, с. 59–60]. Причём эта проблема относится не только к младшим, но и к старшим поколениям – в связи с определённой ресоциализацией, осо-

бенно в условиях трансформирующегося общества. Процесс адаптации и социализации в 1990-х гг. по-разному пришлось проходить разным поколениям [19, с. 134]. Состояние «жертвы социализации» пришлось пережить многим россиянам в связи с коренной трансформацией общества.

Социализация личности – социальная интеграция – гармонизация преемственности поколений. Проблема социальной интеграции – одна из актуальных в мировом сообществе. Этой проблеме посвящены специальные аналитические и программные документы ООН, один из которых называется «Социальная интеграция: подходы и проблемы» (1994 г.) [20].

Исследователь М.Ш. Жаннотте (M. Sharon Jeannotte), говоря о социальной интеграции как процессе развития общества, выделяет такие характеристики состояния общества, как стабильность, безопасность и справедливость [21, p. 3].

Мы можем подчеркнуть, что без определённой гармоничности в преемственности поколений недостижима социальная интеграция – так же, как и наоборот. И то, и другое как раз и призвана обеспечивать необходимая обществу социализация личности на всех уровнях жизнедеятельности социума. При этом «необходимая обществу социализация личности» может мыслиться только как «позитивная социализация» [13], которая должна быть органической частью целенаправленной социальной политики государства (во взаимодействии с такими институтами, как семья и образование) в интересах оптимального самовоспроизводства и развития общества.

Нелинейный характер преемственности поколений. Несомненно, обеспечение преемственности своей организации и функционирования является фундаментальной особенностью общества [22, с. 77]. Важным аспектом и характеристикой преемственности поколений является её нелинейный характер. В связи с этим необходимо отметить, что сама по себе идея о нелинейном развитии общества (как почти полной противоположности представлениям линейных эволюционистов) была выдвинута ещё Г. Тардом (по [23, с. 134]). Определённые «зигзаги» преемственности поколений своеобразно проявились в постсоветский период – то как практически полное отрицание всего «советского», то как определённое признание полезности и правильности какого-то опыта из советского периода [24, с. 105].

Ещё одним из факторов нелинейности в преемственности поколений стали особенности формирования и проявления субъектности личности как объективного требования к человеческому капиталу в условиях движения общества к инновационной экономике. По мере формирования субъектности личности человеческий капитал выполняет активные функции по дальнейшему формированию личности в тех или иных направлениях и в зависимости от «наличного» человеческого капитала [25, с. 90–91]. При этом человек должен во все сферы проявления своей жизнедеятельности включить «осмысленное знание о собственных ресурсах, о возможностях самоуправления» [26, с. 91]. Эта ситуация ставит новые вопросы перед социологами и политиками, педагогами и общественностью, в том числе вопросы о смысле жизни, ценностных ориентациях, вокруг которых могла бы выстраиваться социальная интеграция различных социальных групп (в том числе – поколений) сегодня и в будущем, на которые могла бы опираться работа по социализации личности (на всех уровнях – микро-, мезо- и макроуровне), – и речь при этом не только о молодых, но и о старших поколениях.

Всё более заметны в науке новые подходы с более сложными представлениями о социализации личности и преемственности поколений. Это отражает появление таких новых концепций, как «общество знания», «турбулентный социум», «социология жизни» [27]. Через биосоциокультурную преемственность разных поколений поступательно развиваются культура и общество. Каждому поколению необходимо не только «наследовать» и усваивать информацию, знания, нормы, культуру, но необходимо их развивать и дополнять. Социальная общность выступает основным субъектом этого процесса [22, с. 78]. При этом разнообразные общности классового, этнонационального, социально-профессионального и другого характера перемешиваются, «переплавляются» в рамках более широкой социальной общности в форме поколений.

Многие аспекты проблемы поколений, социализации и ресоциализации личности и преемственности поколений ещё ждут своего более глубокого изучения. Это относится также к проблемам «смысла жизни» и «образа будущего» в аспекте социализации личности (и социализации групп и поколений) и гармоничности преемственности поколений.

Материалы и результаты

Социализация личности и «смыслы жизни» поколений. Одним из важнейших пунктов взаимодействия поколений, их преемственной связи является формирование и развитие той или иной системы «смыслов жизни». «С одной стороны, молодежь преемственно наследует, а с

Таблица 1

Ответы на вопрос «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?», %

№ п/п	Абитуриенты (2016 г.) *n*=180			Родители (2016 г.) *n*=150			«Отцы и дети» (1999 г.) *n*=1854		
	Согласен	Не согласен	Не знаю	Согласен	Не согласен	Не знаю	Согласен	Не согласен	Не знаю
1	Тот, кто материально преуспел в жизни, не должен заботиться и помогать тем, кто не добился успеха								
	10.00	77.22	12.78	9.33	82.67	8.00	9.9	71.6	18.6
2	Бедность – это справедливый удел тех, кто оказался неспособным обеспечить благополучие себе и своим близким								
	20.56	60.00	20.00	12.00	63.33	24.67	17.1	65.6	17.3
3	Материального благополучия люди должны добиваться, используя свои способности, а не рассчитывать на помощь государства								
	73.89	15.56	11.11	80.00	14.00	6.00	64.2	24.8	10.9
4	Представители малообеспеченных групп населения должны более строго соразмерять свои потребности со своими доходами								
	57.78	19.44	22.78	66.00	12.00	22.00	54.4	23.3	22.3
5	Родители ничего не должны своим взрослым детям, кроме любви и понимания								
	47.78	34.44	18.33	26.00	67.33	6.67	49.5	35.9	14.7

Таблица 2

Распределение респондентов по возрастным группам

№ п/п	Абитуриенты (2016 г.) *n*=180		Родители (2016 г.) *n*=150		«Отцы и дети» (1999 г.) *n*=1854	
	Возраст (лет)	Доля (%)	Возраст (лет)	Доля (%)	Возраст (лет)	Доля (%)
1	15–16	4.44				
2	17–18	55.00				
3	19–20	30.56			до 20 лет	36.96
4	21–22	4.44			от 20 до 25	14.18
5	23 и старше	5.56			от 25 до 30	8.02
6			до 39 (включительно)	21.33	от 30 до 40	14.18
7			40–49	63.33	от 40 до 50	13.96
8			50–59	12.00	от 50 до 60	6.76
9			60 и старше	3.33	более 60	5.94
	Итого:	100.00	Итого:	100.00	Итого:	100.00

другой – пересматривает смыслы и значения феноменов реальности, придавая им иной смысл. В результате изменяется и сам характер отношений, регулируемый этими новыми смыслами» [28, с. 31–32]. Но во многих случаях в определённых отношениях важные смыслы предыдущих поколений сохраняют своё значение и для новых поколений. Рассмотрим некоторые из них, в том числе с использованием материалов социологических опросов «Выбор абитуриента и его родителей»[1] и «Отцы и дети: диалог или конфликт»[2] (см. табл. 1 и 2).

Так, респондентам предлагалось выразить своё отношение (согласие или несогласие) к ряду утверждений (см. табл. 1).

При этом в опросе «Выбор абитуриента и его родителей» в группе абитуриентов наибольшую часть составили респонденты в возрасте 17–18 лет, то есть родившиеся в начале 1990-х гг., в группе родителей наибольшую часть составили респонденты в возрасте 40–49 лет, то есть родившиеся в 1960-х гг. (см. табл. 2). Исследование «Отцы и дети: диалог или конфликт» в 1999 г. проводилось по общероссийской выборке, включавшей представителей самых разных возрастов (от 14 до 82 лет), со средним возрастом по всей выборочной совокупности в 31.3 года, а доля респондентов до 30 лет составила 59.16% (см. табл. 2). Это позволяет говорить об отражении в данном опросе преимущественно позиции молодежи, родившейся в конце 1960-х – в 1970-х гг., то есть близких по возрасту к категории «родители» в опросе «Выбор абитуриента и его родителей», а также об отражении позиции представителей более старших возрастных групп и поколений в обоих опросах, но в меньшей степени.

Материалы указанных опросов показывают, что, с одной стороны, каждое из поколений (родившиеся в начале 1990-х гг., родившиеся в конце 1960-х – в 1970-х гг., родившиеся в 1960-х гг. и ранее) оказывается разнородным в своих позициях в отношении индивидуализма и коллективизма, эгоизма (заботы о себе) и альтруизма (заботы о других), социальной ответственности, в той или иной мере. Но во всех вариантах ответов доли респондентов из разных поколений практически одинаковы или очень близки.

Например, подавляющее большинство (около четырёх пятых) респондентов – абитуриентов и их родителей высказали несогласие с утверждением: «Тот, кто материально преуспел в жизни, не должен заботиться и помогать тем, кто не добился успеха», отвергая тем самым индивидуалистическую и эгоистическую позицию. Близкие к этому результаты и в опросе 1999 г.

По утверждению «Бедность – это справедливый удел тех, кто оказался неспособным обеспечить благополучие себе и своим близким» доля выразивших своё несогласие практически одинакова (почти две трети) в группах родителей и абитуриентов. Бедность воспринимается как антипод справедливости. В то же время значительная доля ответов (пятая часть) в духе согласия среди абитуриентов свидетельствует об определённом «воспитательном» влиянии условий рыночной экономики именно на молодое поколение. Близкие, но более критичные к индивидуалистическому «рыночному духу» результаты в опросе 1999 г.

Близкие по «духу» (в пользу ценностей социальной справедливости и социальной ответственности, гражданственности) оказались распределения мнений у разных групп респондентов и по поводу утверждений: «Материального благополучия люди должны добиваться, используя свои способности, а не рассчитывать на помощь государства»; «Представители малообеспеченных групп населения должны более строго соразмерять свои потребности со своими доходами». Респонденты не настроены перекладывать на плечи государства заботы о своём материальном благополучии, но голосуют за то, чтобы те, кто материально преуспел в жизни, проявляли благотворительность. Речь можно вести также о достаточно высокой гражданской ответственности, проявляемой опрошенными.

Результаты опросов свидетельствуют о моральной позиции в пользу социальных ценностей социальной справедливости, гражданственности и социальной ответственности. Некоторые различия в распределении ответов в выборочной совокупности абитуриентов и родителей не носят принципиального характера. Близкие к этому результаты в опросе 1999 г. проявляют влияние относительного социального равенства советской поры.

Некоторые особенности оказались в распределении ответов на вопрос-утверждение: «Родители ничего не должны своим взрослым детям, кроме любви и понимания». Дети (абитуриенты) оказываются более уважительными (и неэгоистичными) в отношении родителей, чем родители в отношении самих себя. Результаты опроса 1999 г. и в данном вопросе-утверждении оказались несколько более категоричными (в пользу уважения к родителям).

Мировоззренческий «дух», важные жизненные смыслы оказываются очень близкими, родственными у разных поколений, хотя это не отрицает наличия тех или иных проблем во взаимоотношениях поколений.

Приведённые данные опроса «Выбор абитуриента и его родителей» касаются не просто представителей молодых и старших поколений, а практически буквально детей и их родителей (соседних генеалогических поколений), что повышает «показательность» результатов опроса. Результаты этого опроса оказались близкими и аналогичными по сути результатам опроса «Отцы и дети: диалог или конфликт» в 1999 г. по общероссийской выборке.

Определённый «дух» времени и его тенденции, смыслы жизни и ценности (в частности, социальные ценности социальной справедливости, гражданственности и социальной ответственности, уважения к старшим поколениям) передаются, в той или иной мере, новым поколениям россиян в процессе социализации в форме преемственности поколений и отражают национально-гражданскую идентичность россиян.

Обсуждение

«Смысл жизни» и «образ социального будущего». Каждое поколение – разновидность социальной общности в широком смысле слова со свойственной ей системой «смыслов жизни». И существует связь между такими понятиями (явлениями), как «смысл жизни» и «образ социального будущего» (коротко: «образ будущего»). В том и в другом понятии заключается в интегрированном виде субъективно-объективное видение (индивидуально-социальное представление) как со стороны личности своего места и роли в социуме, так и со стороны социума своих перспектив, планов и прогнозов развития [29, с. 377]. Однако в процессе социализации молодежи проявляются, с одной стороны, недостаточная сформированность образа будущего, с другой стороны, приоритет индивидуального в построении жизненных траекторий. В рамках этого противоречия проявляется вариативность построения образа будущего [30, с. 94].

На выбор индивидами, молодёжью и конкретное построение той или иной траектории жизни влияет, безусловно, противоречивая и динамичная среда, которая содержит, в том числе, те или иные социальные риски и возможности девиаций [31], иначе говоря, риски для позитивной социализации [13]. Важно содействовать молодёжи в обретении положительных смысло-

жизненных ориентиров и в избегании асоциального поведения. И особая ответственность в привитии молодёжи просоциального поведения лежит на более старших поколениях.

Наше поведение является результатом взаимодействия между тем, что происходит в нашем сознании, и событиями окружающего мира, между тем, как мы ощущаем себя, и нашим социальным окружением [32, с. 64]. И понять человека можно только через его социальную общность [22, с. 77]. Признавая поколение в качестве определённой социальной общности, мы признаём также, что важным аспектом понимания человека является объективное знание и понимание его поколения в целом (при всех оговорках об индивидуальных особенностях каждого).

О солидарности поколений. Существуют разнообразные факторы, которые противодействуют солидарности, прежде всего различные виды неравенств, на которые было обращено внимание на Всемирном конгрессе социологов в 2014 г. [33]. Неравенство социальное (прежде всего в виде безработицы и болезней) убивает, приводит к преждевременной смерти значительное число людей [34]. Надо стремиться сгладить существующие несовершенства общественного устройства благодаря такой социальной политике, которая обеспечила бы социально нормальное развитие всех основных групп населения. При этом, когда речь ведётся о необходимости каких-то «равных» возможностей молодёжи и стариков, то, на наш взгляд, точнее говорить не только (и не столько) о равных буквально, сколько об адекватных возрасту возможностях полноценного участия во всех сферах жизнедеятельности и видах социальной активности. В том числе необходимо обеспечивать не только защиту и поддержку, но также сохранение и развитие социальной субъектности пожилых людей [35, с. 64].

Исследования показывают, что в сегодняшней России существуют серьёзные проблемы с обеспечением социальной поддержки проводимых реформ [36, с. 16]. Вместе с этим есть проблемы и в отношении социальной интеграции. Но знаменательна достаточно определённая национально-гражданская идентичность – патриотическое отношение к стране, желание сохранить её культуру и защищать свой гражданский статус [37, с. 94–95]. В этом факте отражается и влияние советского периода, в том числе благодаря тому, что идеи этого периода до сих пор транслируются политиками и общественными деятелями и могут усваиваться молодыми россиянами [38, с. 43–44]. Иначе говоря, действуют механизмы социализации и связи поколений. Социальные реформы в связи с программой модернизации и утверждение социального государства способны обеспечить реальное благосостояние не только «избранных», но всего общества, а вместе с этим на деле осуществлять принцип социальной справедливости [39, с. 43]. Именно этому благоприятствует существующая национально-гражданская идентичность россиян.

Вместе с тем нельзя обойти вниманием и определённые противоречия, связанные с проблемой социальной справедливости, которые неизбежно отражаются и на социализации личности.

Несомненно, что чувство справедливости как социальный феномен является продуктом социализации [40, с. 26]. При этом на практике оказываются не один-единственный тип справедливости, а два весьма различных типа справедливости, что обусловлено различным положением субъектов (индивидов, групп) в общественной системе и соответствующими традициями общества. Так, в одних случаях даёт о себе знать «коллективистский тип», обусловленный заботой об общем благе (забота о справедливости «для всех»); в других случаях речь идёт об «индивидуалистическом типе», обусловленном заботой о личном благополучии (забота о том, чтобы «жить не хуже других», а то и лучше других) [41]. Таким образом, проблема социальной справедливости оказывается в рамках противоречивой матрицы «коллективизм – индивидуализм».

Существуют, однако, и теоретические представления о возможности преодолеть противоречия между индивидуализмом и коллективизмом. Например, сторонники «коммунитаризма» усматривают в ряде западных культур смесь индивидуализма и коллективизма в коммунитаристском духе, смесь защиты индивидуальных прав и общественного благополучия, свободы и братства, я-мышления и мы-мышления [32, с. 255]. В таком случае коммунитаризм можно рассматривать и как путь преодоления некоторых противоречий между современными поколениями.

Противоречивость проблемы социальной справедливости требует более глубоких исследований, в том числе проблем социализации личности. В частности, необходимы исследования социализации личности в рамках матрицы «коллективизм – индивидуализм» и применительно к дискурсу преемственности поколений.

Заключение

Социологические данные свидетельствуют о присущей разным группам и поколениям россиян моральной позиции, которая достаточно

определённо говорит в пользу социальных ценностей социальной справедливости, гражданственности и социальной ответственности, уважения к старшим поколениям, этому благоприятствует и существующая национально-гражданская идентичность россиян.

Проблема социальной справедливости, а вместе с этим и «социальности» государства является одной из особенно «чувствительных» в дискурсе преемственности поколений. Оптимальный путь развития российского общества и преемственности поколений связан с утверждением социальности, которая является органической составной частью («душой») всех общественных структур и взаимосвязей [42, с. 315], а также и с утверждением социального государства как адекватной формы социальности в современных российских условиях. В связи с этим объективно возникают вопросы о соответствующей социальной политике в целом и отдельных специальных направлениях социальной политики, прежде всего в отношении молодых поколений и в отношении старших поколений, учитывающих их специфические проблемы и потребности.

Благодаря постепенному включению в общественную практику и социальному созреванию молодёжь приходит к самосознанию себя как поколения. Однако необходимо более активное и целенаправленное культивирование важных «смыслов жизни» (прежде всего принципов и ценностей социальной справедливости, социальной ответственности, гражданственности, уважительного и заботливого взаимоотношения поколений) и «образов будущего» (прежде всего социального государства) в качестве морально-идеологической основы, благоприятствующей позитивной социализации молодых поколений, а вместе с этим солидарности разных слоёв и гармоничной преемственности российских поколений.

Необходимы также более глубокие исследования социализации личности в дискурсе преемственности поколений, в том числе в рамках матрицы «коллективизм – индивидуализм» и в аспекте перспектив коммунитаризма.

Примечания

1. Выбор абитуриента и его родителей: материалы социологического опроса (июнь – июль 2016 г.) на базе Самарского государственного экономического университета; рук. Л.Г. Лебедева (на правах рукописи). В опросе участвовали 180 абитуриентов и 150 родителей абитуриентов в период работы приёмной комиссии в Самарском государственном экономическом университете. Выборка случайная.

2. Материалы Всероссийского социологического опроса «Отцы и дети: диалог или конфликт», 1999 г. НИИКСИ СПбГУ; рук. В.Т. Лисовский (на правах рукописи). Опросом было охвачено 1854 респондента в возрасте от 14 до 82 лет по общероссийской выборке.

Список литературы

1. Захарова Л.Н. Модель ролевой социализации личности в образовательном процессе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 3 (31). С. 18–25.

2. Осадчая Г.И. Сплоченное общество как идея и вектор инновационного преобразования российского общества // Социальная политика и социология. 2011. № 2. С. 21–31.

3. Мудрик А.В. Социально-педагогические проблемы социализации: Монография. М.: МПГУ, 2016. 154 с.

4. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 8: Социализация и образование. М.: ИНФРА-М, 2005. 1040 с.

5. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.

6. Тард Г. Законы подражания / Пер. с фр. Ф. Павленков. М.: Академический проект, 2011. 304 с.

7. Тард Г. Социальные законы / Пер. с фр. И.Д. Маркусона // Социология. Сост. В. Зомбарт. Едиториал УРСС, 2003. С. 81–88.

8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. 575 с.

9. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.

10. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с.

11. Мудрик А.В. Социализация человека. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. 623 с.

12. Мудрик А.В. Социализация вчера и сегодня. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 431 с.

13. Волкова Е.Н., Вереитинова Т.В., Волкова И.В., Михалюк О.С. К определению понятия позитивной социализации молодежи // Вестник Мининского университета. 2016. № 2(15). URL: https://vestnik.mininuniver.ru/index.php/jour/pages/view/contacts; https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/210/211.

14. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

15. Запесоцкий А.С. Образование и средства массовой информации как фактор социализации современной молодежи. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. 464 с.

16. Волкова Е.Н., Фадеева М.В. Статус позитивного родительства в процессе социализации современной молодежи // Научное мнение. 2016. № 11. С. 10–21.

17. Григорьева И.А. Развитие теоретических подходов к социальной политике в 1990–2000-х годах // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 145–155.

18. Социология: концепции, отраслевые теории и методика прикладного исследования / Науч. ред. В.Г. Зарубин. Вып. 3. Ростов н/Д: Легион-М; СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. 512 с.

19. Лебедева Л.Г. Преемственность поколений в дискурсе менеджмента проблем социального государ-

ства в России // Вестник Самарского муниципального института управления. 2015. № 3. С. 132–138.

20. Social Integration: Approaches and Issues // UNRISD Briefing Paper No. 1 World Summit for Social Development. United Nations Research Institute for Social Development. March 1994. URL: https://ru.scribd.com/document/56048956/Social-Integration-Approaches-and-Issues-UNRISD-publication-1994

21. Jeannotte M.S. Promoting Social Integration. URL: http://www.un.org/esa/socdev/social/meetings/egm6_social_integration/documents/Jeannotte_Concepts.pdf

22. Зборовский Г.Е. Общностный подход как методология социологического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 71–79.

23. Курамшев А.В., Широков А.А. Социология социального и ассоциаций: Эмиль Дюркгейм и Габриель Тард об изменениях в обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 131–138.

24. Лебедева Л.Г. «Зигзаги» преемственности поколений как фактор проблем в социализации молодёжи // Общество и человек. Теоретический и научно-практический журнал по гуманитарным наукам. 2015. № 1-2 (11). С. 100–106.

25. Дудин Г.А. Профессионализм, социализация и человеческий капитал // Наука XXI века: актуальные направления развития / Самарский гос. экон. ун-т. 2017. № 1-1. С. 89–92.

26. Попова Т.А. Исследования представлений о смысле жизни у подростков и юношей методом логоарт-терапии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 1. С. 90–97.

27. Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 4–6.

28. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 12–48.

29. Мехришвили Л.Л., Гаврилюк В.В., Гаврилюк Т.В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 369–394.

30. Дедова В.К. Роль образа будущего в процессе социализации молодежи в условиях информационного общества [Электронный ресурс] // Социальные явления / Институт исследования общественных явлений. 2013. № 1 (2). С. 90–94. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=25419589

31. Волкова Е.Н., Вереитинова Т.В., Дмитриева В.А., Михалюк О.С. Проблемы социализации российской молодежи: социальные риски и девиации // Петербургский психологический журнал. 2016. № 15. С. 70–91.

32. Майерс Д. Социальная психология: Пер. с англ. СПб.: Питер, 1997. 688 с.

33. Ильин В.И. Всемирный конгресс социологов: лицом к лицу с социальным неравенством // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3 (74). С. 186–197.

34. Therborn G. The Inequality of Life and Death // Social Europe. 2014. Aug. 6. URL: https://www.socialeurope.eu/inequality-of-life-and-death

35. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Пожилой человек в Центральной России // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 54–65.

36. Балабанов С.С., Куконков П.И. Метаморфозы социальной активности в реформируемой России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 1 (29). С. 12–16.

37. Стрункина Т.С., Шмелева Е.А. Факторная структура социокультурных потребностей студенческой молодежи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 91–98.

38. Пипия К.Д. Идентификационные портреты россиян (на данных The ISSP и Левада-Центра) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 38–50.

39. Дудин Г.А. Тенденции и проблемы социального управления на пути к социальному государству // Проблемы развития предприятий: теория и практика: Материалы 14-й Междунар. науч.-практ. конф. В 3 ч. Ч. 3. Самара, 2015. С. 42–44.

40. Данилова Е.Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2 (10). С. 18–50.

41. Наумова Н.Ф., Роговин В.З. Задача на справедливость // Социологические исследования. 1987. № 3. С. 12–23.

42. Бекарев А.М., Бурнашев К.Э. Многомерность социального пространства: организационно-управленческий аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 312–316.

SOCIALIZATION OF PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF THE CONTINUITY OF GENERATIONS

L.G. Lebedeva

Samara State University of Economics

Socialization of the individual plays an important role in the self-reproduction of society and in ensuring the harmonious continuity of generations necessary for social integration and successful development of society. The article analyzes some current problems of socialization in the discourse of continuity of Russian generations, first of all, in connection with the problems of social integration. Special attention is paid to the need to form and develop (primarily, by such institutions as the state and the education system) such basic «meanings of life» and «images of the future» in the process of socializa-

tion, which are necessary for harmonious interaction of generations and successful life activity of society at all levels. The analysis of sociological materials shows that important value meanings of previous generations concerning social justice and social responsibility and citizenship retain their significance for new generations. The overwhelming majority of respondents in different generations reject individualistic and selfish attitudes, and poverty is perceived by them as the opposite of justice. In general, the cultivation by the state and the education system of important «meanings of life» and positive «images of the future» that are common to all generations of Russians is a necessary condition for the organic solidarity and social integration of different layers and generations and, respectively, for the harmonious continuity of generations. There is also a need for more in-depth research into the socialization of the individual within the matrix «collectivism-individualism», including such research in the framework of the discourse of the continuity of generations.

Keywords: continuity of generations, socialization of the personality, sociology of generations, meaning of life, image of the future, social integration, harmonious continuity of generations.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.032

ИГРОВЫЕ ФОРМЫ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

© 2018 г.

Р.Р. Валеева, А.Е. Давыдов

Валеева Резеда Рафаилевна, к.э.н.; доцент кафедры финансов и кредита
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова, Нижнекамск
R.R.Valeeva@yandex.ru
Давыдов Александр Евгеньевич, к.э.н.; доцент кафедры финансов и кредита
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова, Нижнекамск
davydov1981@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.03.2018
Статья принята к публикации 17.10.2018

Дан анализ научных изысканий по игровым формам профориентационной работы, сделан вывод о недостаточной проработке этапов профориентационных игр, необходимости привнесения в игровой формат профориентации физической активности. Представлены результаты анализа организации профориентационной работы в моногороде (г. Нижнекамск, Республика Татарстан) с определением факторов низкой эффективности такой работы. Выявлены проблемы проведения профориентационной работы в моногороде, в частности фактической невозможности проведения профессиональных проб в условиях реального производства. Предложена собственная методика проведения игровых профессиональных проб в форме квеста, позволяющая знакомить детей школьного возраста с профессиями градообразующих предприятий в моногороде. Предложены меры по систематизации и повышению эффективности профориентационной работы в условиях моногорода.

Ключевые слова: профориентация, профориентационная работа, игры, игровые формы, интерактивные формы.

Введение

Серьезной проблемой в современных условиях становится рост ожиданий детей при одновременном сокращении компетенций. Возникает разрыв: наиболее активные и компетентные подростки удачно сдают единые государственные экзамены и уезжают на учебу в столичные вузы, остальные, оставаясь в родном городе, поступая (с подачи родителей) в местные учебные заведения, смутно представляют свою трудовую деятельность. При этом ожидания от будущего у них в целом завышены и представляют собой социальную бомбу замедленного действия: окончив ссуз или вуз, молодой человек попытается работать, не испытывая никакого интереса к полученной профессии, не имея мотивации к плодотворному труду, не представляя карьерных перспектив и своего потенциала как специалиста. В итоге – сверхдефицит трудовых ресурсов на предприятиях, сверхнагрузка на государственные службы поддержки безработных, рост количества проявлений асоциального поведения (суициды, разводы, преступления, личные банкротства). Как предотвратить возникающие проблемы? Решение этой проблемы возможно посредством профориентационной работы в виде игровых форм. Таким образом, целью статьи является описание авторской модели проведения профессиональных проб в форме игр-квестов на территории Нижнекамского муниципального района с использованием сетевого подхода.

Теоретико-методологические подходы

Игровые формы профориентационной работы достаточно широко изучены исследователями-педагогами с различных позиций: использование в работе с различными возрастными категориями от дошкольников и младших школьников до студентов высших учебных заведений, применение в различных учреждениях от школы до дворовых клубов и центров внешкольной работы. Приведем небольшой обзор авторских исследований игровых форм в профориентационной работе.

Н.Г. Лукоянова [1, с. 15] предлагает при проведении занятий использовать методы, потенциал которых довольно высок, даже при работе с пассивными аудиториями: профориентационные игры с классом, профориентационные игровые упражнения и моделирование микроситуаций. Игра – очень эффективная для восприятия форма работы: взрослому она даёт воз-

можность увидеть проблему в целом, а школьнику – на практике приобрести навыки принятия решений и овладеть ролевым поведением. Главные достоинства профориентационных игр – их наглядность, эмоциональная насыщенность.

Е.В. Никитина [2] отмечает игровые методы профориентационной работы как направленные на активизацию учащихся в профессиональном самоопределении. Игра связана с освоением социальных и профессиональных ролей, с выбором жизненного профессионального пути, поскольку во время игры подросток проигрывает социальные и профессиональные отношения взрослых. Именно игровые методы оказываются своеобразным противовесом общепринятым стандартным формам профориентационной работы в школе, отличающимся неинтересностью, заорганизованностью профориентационных мероприятий, недостаточной активностью подростков в самоопределении. Актуальная особенность метода профориентационных игр заключается в создании более непринужденной, доброжелательной и естественной, чем обычно, атмосферы работы со старшеклассниками и в моделировании отдельных элементов профессионального, жизненного и личностного самоопределения.

Опыт Н.С. Пряжникова [3] показал, что если профориентационные игры по времени от общего количества часов занимают не более 25–30%, то воспринимаются учащимися не как «развлечение», а как естественная форма работы. В своем исследовании он выделяет такие методы активизации профессионального самоопределения, как профориентационные игры с классом, игровые профориентационные упражнения, карточные информационно-поисковые методики («профессьянсы»), игровые карточные методики, настольные профориентационные игры, игры-дискуссии, карточно-бланковые игры, бланковые игры с классом; расписывает преимущества и недостатки того или иного метода и приводит большое количество игр с методикой их проведения.

Е.Н. Рукис, Л.А. Дейко [4, с. 2] выделяют игру как очень эффективную для восприятия форму профориентационной работы: взрослому она дает возможность увидеть проблему в целом, а школьнику – на практике приобрести навыки принятия решений и овладеть ролевым поведением. У этой методики есть и свои особенности, требующие последующей корректировки: участники игр зачастую несерьезно воспринимают такую форму, а форма подачи материала не позволяет предложить школьникам большой объем информации. Целесообразно использовать в игре те знания, которые уже имеются у школьников. Задача организаторов – через взаимообмен и взаимокоррекцию привести эти знания в систему.

Д.А. Семилеткина [5] изучает профориентационные игры в контексте интерактивных методов работы. Использование интерактивных методов в профориентационной работе позволяет молодым людям более полно узнать о различных сферах профессиональной деятельности, в игровой форме познать особенности отдельных профессий. К интерактивным методам профориентации относятся профориентационные деловые игры, профориентационные тренинги, проектные профориентационные методики и др.

Т.В. Пасечникова [6] обозначает немаловажную роль профориентационной работы с воспитанниками дошкольных образовательных учреждений, в том числе дидактических игр, моделирующих структуру трудового процесса: цель и мотив труда, предмет труда, инструменты и оборудование, трудовые действия, результат труда через игры с предметами, настольно-печатные и словесные игры.

В.А. Творожникова, Т.В. Ширяева, М.Н. Костромина [7, с. 10–11] вводят игры в профориентационной подготовке с младшими школьниками. В этом возрасте работа по профориентации с помощью игр направлена на то, чтобы объяснить ребенку, какими качествами и знаниями нужно обладать, чтобы работать в интересующей профессии. Профориентация младших школьников – это важнейшая ступенька к будущему правильному выбору профессии, о котором впоследствии не будут жалеть. А игры для школьников по профориентации – это первые шажочки к тому, что, возможно, когда-нибудь станет смыслом жизни.

Достаточно интересным является исследование Г.Ф. Шафранова-Куцева и С.Н. Толстогузова [8]. Они на основе многолетних социологических исследований проанализировали профориентационные практики вуза в современных условиях. Выделены структура, формы организации этой работы в средних школах, высших учебных заведениях. Рассмотрены духовно-нравственные и социально-профессиональные ценности и ориентиры старшеклассников как потенциальных абитуриентов. Подчеркнуты некоторые негативные проявления в мировоззренческих настроениях подростков, требующие значительных корректив при организации профориентационной работы вузовских коллективов. Обобщен опыт деятельности приемной комиссии.

В Центре внешкольной работы Центрального района Санкт-Петербурга [9, с. 94] организационными формами работы по профилизации

являются игровые и состязательные виды образовательной деятельности (интеллектуальные викторины и конкурсы, «математические бои», спортивные соревнования, дидактические и деловые игры), экскурсии, учебно-научные проекты, полевые исследования, лабораторные и практические работы. Авторы свидетельствуют о более высокой эффективности профилизации при использовании сетевых схем университета за последние пять лет.

И.В. Сорокина [10, с. 130] посвящает свое исследование вопросу организации профориентационной игры в клубах по месту жительства, рассматривает возрастные особенности подростков, предопределяющие специфику работы по их профессиональной ориентации, анализирует классификацию игр по виду деятельности участников игры, обозначает детерминанты ее использования в профориентационной деятельности, раскрывает сущность профориентационной игры и формулирует рекомендации по решению проблемы организации профориентационных игр в клубах по месту жительства.

Профориентационным играм посвящены также целые сайты [11]. Так, на сайте «А. Я. Психология» приведена хорошая подборка тестов, тренингов и профориентационных игр, направленных на развитие навыков самопрезентации при устройстве на работу, определение перспективных жизненных и профессиональных целей, анализ и осмысление профессиональных перспектив, управление личным профессиональным планом, побуждение участников к осознанному выбору профессии и развитие профессионально важных качеств.

Как видно, игровые формы профориентационной работы изучены с разных сторон в современном научном мире, но какими же особыми методиками и формами реализации они должны обладать в условиях моногородов – этот вопрос пока остается открытым.

Результаты и обсуждение результатов

С 2014 года в Нижнекамском муниципальном районе (далее – НМР) началась реализация нового проекта по профориентации «Программа профессиональной ориентации школьников города Нижнекамска 2014–2017 гг.» [12].

Стратегия развития профессиональной ориентации школьников г. Нижнекамск направлена на:

– подготовку хорошо ориентированных, обладающих прочными базовыми знаниями, полученными в основной, средней школе, и глубокими знаниями по предпрофильным, профильным дисциплинам учащихся;

– развитие таких качеств личности, которые позволят в дальнейшем достаточно быстро согласно профилю осваивать новую технику и технологию, а при необходимости и новую профессию, при одновременном формировании способностей применять теоретические знания в практической деятельности.

В настоящее время в городе выстроена профориентация учащихся на химическое производство и технические специальности, осуществляемая на основе интеграции кадрового потенциала мастеров производственного обучения МУК («Межшкольный учебный комбинат»), организаций СПО, школ, педагогов вузов в рамках комплекса вышеназванных мероприятий.

Реализация данного комплекса мероприятий осуществляется с учетом [13]:

– изменения методов и технологии обучения на базе современной информационно-образовательной среды, а также внедрения новых форм обучения (сетевого взаимодействия);

– создания условий для реализации практико-ориентированного образования на базе организаций СПО;

– создания условий для работы с одаренными школьниками: научно-исследовательская деятельность, олимпиадное движение с привлечением вузов г. Нижнекамска и г. Казани.

Основная цель реализации комплексной программы – создание единого образовательного пространства, включающего школы, учреждения среднего профессионального и высшего образования.

С 2014 г. колледжи г. Нижнекамска реализуют подпрограммы «Программы профессиональной ориентации школьников и молодежи на 2014–2017 гг.»: «Основная школа – СПО – трудоустройство – вуз», «Мир профессий Нижнекамска» [14] (для учащихся 7–9 классов), «Введение в профессию» (для учащихся 9 классов).

Профориентационная работа в Нижнекамском филиале Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП) (далее – Нижнекамский филиал КИУ) проходит в непрерывном режиме с начала учебного года до его окончания. В основном – это выход к школьникам с тематическими лекциями, семинарами и привлечение молодежи к участию в вузовских научных мероприятиях: конференциях, диктантах, олимпиадах, фестивалях, конкурсах и др.

Если говорить об игровых формах профориентационной работы, то им уделяется внимание в разнообразных вариантах. Из игровых форм профориентационной работы, применяемых Нижнекамским филиалом КИУ, можно выделить мероприятия, проводимые совместно с Казанским открытым университетом талантов 2.0: психологические тренинги, тренинги прорывных компетенций, профессиональные про-

бы в форме квестов для контингента школ и колледжей, арт-терапевтические технологии – для дошкольников и младших школьников.

Целью перечисленных мероприятий является профориентация молодежи, большее понимание детьми специфики тех или иных профессий, рост привлекательности местных работодателей, снижение остроты кадрового вопроса для организаций г. Нижнекамск.

Основным принципом организации профориентационных квестов, разрабатываемых авторами статьи, является моделирование производственной среды и конкретных производственных ситуаций, в которые погружаются участники квеста. Моделирование реализуется через выделение наиболее важных характеристик профессии, производственного и трудового процесса, разработку сценария с четкими заданиями и системой поощрений.

Авторами определена последовательность проведения игрового квеста-профпробы:

1) вводная интерактивная лекция: ознакомление с порядком проведения квеста, базовыми данными по производству, профессиям, трудовым процессам;

2) деление на команды и знакомство с «лидерами»: наставники с производства, способные в ходе выполнения задания комментировать, делиться своим опытом, направлять (фасилитировать) работу команды;

3) выдача «маршрутных листов» (см. табл. 1): задания на квест, содержащие и специфические данные по изучаемым профессиям;

4) выполнение заданий;

5) фасилитация: проверка усвоения материала, оценка ощущений участников и работа с замечаниями.

Так, например, в квесте по знакомству с профессиями шинного производства ребята создают резиновую смесь, обрабатывают ее на вальцовочном станке, нарезают слои покрышки, производят ее сборку на модели станка, проводят вулканизацию. Затем уже на настоящих покрышках проводят «контроль качества», грузят их на «электрокар», перевозят на «склад». Все материальные ресурсы подготовлены из доступных и безопасных материалов. Например, резиновую смесь готовят из компонентов, указанных в табл. 2.

На специальном стенде представлены настоящие образцы компонентов резиновой смеси, на постах, где дети выполняют задания, размещены фотографии оборудования и производственного процесса. Кроме того, проведению квеста предшествует краткая интерактивная лекция по сути профессий, по которым проводится квест.

Таким образом, зная особенности трудового и производственного процессов, дети активно погружаются в игру (квест), действуя при этом по сценарию, заданному конкретной профессией (перемешать компоненты, размять на вальцовочном станке, нарезать на полоски). Наличие конкретных заданий, физической активности (разгрузка-погрузка покрышек на электрокар), соревновательный характер квеста (запускали одновременно три команды), небольшая продолжительность (максимально 1 час) обеспечивают высокую мотивацию участников от начала (вводная интерактивная лекция) и до конца квеста (этап рефлексии). Как показали результаты анкетирования участников, в ходе квеста в среднем усваивается до 70% информации о производственном процессе, особенностях представленных профессий и трудовых операциях.

По итогам проведенных в Нижнекамском филиале КИУ профориентационных мероприятий с помощью игровых форм был проведен опрос 969 респондентов (табл. 3), прошедших профессиональные пробы в 2016–2018 годах, из них 91% составили школьники и 9% – студенты колледжа в возрасте от 12 до 19 лет (численность населения данной возрастной группы в г. Нижнекамск составляет 23282 человека).

Приведем оценку достоверности результатов исследования.

Средняя ошибка показателя:

$$m_p = \pm\sqrt{\frac{P \times q}{n}} = \pm\sqrt{\frac{969 \times 10000}{23282}} \times$$

$$\times \sqrt{10000 - \frac{969 \times 10000}{23282}} : \sqrt{23282} =$$

$$= \pm 0.642,$$

P – величина показателя в процентах, промилле и т.д.; q – дополнение этого показателя до 100, если он в процентах, до 1000, если $‰$ и т.д. (т.е. $q = 100–P$, $1000–P$ и т.д.).

Доверительный коэффициент:

$$t = \frac{P}{m_p} = \frac{\frac{969 \times 10000}{23282}}{0.642} 647.975;$$

$t>1$, соответственно, степень достоверности результатов достаточно высока.

Анализ данных позволил выявить, что 87% школьников и студентов колледжей отметили ценность пройденных мероприятий для самоопределения в жизни, при этом лишь 37% респондентов определились с выбором будущей профессии. Так, за рубежом для самоопределения молодежь проходит порядка 40 профпроб.

Для того чтобы определиться с будущей профессией, большинство детей (47%) собирается поступить в вуз, хотя обучение в университете

Таблица 1

Маршрутный лист

№	Время, мин	Этап	Профессия профпробы	Место проведения	Содержание
1	10	Знакомство с шинным производством		Актовый зал	Презентация направления (видео), обзор технологии производства шин. Деление на команды (ведущий сам в случайном порядке). Со своей командой двигаетесь на территорию перед зданием столовой к стенду
2	10	Компоненты резиновой смеси	Лаборант по качеству, конструктор покрышек, инженер по разработке РТИ	Стенд	Выбрать карточку с заданием у ведущих. Определить по заданию на карточке компонент резиновой смеси на стенде. Приклеить карточку к правильному компоненту на стенде. Проверить у ведущего правильность ответа. Со своей командой двигаетесь к посту 1
3	10	Приготовление резиновой смеси (выбор ингредиентов (список)	Оператор аппарата приготовления резиновой смеси	1 пост	Выбирают компоненты (используя знания, полученные на 1 этапе). На весах отмерить компоненты в пропорции, которая указана в рецептуре смеси. Засыпать в «чан» (большую посуду). Перемешать «смесь» (тесто). Принести результат на следующий пост. Двигаетесь с командой и результатами к посту 2
4	10	Смешение ингредиентов, подготовка к формованию (вальцы)	Вальцовщик	2 пост	На доске скалкой («вальцы») раскатать тесто, нарезать полосками. Двигаетесь с командой и результатами к посту 3
5	10	Сборка слоев и формование покрышки	Оператор аппарата сборки покрышки	3 пост	Выстроить в правильной последовательности слои покрышки (карточки со слоями) на станке сборки: 1) гермослой, 2) корд, 3) протектор. Двигаетесь с командой и результатами к посту 4
6	10	Вулканизация	Оператор аппарата вулканизации	4 пост	Нарисовать узор протектора на заготовке. Придать заготовке форму колеса. Установить заготовку в шкаф, выставить время «вулканизации» (выпекания). Через положенное время извлечь готовое изделие. Двигаетесь с командой в отдел качества
7	5	Определение качества шин	Лаборант по качеству	Отдел качества	Определить брак на образцах шин Остаетесь на месте для выполнения следующего задания
8	5	Транспортировка готовых шин	Водитель погрузчика	Отдел качества	Эстафета – погрузить шины в тачку и перевезти из пункта А (цех) в пункт Б (склад). Остаетесь на месте для выполнения следующего задания
9	5	Складирование шин	Грузчик	Склад	Сложить шины в порядке, указанном в инструкции. Возвращаетесь в актовый зал
10	10	Рефлексия. Выходное тестирование		Актовый зал	Раздать персональные анкеты и ручки. Подведение итогов. Ощущения участников профпробы по итогам мероприятия. Собрать заполненные анкеты и ручки

Таблица 2

Рецептура резиновой смеси для протектора

№	Наименование ингредиентов	Заменитель в квесте
1	Каучук натуральный	Дрожжевое тесто (мука, дрожжи, вода)
2	Сера молотая	Куркума
3	Диоксид кремния	Соль крупного помола
4	Углерод технический N339	Черный уголь в порошке

Таблица 3

Опрос молодежи по итогам проведенных профессиональных проб в Нижнекамском филиале КИУ в 2016–2018 годах

Варианты ответов на вопросы 1, 2, 3	Наличие видения карьеры	Считаете ли Вы нужным проведение подобных профориентационных мероприятий?	Готовы ли Вы в самое ближайшее время прийти на профпробы?	Какой первый шаг Вы готовы сделать в своей индивидуальной профориентации?	Варианты ответов респондентов на 4 вопрос
	1	2	3	4	
Да	37%	87%	93%	47%	Поступаю в вуз
				11%	Хожу к репетитору
Нет	60%	8%	4%	6%	Посещаю разные развивающие мероприятия
				2%	Занимаюсь самообразованием
Затрудняюсь ответить	3%	5%	3%	10%	Ничего не делаю
				24%	Не знаю

можно назвать одной из ступеней по реализации в выбранной профессии. Вследствие получается, что по итогам выпуска из вуза, по данным Росстата [15], лишь 40% молодежи работает по специальности, а ведь это финансовые средства государства/предприятий (для бюджетных/целевых мест) или родителей детей / самих детей (для мест, оплачиваемых по образовательным договорам), не говоря уже о том, что дети теряют 4–6 лет своей жизни на получение профессии, которая никоим образом не пригодится в их дальнейшей жизни, а общество не получает востребованных специалистов, на которых рассчитывало эти годы. 18% молодежи ходит для этой цели на занятия с репетиторами, посещает различные мероприятия по развитию интеллектуального уровня, готовится к ОГЭ, ЕГЭ, 10% не делает нечего, а 24% респондентов не знает, как поступить.

Повторно посетить профориентационные мероприятия игровой формы пожелали 93% респондентов, хотя в действительности вторично пришли лишь 12% участников профигр. Это объясняется загруженностью ребят обязательной программой среднего общего и среднего профессионального образования, дополнительными мероприятиями муниципального образования, не всегда связанными с интересами самих обучающихся, но интересующих градообразующие предприятия города, быстрой выгораемостью детей, посещающих обильное количество мероприятий, отсутствием у ребят навыков доведения задуманных планов до их реализации.

Таким образом, по итогам профориентационной работы, проведенной в игровой форме в Нижнекамском филиале КИУ за 2016/17 и 2017/18 учебные годы, необходимо выделить следующие моменты:

– эффективность профориентационной работы в игровой форме определяется на выходе профессиональной самоопределенностью молодежи;

– действенность профориентационных игр может быть достигнута за счет регулярного участия детей в большом количестве профмероприятий;

– необходимо повысить мобильность участников профигр с помощью системы муниципальной профориентации, которая позволила

бы сократить нагрузку учащихся за счет выстраивания схемы эффективных игр, исключения повторяющихся элементов и наращивания масштабности мероприятий.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что большинство экспертов признает важность и эффективность игровых форм образовательной, в том числе профориентационной, работы. Опыт Нижнекамского филиала Казанского инновационного университета в партнерстве с Университетом талантов (г. Казань) показал действенность игрового формата в сфере профориентации современных школьников.

Вместе с тем применение неформальных форм профориентационной работы сталкивается с определенными трудностями:

– весьма высокая дифференциация школьников старшего возраста по уровню карьерной и образовательной мотивации;

– как следствие – низкая мотивация к участию в профориентационных мероприятиях (у школьников с четким индивидуальным планом развития – из-за определенности в жизненном пути, у остальных – из-за нежелания осуществлять какие-либо действия);

– фактическое отсутствие поддержки на муниципальном уровне, в том числе и со стороны системы образования (школы перегружены своими мероприятиями, подготовкой к ЕГЭ, ОГЭ, олимпиадам, муниципалитет ориентирован на узкоспециализированные запросы градообразующих предприятий);

– сложности с организацией профориентационных мероприятий игрового формата на предприятиях города и района (перевозка детей, безопасность на производстве, «сиюминутность» кадровой политики предприятий, профанация руководителями мероприятий для школьников).

В результате проведенной методической и исследовательской работы были выделены наиболее важные факторы, которые будут способствовать успешности реализации игровых форм профориентационной работы:

– активная открытая кадровая политика муниципалитета и предприятий города;

– система мотиваторов для участников муниципальной системы профориентации школьников и молодежи;

– встраивание профориентационных мероприятий в учебные программы школ, ссузов и вузов;

– наличие источников материального обеспечения профориентационных мероприятий (муниципальные и региональные программы, предприятия);

– появление социально-ответственных предприятий, готовых к проведению профориентационных мероприятий на своей территории.

Список литературы

1. Лукоянова Н.Г. Игра как метод активизации профессионального самоопределения обучающихся. Мастер-класс // Педагогическая мастерская. Всё для учителя! 2015. № 2 (38). С. 15–19.

2. Никитина Е.В. Психологическое сопровождение профориентационной работы в школе // Электронный журнал «Экстернат.РФ». 2012. Режим доступа: http://ext.spb.ru/site/1490-2012-08-23-11-15-48.pdf (дата обращения: 24.07.2018).

3. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М.: Академия, 2007. 501 с.

4. Рукис Е.Н., Дейко Л.А. Методические рекомендации по разработке и проведению игр профориентационной направленности. ст. Ленинградская, 2011. 14 с.

5. Семилеткина Д.А. Интерактивные методы профориентационной работы с молодежью // Студенческий научный форум-2014. VI Международная студенческая электронная научная конференция: Электронное издание. 2014. Режим доступа: http://www.scienceforum.ru/2014/525/509 (дата обращения: 24.07.2018).

6. Профориентационная работа в условиях дошкольной образовательной организации: Методическое пособие. Самара: Изд-во ЦПО, 2013. 45 с.

7. Творожникова В.А., Ширяева Т.В., Костромина М.Н. Первые шаги в профориентационной подготовке младших школьников. Методические рекомендации / Под ред. Е.В. Попова. Сыктывкар, 2001. 66 с.

8. Шафранов-Куцев Г.Ф., Толстогузов С.Н. Профориентационные практики вуза: Монография. М.: Логос, 2014. 196 с.

9. Педан В.А. Психолого-педагогическое сопровождение профессионального самоопределения обучающихся в рамках модели сетевого взаимодействия // Человек и образование. 2013. № 2. С. 94–98.

10. Сорокина И.В. Специфика игровой формы профориентационной работы с подростками в клубах по месту жительства // Педагогическое образование в России. 2013. № 3. С. 130–134.

11. А. Я. Психология: тесты, тренинги, словарь, статьи. Режим доступа: http://azps.ru (дата обращения: 24.07.2018).

12. Программа профессиональной ориентации школьников города Нижнекамска 2014–2017 гг. Режим доступа: http://www.wikiregstandard.ru/images/b/b4/%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%93%D0%A0%D0%90%D0%9C%D0%9C%D0%90.docx (дата обращения: 24.07.2018).

13. Мухаметзянова Ф.Ш., Шайхутдинова Г.А. Профессиональная ориентация учащейся молодежи в условиях научно-образовательного кластера (опыт Республики Татарстан) // СИСП. 2016. № 10 (66).

Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-orientatsiya-uchascheysya-molodezhi-v-usloviyah-nauchno-obrazovatelnogo-klastera-opyt-respubliki-tatarstan (дата обращения: 24.07.2018).

14. Положение III Фестиваля профессий «Мир профессий Нижнекамска». Нижнекамск: МАУ ДО «Межшкольный учебный комбинат» Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан, 2017. 21 с. Режим доступа: http://www.wikiregstandard.ru/images/8/85/%D0%A4%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8C_%D0%9C%D0%B8%D1%80_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%84%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9.docx (дата обращения: 24.07.2018).

15. Почти 60% россиян работают не по специальности – Росстат // РИА Новости. 13.08.2012. Режим доступа: https://ria.ru/society/20120813/722231749.html (дата обращения: 24.07.2018).

CAREER GUIDANCE IN THE FORM OF GAMES

R.R. Valeeva, A.E. Davydov

Timiryasov Kazan Innovation University branch, Nizhnekamsk

The paper provides an analysis of research on game-based forms of vocational guidance, The authors argue that that the stages of vocational guidance games are insufficiently developed and it is necessary to introduce physical activity into the game format of vocational guidance, since the most common present format of vocational guidance board games does not take into account the «hyperactivity» of the modern generation. The authors present the results of their analysis of vocational guidance organization in a single-industry city (Nizhnekamsk, Republic of Tatarstan) and identify some factors of such work's low efficiency: lack of innovative forms of work, lack of desire on the part of enterprises to go beyond the traditional «study tours», and some personnel problems encountered in the provision of vocational guidance. After pointing out some problems in the organization of vocational guidance work in a single-industry city, the authors propose their own methods for conducting game-based professional testing in the form of a quest, which make it possible to acquaint school-age children with the professions of city-forming enterprises in a single-industry city. Some measures to systematize vocational guidance work and to improve its effectiveness are also proposed.

Keywords: career guidance, vocational guidance work, games, game forms, interactive forms.

УДК 378.016.32

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И КРЕАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ МАГИСТРОВ-ПОЛИТОЛОГОВ

© 2018 г.

Н.Г. Воскресенская, Н.А. Кузнецова

Воскресенская Наталья Геннадьевна, к.психол.н.; доцент кафедры теории политики и коммуникации Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
navoskr@mail.ru
Кузнецова Наталия Алексеевна, к.полит.н., доц.; доцент кафедры теории политики и коммуникации Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
natkuznet@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.09.2018
Статья принята к публикации 24.10.2018

Обосновывается необходимость использования эффективных технологий и методов формирования общих и профессиональных компетенций в рамках обучающего процесса при подготовке будущих специалистов по связям с общественностью, политологов. Приводится описание успешной апробации некоторых методов, дается оценка организации эффективного обучающего процесса в вузе (на примере лекционных курсов «Связи с общественностью в мировой политике и культуре» и «Медиаметрические исследования в связях с общественностью»). Утверждается, что нестандартный подход, экологичное воздействие на коммуникативную и эмоционально-волевую сферы, развитие профессионально-ориентированной креативности и ряда индивидуально-личностных особенностей усиливают у магистрантов мотивацию к обучению и позволяют успешно осваивать магистерскую программу; комплексное применение в рамках обучающего процесса креативных технологий и методов формирования общих и профессиональных компетенций магистра оказывает позитивное влияние как на глубину освоения учебного материала, так и на развитие комплекса индивидуально-личностных особенностей, обеспечивающих профессиональную успешность будущих специалистов по политологии, связям с общественностью и рекламе.

Ключевые слова: политология, связи с общественностью, эффективные методы и технологии обучения, общие и профессиональные компетенции.

Введение

Формирование компетенций связано с получением специализированных знаний и направлено на развитие гармоничной личности. Освоение профессиональных компетенций магистрантом невозможно без создания профессионально-образовательного пространства как формы взаимосвязи личности с миром профессий, способа получения качественного профессионального образования в условиях существующей образовательной среды [1–5 и др.]. Его цель не только способствовать формированию знаний и умений, необходимых в профессиональной деятельности, но и мотивировать обучающегося на дальнейшее саморазвитие. В педагогической науке накоплено множество образовательных технологий, позволяющих в достаточной мере осуществлять этот процесс [6–8 и др.]. Однако современные требования рынка труда, повышенная конкурентоспособность потециальных претендентов на работу, экономические, политические и иные условия требуют менять существующие подходы к обучению, переносить фокус внимания с изучения теории на формирование прикладных навыков, необходимых для реализации поставленных государством задач.

Постановка проблемы

Магистратура – значимый элемент современного образования, призванный способствовать выработке качеств, определяющих будущую профессиональную успешность политолога, формировать навыки и умения, обусловливающие готовность к осуществлению профессиональных задач, задавать направленность на дальнейший профессиональный рост. К числу важных профессиональных качеств политологов-магистров относятся: владение специальными знаниями и навыками теоретического и прикладного характера в области политических наук, умение работать с оригинальными научными текстами и содержащимися в них смысловыми конструкциями, способность к постановке целей профессиональной деятельности и выбор оптимальных путей и методов их достижения, умение создавать модели исследуемых

политических систем и процессов. Создание психологических предпосылок для индивидуально-личностного развития будущих профессионалов и формирования у них необходимых навыков и компетенций предполагает внедрение в учебный процесс новых технологий обучения и воспитания. Что мы подразумеваем под этим понятием? Новые технологии и методы обучения – это упорядоченная совокупность действий, операций и процедур, которые инструментально обеспечивают формирование компетенций, необходимых в профессиональной деятельности магистранта. Их применение позволит повысить конкурентоспособность будущих специалистов, нацелит их на дальнейшее самосовершенствование, будет способствовать повышению их самосознания, усилению мотивации к самообразованию.

Целью данной работы является подбор и апробация методов и технологий обучения, которые позволят в процессе подготовки политологов-магистров сформировать необходимые профессиональные компетенции.

В связи с этим были поставлены следующие задачи:

1) провести поисковое исследование перспективности использования некоторых технологий и методов формирования общих и профессиональных компетенций в рамках обучающего процесса;

2) оценить эффективность использования технологий развития компетенций в учебном процессе, исследуя динамику развития индивидуально-личностных качеств студентов, их познавательную и творческую активность, а также заинтересованность в учебном процессе и мотивацию.

Методы исследования

Для решения поставленных задач были использованы такие теоретико-познавательные методы, как анализ, синтез и теоретическое моделирование, способствующие обобщению существующего в педагогической практике опыта и использованию его при разработке собственных авторских методов для формирования профессиональных компетенций политологов-магистров. Наблюдение за студентами в процессе обучения, анализ успешности освоения ими учебных программ позволили контролировать эффективность использования данных методов и технологий в учебных курсах.

Результаты исследования

Можно с уверенностью говорить о перспективности использования следующих технологий и методов формирования общих и профессиональных компетенций в рамках обучающего процесса, которые должны лечь в основу личностного и профессионального развития будущих специалистов-политологов: метод проектов, имитационно-моделирующие игры, метод дискуссии, метод самопрезентации, технологии работы с медиатекстами в развивающем обучении студентов.

Педагогическая практика доказывает успешность использования *метода проектов* для развития познавательной сферы [6; 8]. Он предусматривает применение широкого круга задач проблемного, нестандартного типа, направленного на формирование у студентов умения видеть проблему, выдвигать гипотезы, формулировать цели и задачи, обеспечивающие решение проблемы, собирать информацию, необходимую для решения, и осуществлять контроль выполнения задач. Несомненным преимуществом метода проектов является также то, что он способствует формированию навыков творческой самостоятельной деятельности, стимулирует интерес студентов к профессиональной деятельности.

Например, студенты разбиваются на небольшие группы по три-пять человек. Им дается задание – разработать проект продвижения Нижнего Новгорода в СМИ на основе первичной информации о роли туристического сервиса в формировании имиджа города. Каждая группа сама формирует способы продвижения, выделяет проблемы, с которыми может при этом столкнуться, самостоятельно собирает как можно больше информации о будущем исследовании туристической привлекательности региона. На втором этапе студенты в процессе группового обсуждения делят найденную информацию на ту, что представляет интерес для будущего проекта, и ту, что может пригодиться. На третьем этапе разрабатывается собственный проект. Основная задача этого этапа – аргументированно доказать преимущество данного проекта по сравнению с проектами, созданными другими группами студентов.

Особую роль при использовании данного метода подготовки политологов-магистров играет развитие такого качества, как профессионально-ориентированная креативность. Специфика данного качества заключена в наличии комплекса личностных способностей, составляющих внутреннее устройство нестандартно мыслящего специалиста, который позволяет разрабатывать оригинальные стратегии продвижения политических деятелей, партий, общественных организаций. При этом студента необходимо нацеливать на развитие умения четко соотносить свои творческие идеи с задачами организации и с ожиданиями целевой аудито-

рии, для которой оно предназначено. Формирование креативности будущих магистров-политологов должно сопровождаться развитием таких личностных качеств, как рефлексия, умение не только критически оценивать свои достоинства, необходимые в профессиональной деятельности, но и намечать пути и выбирать средства для их развития [9–12].

Эффективным способом развития познавательной сферы, творческой активности, коммуникативной грамотности являются *имитационно-моделирующие игры* [9; 13]. Они дают студентам возможность самим принимать решения, предполагают развитие умений высказывать и защищать собственную точку зрения, проявлять самостоятельность во время игры. Эти требования задаются компетенциями, которые должен освоить магистрант в процессе обучения. Данные компетенции не только связаны с получением специализированных знаний, обусловленных выбором данной специальности, но и направлены на формирование определенной психической организации личности, способствующей и в будущем успешно развиваться как профессионал в заданном направлении.

Так, студентам предлагалась игра, направленная на развитие умения полемизировать. Они разбивались на две группы. Каждой в процессе жеребьевки доставалось одно из противоположных утверждений, истинность которого предстояло доказать. Важным условием в данной игре было достижение победы в споре, при этом студентам предлагались такие техники аргументации, как «Метод Сократа» и «Метод извлечения корня», а преподаватель следил за тем, чтобы способы ведения спора были корректны.

Для воспитания нравственного самосознания и формирования коммуникативных навыков хорошо зарекомендовал себя *метод дискуссии* на социально значимые темы [14–16]. Применение подобной формы работы с магистрами позволяет развивать у будущих специалистов по связям с общественностью способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу; способность к порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез; способность к профессиональному составлению, редактированию документации, докладов, проектов научно-исследовательских разработок и т.д. Магистры учатся не бояться высказывать свое мнение, отстаивать его или идти на компромисс. Умение услышать оппонента также необходимый навык для специалиста в области политологии. При развитии коммуникативной сферы будущих политологов следует уделять внимание развитию ораторских способностей, умений устанавливать и поддерживать контакты с представителями разных целевых групп, навыков убеждения для представления себя и своих идей целевым группам; психологических предпосылок осуществлять в будущем руководство коллективом и навыков работы в команде при создании творческих проектов.

Формирование профессиональных компетенций будет проходить успешнее при параллельной работе над эмоционально-волевой сферой магистрантов. Так, развитие самоконтроля в общении и деятельности является важным условием формирования коммуникативных навыков, в том числе при проведении научных дискуссий по актуальным проблемам современной политической науки. А организация и планирование своей деятельности, переработка больших объемов информации для достижения поставленных целей в профессиональной деятельности невозможны без должного уровня развития эмоциональной устойчивости будущего специалиста-политолога.

Наиважнейшим методом для развития профессиональных компетенций специалиста по связям с общественностью считается *метод самопрезентации.* Нестандартный, креативный подход к подготовке самопрезентации особенно приветствуется. Здесь особо важно создать доверительную атмосферу дружеского взаимодействия, взаимного уважения и принятия [11]. Этот метод позволяет проявить готовность к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала, а также развивает способность магистра к постановке целей профессиональной деятельности и выбору оптимальных путей и методов их достижения. Такие личностные качества, как настойчивость, активность, инициативность, стремление к творческой реализации, ответственность, решительность, целеустремленность, уверенность в себе, особенно в ситуациях принятия решений, позволяют не отступать перед трудностями, принимать грамотные решения в ситуациях, вызывающих затруднение, лежат в основе открытости всему новому, позволяют критически оценивать возможности. Кроме того, метод самопрезентации позволяет преодолеть неуверенность, страх работы с аудиторией, расширяет возможности для проявления индивидуальных, личностных качеств, внутренней харизмы.

Следует выделить также ряд индивидуально-личностных особенностей личности, которые обусловливают будущую профессиональную успешность политолога, создавая психологические предпосылки для формирования мотивации дальнейшего профессионального становления, способствуют развитию толерантного от-

ношения при восприятии социальных, этнических, культурных, конфессиональных и культурных различий различных сообществ. Настойчивость, активность, инициативность, стремление к творческой реализации, ответственность, решительность, целеустремленность, уверенность в себе, особенно в ситуациях принятия решений, а также социальная ответственность необходимы будущему политологу, так как позволяют не отступать перед трудностями и принимать грамотные решения в ситуациях, вызывающих затруднение. Они лежат в основе открытости всему новому, позволяют критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков [17–19].

Для формирования профессиональной коммуникативной компетентности работа с медиатекстами является неотъемлемой составляющей лекционного и семинарского материала, логически вытекающая из него [3] и направленная на активную проработку полученного материала [3; 20]. Она включала в себя работу с медиатекстами в микрогруппах, творческие практикумы, групповые дискуссии вокруг медиаматериалов, касающихся социально-этических аспектов профессиональной деятельности.

Психологические задачи, стоящие перед медиаобразованием, можно разделить на два крупных блока. Первый блок направлен на формирование способности к избирательному и рефлексивному восприятию массмедиа, формированию знания о том, как массмедиа влияют на общество и человека, с целью пресечения негативных медиаэффектов. Второй блок – формирование и развитие навыков использования медиаинформации для решения личных и профессиональных проблем. Работа с медиатекстами оказывает положительное влияние на творческую активность студентов, способствует более глубокой проработке учебного материала, оказывает воздействие на комплекс индивидуально-личностных особенностей, способствующий будущей профессиональной успешности.

Полисемия смыслов, содержащаяся в медиаобразах, отсутствие при их интерпретации однозначно правильных ответов позитивно воздействуют на развитие вербальной креативности и стимулируют творческую активность. Если индивидуальная работа с медиатекстами нацеливает студентов на самостоятельное решение поставленных задач, способствуя формированию личностной ответственности за конечный результат, то работа с медиатекстами в микрогруппах благотворно влияет на развитие организаторских и коммуникативных склонностей, на осознание особенностей позитивного и негативного медиавоздействия на общество и человека, на формирование собственных личностно-ценностных ориентиров.

Выводы

Исследовав динамику развития индивидуально-личностных качеств студентов, их познавательную и творческую активность, а также заинтересованность в учебном процессе и мотивацию по окончании курсов «Связи с общественностью в мировой политике и культуре» и «Медиаметрические исследования в связях с общественностью», в рамках которых были применены вышеуказанные методы, можно утверждать, что эффективность их использования велика. Это подтверждается увеличением посещаемости указанных занятий до 100%, улучшением показателей успеваемости, формированием благоприятной, комфортной атмосферы в учебной аудитории.

Следует отметить, что сложившиеся рыночные условия и современная коммуникативная среда требуют высокого профессионализма выпускников. Применение нестандартных методов и технологий обучения повышает конкурентоспособность будущих специалистов, ведет к изменению их отношения к дальнейшему самосовершенствованию, повышает самосознание, усиливает мотивацию к самообразованию и способствует развитию толерантного отношения к конфессиональным и культурным различиям, существующим в обществе. Все это подтверждает необходимость применения нестандартных методов и технологий формирования общих и профессиональных компетенций магистров, а также дальнейшего совершенствования и поиска новых форм организации учебного процесса.

Представляется важным использование данного опыта при подготовке магистров по программе «Связи с общественностью в мировой политике и культуре» по направлению подготовки 41.04.04 «Политология», с учетом специфических требований, определяющих успешность профессионала в данной сфере деятельности.

Список литературы

1. Азарова Л.В., Почекаев Р.Ю. Тенденции развития PR-деятельности в России и новые подходы к подготовке специалистов в сфере коммуникаций // Известия ЛЭТИ. 2008. № 1. С. 97–102.

2. Богомолова Е.П., Ратникова Т.А., Ратникова Э.Р. Практика обучения по магистерским программам в российских и западных университетах // Мир образования – образование в мире. 2015. № 2. С. 73–82.

3. Вильданова Ф.З. Образовательное пространство как источник саморазвития личности // Прикладная психология. 2002. № 5-6. С. 131–134.

4. Воскресенская Н.Г., Гапонова С.А. Медиаорганизация обучающего процесса в вузе // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 226–235.

5. Tapp J. Legal socialization across age, culture and context: psychological and legal justice systems. N.J., 1987.

6. Александров Е.Л. Ретроспективный анализ использования развивающих образовательных технологий в зарубежной высшей школе // Мир образования – образование в мире. 2018. № 1(69). С. 47–53.

7. Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Институт психологии РАН, 2008. 347 с.

8. Кузнецова Н.А. Использование коучингового подхода при формировании компетентностной матрицы студента // Перспективы развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам XXIII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. А.В. Туголукова. М.: ИП Туголуков А.В., 2017. С. 129–134.

9. Воскресенская Н.Г. «Немгновенный инсайт» в дискуссиях на нравственные темы // Всероссийская научная конференция «Творчество: наука, искусство, жизнь». М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 89–93.

10. Дробышева Н.Н. Выбор подходов и принципов обучения при учете запросов будущих политологов в процессе иноязычной подготовки в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56-7. С. 96–103.

11. Камалов М.Н. Техники переговоров: тренинги и мастер-классы для индивидуального и группового обучения. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. 316 с.

12. Henderson S.J. Follow Your Bliss: A Process for Career Happiness // Journal of Counseling and Development. 2000. Vol. 78. № 3. P. 305–315.

13. Зеер Э.Ф., Лебедева Е.В., Зиннатова М.В. Методологические основания реализации процессного и проектного подходов в профессиональном образовании // Образование и наука. 2016. № 7(136). С. 40–56.

14. Брушлинский А.В., Темнова Л.В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Институт психологии РАН, 1993. С. 45–56.

15. Войскунский А.Е. О применении систем виртуальной реальности в психологии // Вестник Московского университета. 2008. Сер. 14. Психология. № 1. С. 22–35.

16. Якубжанова Д.Б. Современные педагогические технологии в профессиональной подготовке учителей Узбекистана // Мир образования – образование в мире. 2013. № 2 (50). С. 84–88.

17. Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Институт психологии РАН, 2006. 623 с.

18. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 2008. С. 356.

19. Ткаченко Н.В. Креативная реклама. Технологии проектирования. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 236 с.

20. Воскресенская Н.Г. Развитие профессионально ориентированной креативности у студентов специальности «Связи с общественностью и реклама» в рамках курса «Психология массовой коммуникации» // Вестник университета ГУУ. 2011. № 16. С. 29–31.

PEDAGOGICAL METHODS AND TECHNOLOGIES FOR DEVELOPING CERTAIN GENERAL AND PROFESSIONAL COMPETENCIES OF MASTERS STUDENTS IN POLITICAL SCIENCE

N.G. Voskresenskaya, N.A. Kuznetsova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article justifies the need to use effective technologies and methods for the development of general and professional competencies in the course of training of future public relations experts and political scientists. It also describes the successful testing of some methods and gives the assessment of the effective teaching process at a higher education institution (using the example of lecture courses «Public relations in world politics and culture» and «Media metric research in public relations»). Nonstandard approach and ecological impact on the communicative and emotional-volitional sphere of master's program students, the development of professionally-oriented creativity and of some individual personality characteristics contribute to successful completion of the master's program by the students and enhance their motivation to learn. Comprehensive application of creative technologies and methods for developing general and professional competencies in the framework of the learning process has a positive impact both on the depth of learning the curricular material and on the development of the set of students' individual and personal characteristics that ensure the professional success of future experts in political science, public relations and advertising.

Keywords: political science, public relations, effective teaching methods and technologies, general and professional competencies.

УДК 37.014.5:378.14

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ АККРЕДИТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ФИНАНСОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

© 2018 г.

С.С. Квашнин

Квашнин Сергей Сергеевич, к.э.н.; доцент кафедры экономики и права
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
эксперт профессионально-общественной аккредитации
skfnf@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.09.2018
Статья принята к публикации 17.10.2018

Профессионально-общественная аккредитация является для России сравнительно новым инструментом оценки качества образования. Через него профессиональное сообщество старается влиять на процесс подготовки специалистов образовательными организациями. В стране проводится серьёзная работа по утверждению профессиональных стандартов и созданию аккредитующих организаций. На примере Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка проанализировано текущее состояние дел в сфере профессионально-общественной аккредитации образовательных программ финансовой направленности. Проведено сопоставление профессиональных стандартов перечню финансовых профессий. Выявлено, что в большей части финансовые профессии уже охвачены профессиональными стандартами широкой или узкой направленности. В качестве проблемных моментов обозначены: некоторая несистемность подхода к разработке профессиональных стандартов, противоречие идей академического и профессионального образования, недостаточный интерес к профессионально-общественной аккредитации на начальном этапе. Предлагается обратить внимание на развитие программ дополнительного профессионального образования, проходящих профессионально-общественную аккредитацию. В сфере финансового образования это позволит компенсировать сокращение доступа к заочной форме обучения (которое может произойти в случае принятия новых образовательных стандартов) и быстрее готовить специалистов с учетом изменений в отрасли и на рынке труда.

Ключевые слова: профессионально-общественная аккредитация, финансовое образование, дополнительное профессиональное образование.

Обзор текущей ситуации

Россия вслед за другими странами внедряет систему профессионально-общественной аккредитации (ПОА) образовательных программ. Законодательной основой этого процесса стала статья 96 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: «пункт 3. Работодатели, их объединения, а также уполномоченные ими организации вправе проводить профессионально-общественную аккредитацию основных профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения и (или) дополнительных профессиональных программ, реализуемых организацией, осуществляющей образовательную деятельность. Пункт 4. Профессионально-общественная аккредитация основных профессиональных образовательных программ, основных программ профессионального обучения и (или) дополнительных профессиональных программ представляет собой признание качества и уровня подготовки выпускников, освоивших такие образовательные программы в конкретной организации, осуществляющей образовательную деятельность, отвечающими требованиям профессиональных стандартов, требованиям рынка труда к специалистам, рабочим и служащим соответствующего профиля».

Вопросы внедрения системы ПОА активно обсуждаются образовательным и научным сообществом [1–10].

Множество организаций уже проводит ПОА от своего имени, но в масштабах страны основным и системообразующим в этой сфере является Национальный совет при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям, созданный в 2014 году. Под его эгидой работает 30 отраслевых советов, в числе которых Совет по профессиональным квалификациям финансового рынка (СПК ФР), осуществляющий свою деятельность в форме ассоциации участников. Функции совета достаточно обширны и охватывают множество направлений, касающихся финансового и образовательного сектора страны. А.В. Мурычев, Д.К. Маштакеева, П.Н. Новиков отмечают: «По сути СПК ФР становится головной организацией, устанавливая в соответствии с Общими требованиями порядок проведения ПОА, критерии

оценки всех видов и уровней образовательных программ финансово-экономического профиля, наделяя соответствующие структуры полномочиями на проведение ПОА, осуществляя мониторинг деятельности аккредитующих организаций, ведя реестр экспертов и размещая его на официальном сайте Совета в сети «Интернет», формируя на основе результатов ПОА рейтинги аккредитованных образовательных программ» [11, с. 25]. СПК ФР уже имеет сеть представительств и партнеров на всей территории страны, а также около двух сотен аккредитованных экспертов ПОА. В разных городах регулярно проводятся научно-практические и образовательные мероприятия, посвященные продвижению ПОА в образовательную сферу.

Внедрение ПОА происходит на фоне постоянных изменений в образовательной системе, а также кризисных процессов в стране и обществе, начавшихся еще в девяностые годы прошлого века.

1. В рамках Болонского процесса финансовое образование было переведено на бакалаврский и магистерский уровни. Большинство обучающихся ограничивается бакалавриатом. Помимо меньшего срока обучения бакалаврские учебные планы имеют сокращение аудиторных часов на 20–30 процентов по сравнению с учебными планами специалитета. Компенсировать отсутствие 5 курса должна магистратура, но большинство обучающихся совмещает ее с работой, что делает запланированную теоретическую и научную подготовку малоэффективной. Студенты просто физически не способны уделять учебе должное количество времени и сил.

2. Выпускники бакалавриата начинают трудовую деятельность на год раньше. Если к этому добавить возрастающую инфантильность и социальную незрелость значительной части молодёжи, оказывается, что работодатели получают кадры, неготовые к самостоятельной деятельности.

3. Частая смена законодательства, образовательных стандартов, реорганизации внутри вузов, перетасовка кадров создают хаос и мешают планомерной образовательной деятельности. Мир меняется, изменения в образовательной системе тоже нужны, но когда они становятся самоцелью и проводятся без учета последствий для общества (а иногда просто под влиянием иностранных «партнеров»), то приносят больше вреда, чем пользы. К сожалению, большая часть изменений до настоящего времени касалась формальной стороны дела (оформление документации, увеличение ее объемов), что никак не сказывается на реальном качестве обучения.

4. В конце девяностых годов финансовое образование было на пике популярности. Объяснялось это высокими зарплатами в финансовом секторе, который стал центральным звеном приватизационных и коммерческих процессов. Самые способные абитуриенты стремились выучиться на финансистов и формировали затем качественный профессиональный состав. В настоящее время лидерство перешло к другим направлениям обучения, что сказалось на уровне подготовки и способностей абитуриентов, желающих получить финансовое образование.

5. Образовательная деятельность сильно коммерциализировалась, и вузы стали зависимыми от количества студентов, формирующих денежные поступления. Это привело к стремлению принимать как можно больше платных студентов, завлекая их легкостью получения диплома, к снижению уровня требований, вытягиванию неуспевающих студентов. Такая политика вузов разрушает академическую атмосферу, деморализует студентов и преподавателей, приводя в конечном итоге к резкому падению фактического качества обучения.

Указанные факторы приводят к снижению уровня культуры, общей образованности и профессиональной подготовки выпускников вузов. Работодатели все больше сталкиваются с затруднениями в поиске работников с достаточным уровнем подготовки. Профессиональные стандарты стали как формой заказа к системе образования, так и формой дополнительного контроля за уровнем подготовки выпускников в условиях, когда диплом даже государственного образца иногда уже ничего не гарантирует.

СПК ФР уже утвердил 31 профессиональный стандарт, ещё более двух десятков стандартов находятся в процессе разработки.

В России перечень финансовых профессий обозначен тремя нормативными документами:

1) Постановление Госстандарта РФ от 26.12.1994 № 367 «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94» (вместе с «ОК 016-94. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов»);

2) ОК 010-2014 (МСКЗ-08) Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст);

3) Приказ Минтруда России от 02.11.2015 № 832 «Об утверждении справочника востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, в том числе требующих среднего профессионального образования».

В таблице 1 приведено сопоставление финансовых профессий с действующими и

Таблица 1

Сопоставление групп финансовых профессий с профессиональными стандартами

Группы профессий	Профессиональные стандарты (принятые / *проекты*)
Агент страховой Помощник актуария Служащий по актуарным расчетам Служащий по страхованию Специалист по актуарной деятельности (актуарий) Специалист по страхованию Страховой агент Страховой брокер Страховой эксперт Управляющий страховым агентством	Специалист по страхованию Страховой брокер Актуарий
Аналитик по облигациям Биржевой маклер Брокер (торговый) Брокер (финансовый) Брокер акций и пакетов Брокер иностранной валюты Брокер по продаже ценных бумаг Брокер по ценным бумагам Брокерский служащий Валютный дилер Дилер Дилер по валютным операциям Дилер по ценным бумагам Дилер фондовой биржи Консультант по ценным бумагам Служащий по ценным бумагам Специалист по форекс-брокериджу Специалист рынка ценных бумаг	Специалист рынка ценных бумаг *Специалист по форекс-брокериджу*
Ассистент бухгалтера Бухгалтер Бухгалтер (средней квалификации) Бухгалтер по налогообложению Бухгалтер-контролер Бухгалтер-ревизор Бухгалтерский служащий Бухгалтерский служащий по первичному учету Бухгалтер-эксперт Главный бухгалтер Заведующий цеховой бухгалтерией Помощник бухгалтера Помощник по ведению бухгалтерского учета Сертифицированный бухгалтер Служащий по учету Счетовод Экономист по бухгалтерскому учету и анализу хозяйственной деятельности	Бухгалтер
Аудитор Аудитор Счетной палаты Российской Федерации Ведущий инспектор в аппарате Счетной палаты Российской Федерации Внутренний аудитор Главный контролер-ревизор Консультант в аппарате Счетной палаты Российской Федерации Контролер (Сберегательного банка) Начальник инспекции в аппарате Счетной палаты Российской Федерации Помощник (советник) аудитора Счетной палаты Российской Федерации Ревизор Руководитель секретариата аудитора Счетной палаты Российской Федерации	Внутренний аудитор Специалист по внутреннему контролю Специалист по финансовому мониторингу (в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма) Аудитор *Финансовый ревизор*

Продолжение таблицы 1

Руководитель Секретариата Председателя Счетной палаты Российской Федерации Специалист по внутреннему контролю (внутренний контролер) Специалист по финансовому мониторингу (в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма) Старший инспектор в аппарате Счетной палаты Российской Федерации Финансовый инспектор	
Аукционист Директор аукциона	–
Главный государственный налоговый инспектор Государственный налоговый инспектор Налоговый служащий Ревизор – инспектор налоговый	*Консультант по налогам и сборам* *Эксперт по налоговым спорам*
Главный казначей Казначей Кассир-эксперт Начальник Главного управления федерального казначейства Главный кассир Специалист казначейства банка	Специалист казначейства банка
Агент банка Главный экономист Директор по экономике Директор управления Сбербанка Заведующий отделом (финансово-экономическим и административным) Инженер-экономист Консультант по экономическим вопросам Менеджер (в финансово-экономических и административных подразделениях (службах)) Начальник отдела (финансово-экономического и административного) Начальник отделения (финансово-экономического и административного) Начальник службы (финансово-экономической и административной) Начальник части (финансово-экономической и административной) Председатель Центрального банка Российской Федерации Президент ассоциации (концерна, корпорации и др.) (общественно-экономической организации) Советник экономический Специалист по финансовому консультированию Специалист по финансовому планированию Специалист Сбербанка Стажер-исследователь (в области экономики) Управляющий имуществом Управляющий отделением (банка и др.) Финансовый директор Финансовый служащий Финансовый управляющий филиала учреждения Экономист Экономист по договорной и претензионной работе Экономист по финансовой работе	Специалист по финансовому консультированию *Специалист по управлению процессами* *Экономист* *Специалист по представительству и продвижению частных и публичных интересов юридических и иных лиц в органах государственной власти и местного самоуправления (лоббист)*
Инвестиционный аналитик Консультант по вопросам инвестиций	*Специалист по работе с инвестиционными проектами*
Инспектор кредитный Кредитный агент Кредитный брокер Специалист по ипотечному кредитованию Специалист по корпоративному кредитованию	Специалист по ипотечному кредитованию Специалист по корпоративному кредитованию Специалист по кредитному брокериджу Специалист по микрофинансовым организациям Специалист по работе с залогами Специалист по факторинговым операциям

Окончание таблицы 1

Специалист по кредитному брокериджу Специалист по лизинговым операциям Специалист по микрофинансовым операциям Специалист по потребительскому кредитованию Специалист по работе с залогами Специалист по работе с просроченной задолженностью Специалист по факторинговым операциям	Специалист по работе с просроченной задолженностью Специалист по потребительскому кредитованию Специалист по лизинговой деятельности
Оценщик Оценщик недвижимости Специалист в оценочной деятельности Эксперт саморегулируемой организации оценщиков	Специалист в оценочной деятельности
Специалист операций на межбанковском рынке	Специалист операций на межбанковском рынке
Специалист по автоматизированным банковским системам Специалист по дистанционному банковскому обслуживанию Специалист по платежным системам Специалист по платежным услугам (транзакционному бизнесу)	Специалист по платежным системам Специалист по платежным услугам Специалист по дистанционному банковскому обслуживанию *Специалист по автоматизированным банковским системам*
Специалист по банковскому делу	*Специалист по банковскому делу*
Специалист по операциям с драгоценными металлами	Специалист по операциям с драгоценными металлами
Специалист по управлению рисками Специалист по экономической безопасности	Специалист по управлению рисками *Специалист по экономической безопасности*
Товарный брокер Товарный дилер Торговый брокер	*Специалист в области маркетинга (маркетолог)*
Финансовый аналитик Экономический аналитик	*Бизнес-аналитик*
–	Специалист по организации персонифицированного учета пенсионных прав застрахованных лиц Специалист по организации и установлению выплат социального характера Специалист по организации назначения и выплаты пенсии Специалист по организации администрирования страховых взносов *Специалист в области государственного партнерства* *Специалист арт-рынка* *Предприниматель* *Арбитражный управляющий* *Эксперт-техник (эксперт независимой технической экспертизы колесных транспортных средств)*

Источник: разработано автором

разрабатываемыми профессиональными стандартами.

Перечень профессиональных стандартов в целом покрывает набор финансовых профессий. Незатронутыми пока остались профессии, связанные с аукционной деятельностью. Но даже в масштабах всей страны потребность в таких специалистах невелика.

По состоянию на июнь 2018 года процедуру ПОА под эгидой СПК ФР прошли 20 магистерских программ, 1 специалитет, 7 бакалавриатов, 6 программ среднего профессионального образования в 13 образовательных организациях. Самыми востребованными оказались профессиональные стандарты «Специалист по финансовому консультированию», «Специалист по управлению рисками», «Специалист рынка ценных бумаг», «Бухгалтер».

Постановка проблем

Проведенное рассмотрение состояния дел в сфере ПОА образовательных программ финансовой направленности выявило ряд проблемных моментов.

1. Отсутствие системного подхода в разработке профессиональных стандартов. Некоторые профессиональные стандарты носят очень узкий характер, другие, наоборот, включают широкий спектр видов деятельности. Например,

профессиональный стандарт «Специалист по банковскому делу» (проект) содержательно вмещает много других стандартов по банковской деятельности. Имеется ряд профессиональных стандартов, принятых под узкокорпоративные нужды. Очевидно, что разработка профессиональных стандартов имеет некоторую предысторию, которая привела к такой ситуации.

2. Деятельность по стыковке профессиональных стандартов с образовательными программами имеет некоторое противоречие с общими целями образования. Интересы системы образования и рынка труда изначально не тождественны. В процессе образования человек прежде всего реализует свою потребность в познании и развитии, формирует кругозор и собственную культуру, созревает как личность. Важно, чтобы образование носило всесторонний характер и формировало целостное системное мировоззрение, самостоятельность и критичность мышления. Профессиональные знания и навыки накладываются уже на следующем этапе. Рынок труда рассматривает образовательный процесс более утилитарно, так как заинтересован в быстром и эффективном результате. Очень часто, несмотря на публичные рассуждения, работодателей интересуют узкие фрагментарные знания и умения, обеспечивающие выполнение нужных функций на конкретном рабочем месте. По мнению А.В. Моисеева, Д.К. Маштакеевой, П.Н. Новикова, «достигнуто понимание того, что для бизнеса, для участников финансового рынка важна модель высшего образования, которая формируется под влиянием его запросов, направлена на подготовку кадров, отвечающих потребностям рынка труда. Однако у высшего образования есть и другие функции: социализация выпускников, повышение возможности людей участвовать в культурной жизни общества, способствовать эффективности экономического развития страны» [12, с. 36]. Узкопрофессиональный подход опасен подготовкой специалистов, неспособных улавливать системность явлений и причинно-следственные связи. Такие люди легче поддаются манипулированию, также им тяжелее переучиваться в случае необходимости.

3. Малый спрос на проведение ПОА. Пока эта процедура почти не востребована образовательными организациями. Новые образовательные стандарты предполагают привязку образовательных программ к выбранным профессиональным стандартам, но большинство таких образовательных стандартов еще находится в стадии проекта. Также этими стандартами предусмотрено использование ПОА (на добровольной основе, как инструмента внешней оценки качества обучения). На нынешнем этапе уже созданная внушительная структура из представительств и партнеров СПК ФР, а также экспертов пока остаётся в большей части невостребованной.

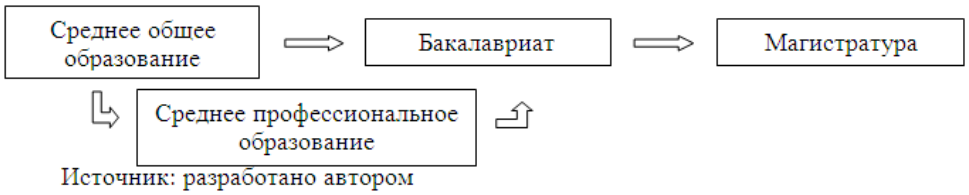
4. Проекты новых бакалаврских стандартов не предполагают возможности получения первого высшего образования на заочной форме. Заочное образование давно подвергается критике по причине более низкого качества. Но оно выполняет свою особую функцию в обществе и вносит лепту в общий образовательный уровень населения. Для большого количества людей по причине разных личных и жизненных обстоятельств заочное обучение является единственным способом получения профессии, требующей высшего образования. Отмена заочного обучения может привести к серьезным и долгосрочным социальным последствиям. Известна народная мудрость: чем больше людей на школьной скамье, тем меньше на скамье подсудимых. В этом контексте любая возможность и интерес людей к получению образования важны для государства.

Предложения

Обозначенные проблемы предполагают комплекс мероприятий по их решению.

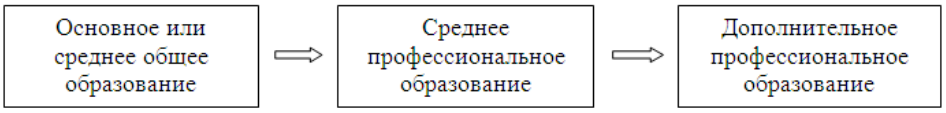
1. Дальнейшую деятельность по разработке и утверждению профессиональных стандартов необходимо тщательнее систематизировать. Для этого прежде всего нужно провести классификацию профессий финансовой направленности. Ни один из действующих нормативных документов не содержит их полного перечня. Дальше следует ранжировать профессии по количеству людей, на них занятых. В первую очередь требуется разработка профессиональных стандартов для профессий с большим количеством рабочих мест в стране. При этом необходимо избегать содержательного дублирования и вложенности одних профессиональных стандартов в другие.

2. При разработке образовательных программ важно соблюдать баланс между широтой охвата фундаментального образования и узкостью профессиональных стандартов. Во все времена разносторонне подготовленные специалисты способны приносить больше пользы и быстрее адаптироваться к переменам. Широта подготовки имеет большее значение на уровне бакалавриата, формирующем профессиональное мировоззрение. Идея сочетания общекультурной и профессиональной подготовки всегда закладывается в образовательные стандарты, но требуется больше вдумчивости от разработчиков образовательных программ, которые иногда идут по пути упрощения содержания с целью



Источник: разработано автором

Рис. 1. Стандартная образовательная траектория



Источник: разработано автором

Рис. 2. Образовательная траектория на основе дополнительного профессионального образования

более легкого прохождения государственной аккредитации и возможных проверок. Здесь необходимо согласиться с А.В. Моисеевым, А.В. Мурычевым, Д.К. Маштакеевой, П.Н. Новиковым: «сегодня, в условиях рыночной экономики, единичный, конкретный работодатель в большей мере заинтересован в наличии у работника компетенций для профессионального выполнения конкретного (но не обязательно узкого) вида работ, что предполагает достаточно узкую профессиональную ориентацию самого образования. Но наряду с этим в рамках инновационной экономики ускоряющимися темпами обновляются технологии производства, его организация. Соответственно, быстро меняется содержание труда всех категорий работников, при этом общей тенденцией становятся его возрастающая интеллектуализация, инновационный характер, индивидуальная и коллективная ответственность работников за результаты своей деятельности. Эти обстоятельства выдвигают в первую очередь требования подготовки работника более широкого профессионального профиля, не замыкающегося на узком круге конкретных видов труда» [13, с. 57–58].

3. Решением проблемы невостребованности ПОА и сокращения доступа к заочному обучению может стать переосмысление массовых образовательных траекторий.

Для лиц, имеющих возможность обучения на очной или очно-заочной формах, образовательная траектория имеет стандартный вид (рис. 1).

Профессиональные образовательные программы на всех уровнях могут иметь ПОА, а могут пока и не иметь. Востребованность выпускников во многом обеспечивается наработанным авторитетом и известностью образовательной организации.

Для лиц без высшего образования и не имеющих возможности его получения на очной или очно-заочной формах следует сделать упор на качественные программы дополнительного профессионального образования (ДПО) (рис. 2).

Новые образовательные стандарты СПО финансовой направленности (как и прежние) предусматривают заочную форму обучения. Некоторые уровни квалификации отдельных профессиональных стандартов финансовой направленности допускают наличие ДПО в качестве альтернативы высшему образованию. Это открывает возможности по компенсации сокращения доступа к заочному высшему образованию развитием системы ДПО, которое пока уступает по статусу, но имеет ряд явных преимуществ.

1. Возможность поступления без вступительных испытаний. Это важный момент для людей, загруженных работой или давно получивших предыдущее образование. Действующая ныне система ЕГЭ ориентирована больше на выпускников школ и является серьезным препятствием для других категорий лиц.

2. Более короткий срок обучения. Предполагается, что общекультурное и общепрофессиональное образование уже получено на уровне СПО и предстоит освоение только узких профессиональных знаний и умений, обусловленных профессией.

3. Более низкая стоимость обучения делает его доступнее для широких слоев населения. В России большая часть людей не имеет высоких доходов (особенно в провинции). Если на уровне СПО имеются бюджетные места, то для ДПО их не предусматривается.

4. Программы ДПО не требуют государственной аккредитации и практически не подлежат проверкам. Это дает большую свободу образовательным организациям при установлении содержания и способов организации учебного процесса. Программы можно гибко подстраивать под профессиональные стандарты и потребности рынка.

В складывающейся ситуации ДПО представляется очень эффективным и перспективным

способом получения профессионального образования для широких слоев населения. Для повышения статуса и оценки со стороны работодателей программы ДПО должны проходить ПОА, которая предъявляет содержательные требования к качеству обучения (в отличие от по большей части формальных документальных требований Рособрнадзора). Для реализации программ ДПО следует в большей части привлекать опытных практиков. Образовательные организации могут выстроить обширную систему ДПО, в том числе опираясь на ещё оставшиеся филиалы. Это будет решать задачу подготовки кадров в регионах.

Выводы

В России формирование системы ПОА находится в стадии становления. Проделана немалая работа по созданию сети уполномоченных организаций и подготовке экспертов, которые под эгидой СПК ФР способны проводить процедуру. Внедрение ПОА обусловлено как влиянием мировых тенденций, так и попыткой повысить содержательное качество профессионального образования. На уровне высшего образования ПОА пока мало востребована, изменения могут произойти после массового утверждения ФГОС 3++.

Перспективным направлением деятельности в масштабах всей страны является создание мощной системы ДПО с ПОА, которая способна заменить заочное высшее образование, фактически исчезающее по финансовым специальностям в случае утверждения новых образовательных стандартов. ПОА способна придать программам ДПО большую популярность и обеспечить более высокое качество обучения. В итоге это дает экономике более подготовленных специалистов и предоставляет людям больше возможностей для получения образования.

Список литературы

1. Алексашина Е.С., Горбунова О.Н. Профессиональные стандарты в образовании с учетом потребности цифровой экономики России // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 204–209.

2. Бережков А.В., Горлушкина Н.Н., Шиков А.Н., Степанищева А.А. Профессионально-общественная аккредитация образовательных программ: оценка состояния и развития в России // Успехи современной науки и образования. 2017. № 8. С. 123–130.

3. Бычкова С.М., Андреева О.О. Профессионально-общественная аккредитация в российской системе профессиональных квалификаций в финансовой отрасли // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2017. № 5. С. 75–79.

4. Ганн Е.А., Беликова Е.В., Алпатов А.А. Профессионально-общественная аккредитация образовательных программ: юридические рамки и социально-экономические перспективы становления // Вестник Международного института экономики и права. 2016. № 2 (23). С. 53–80.

5. Маштакеева Д.К., Новиков П.Н., Нурмухаметов Р.К. Новый справочник профессий и современные тенденции их развития на финансовом рынке // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 15 (97). С. 44–49.

6. Мурычев А.В., Маштакеева Д.К., Новиков П.Н. Профессиональные квалификации на финансовом рынке России // Профессионал. Финансы. 2017. № 2. С. 18–28.

7. Мурычев А.В., Новиков П.Н., Нурмухаметов Р.К. Профессиональные стандарты деятельности специалистов финансового рынка в контексте развития цифровой экономики // Финансовый журнал. 2018. № 2 (42). С. 73–83.

8. Новиков П.Н., Новикова Т.Р. Профессиональные стандарты финансовой деятельности – понятийный аппарат // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 31 (316). С. 18–27.

9. Поволоцкая О.А. Профессионально-общественная аккредитация и ее роль в функционировании системы высшего образования в России // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. 2017. № 6. С. 99–111.

10. Строев В.В., Куликова Т.Б., Демашова Ю.А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в институте профессионально-общественной аккредитации образовательных программ // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 4 (30). С. 151–156.

11. Мурычев А.В., Маштакеева Д.К., Новиков П.Н. Развитие системы профессиональных квалификаций финансового рынка России // Деньги и кредит. 2017. № 8. С. 18–25.

12. Моисеев А.В., Маштакеева Д.К., Новиков П.Н. Формирование и развитие системы профессиональных квалификаций финансового рынка // Финансовый журнал. 2016. № 2 (30). С. 28–40.

13. Моисеев А.В., Мурычев А.В., Маштакеева Д.К., Новиков П.Н. О деятельности Совета по профессиональным квалификациям финансового рынка // Финансовый журнал. 2017. № 1 (35). С. 52–62.

PROFESSIONAL AND PUBLIC ACCREDITATION OF EDUCATIONAL PROGRAMS IN THE AREA OF FINANCE

S.S. Kvashnin

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In Russia, professional and public accreditation is a rather new tool for assessing education quality. By using this tool, the professional community tries to influence the process of training in educational organizations. Significant efforts are being undertaken in the country to establish professional standards and to set up accrediting organizations. Using the example of the Council for professional qualifications of the financial market, we analyze the current situation in the field of professional and public accreditation of educational programs in the area of finance. A comparison of professional standards with the list of financial professions is carried out. It is revealed that most financial professions are already covered by professional standards of broad or narrow specialization. We note some areas of concern, including a lack of systemic approach to the development of professional standards, a conflict of ideas of academic and professional education, insufficient interest in professional and public accreditation at the initial stage. It is proposed to pay attention to the development of additional professional education programs that undergo professional and public accreditation. In the area of financial education, these measures will serve to compensate for the reduction of access to studies by correspondence (which may occur if new educational standards are adopted) and to train specialists more quickly taking into account changes in the sector and in the labor market.

Keywords: professional and public accreditation, financial education, additional professional education.

УДК 378

ВОЗМОЖНОСТИ ОПТИМИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРА-ЭКОНОМИСТА

© 2018 г.

В.М. Соколов

Соколов Владимир Михайлович, д.пед.н.; профессор кафедры педагогики
и управления образовательными системами
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sok.vladimir@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2018
Статья принята к публикации 31.10.2018

Обсуждается подход к анализу содержания программ учебных дисциплин математики в подготовке экономистов – академических бакалавров, базирующийся на согласованном использовании методов матриц логических связей и парных сравнений содержания программ учебных дисциплин математики известных университетов России. Утверждается, что такой подход позволяет объективированно выделить системные связи в содержании дисциплин и стать основой совершенствования их содержания с перспективой более обоснованного определения наиболее значимых его элементов. Обосновывается целесообразность использования представленных методов для объективизации экспертных заключений о значимости элементов содержания учебных дисциплин для присвоения выпускниками профессиональных компетенций.

Ключевые слова: программы учебных дисциплин математики, методы матриц логических связей и парного сравнения содержания программ, целенаправленные системные связи элементов содержания.

Введение

Назначение статьи – представить подход и результаты анализа содержания учебных дисциплин математического блока в подготовке академического бакалавра-экономиста, который позволяет более объективированно оценивать значимость составляющих содержания математических дисциплин. Это может стать основой совершенствования системно связанных рабочих программ цикла математических дисциплин в учебных планах подготовки бакалавров-экономистов.

Методика исследования

Построение рабочих программ учебных дисциплин (отбор конкретного содержания; понятийного аппарата; связей, последовательности тем; объемов времени, отводимых на усвоение тем, разделов) определяется преподавателем – составителем программы и утверждается кафедрой, деканатом, иногда и руководством вуза. Понимая, что утвержденная рабочая программа дисциплины является лишь формализованной установкой реализации учебного процесса, мы считаем, что такие программы (как наблюдаемые объекты) можно использовать для исследования содержания учебных дисциплин, реализуемых в разных вузах. Естественно, что содержание этих программ отображает традиции вузов, их кафедр, обеспечивающих данные дисциплины, учебных пособий, принятых профессиональным сообществом.

Сегодняшняя проблема в том, что система образования, отвечая на изменения, происходящие в России и в мире (см., например, [1]), вынуждена довольно быстро меняться. Откликом на эти изменения стало введение в российском высшем образовании многоуровневой структуры с массовым первым уровнем подготовки – бакалавриатом. Такое изменение после многих лет подготовки выпускников-специалистов и уже не одного года существования до сих пор требует существенного анализа, исследования и совершенствования целей и содержания обучения. Совершенствования с пониманием дифференциации не только требований работодателей выпускников, но и спектра их намерений – от продолжения обучения в магистратуре, профессиональной прикладной специализации по выбранному при поступлении или иному направлению подготовки до удовлетворенности полученным высшим образованием на уровне бакалавра. Именно на объективированность проектирования содержания и целей учебных дисциплин, как системных промежуточных целей подготовки выпускника, направлены методы исследования содержания обучения, которые представлены в статье.

В нашем случае речь пойдет об анализе роли, значимости системно связанных составляющих содержания учебных математических дисциплин

для экономистов, которые, взаимосодействуя в процессе обучения, ориентированы на формирование базовых компетенций – элементов профессиональной компетентности выпускника.

Специфика дисциплин математического блока в подготовке бакалавров-экономистов в том, что они осваиваются на начальном этапе профессионального обучения и фактически представляют собой будущий инструмент профессионального обучения и деятельности профессионального экономиста, что не может не сказываться на мотивированности их усвоения. Важнейший аспект математики – развитие абстрактного логического мышления, существенно зависящий не столько от содержания, сколько от методов обучения, при перегрузке содержания в ограниченном объеме времени на его усвоение не может компенсировать потерю мотивированности студентов. Это существенно повышает значимость обсуждаемых в статье подходов к оптимизации содержания учебных дисциплин математического блока.

Приоритетное обсуждение содержания обучения не означает принижение значимости таких важных компетенций выпускника-бакалавра, как коммуникативность, адекватность его поведения в обществе, однако эти аспекты воспитания выходят за пределы статьи.

При таком ограничении наша задача сводится к анализу роли и значимости взаимосогласованных составляющих содержания учебных дисциплин математического блока в успешном освоении профессиональных дисциплин основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) академического бакалавра (направление подготовки 38.03.01 «Экономика»), с учетом развития его познавательного, творческого потенциала.

Занимаясь ранее анализом связей и значимости элементов содержания конкретных учебных дисциплин математического блока, мы использовали метод матриц логической связи (МЛС) [2–4], позволяющий оценивать значимость элементов содержания дисциплины по связям МЛС (см., например, [4]). В статье аспирантки кафедры педагогики и управления образовательными системами ННГУ М.В. Котельниковой [5] в качестве дополнительного метода анализа содержания был использован метод парных сравнений на примере содержания учебной программы курса «Линейная алгебра». Метод парных сравнений программ стимулирован идеями подходов к принятию многокритериальных решений [1]. Процедура сравнений такова: 1) попарно сравниваются таблицы содержания программ, в результате чего выделяется их общая смысловая часть (инвариант содержания); 2) попарное сравнение инвариантов содержания позволяет выделить инвариант содержания всех программ, участвующих в сравнениях.

Результаты и обсуждение

Нужно заметить, что процедура сравнения содержания учебных программ не столь проста и однозначна, как это можно было предположить для традиционных математических дисциплин, поскольку не только распределение тем по времени изучения общих элементов содержания, но и их представление по разделам дисциплины значительно различается в разных программах. В разных программах содержание разделов даже с одинаковыми названиями может не совпадать, не говоря уже о желательной идентичности названий используемых понятий. В связи с этим эксперту, проводящему сравнения, приходится ориентироваться на смысловую идентичность выделяемого содержания. Чтобы сделать экспертный выбор наблюдаемым, предлагается использовать цветовое окрашивание участков общего содержания (в отличие от статьи [5]), что сделает выделение инварианта содержания более убедительным. Приведем в качестве примера (табл. 1) такой процедуры только малую часть сравнения пары программ эконометрики Московского открытого института [6] и Пермского филиала ВШЭ [7].

Невыделенные элементы содержания в программе Московского открытого института на этом участке примера сравнения далее могут быть идентифицированы с содержанием программы филиала ВШЭ.

Результатом описанной процедуры парного сравнения становится список общих тем (инвариант содержания) рассмотренных рабочих программ учебной дисциплины «Эконометрика».

Выбор для примера учебной дисциплины «Эконометрика», формально не входящей в блок математических дисциплин направления подготовки 38.03.01 «Экономика», определен ролью, которую играет эта дисциплина в процессе профессионального обучения, являясь количественным (в современной ситуации – цифровым) инструментом в общеспециальной и специальной подготовке экономистов. Именно на усвоение этой дисциплины «работают» традиционные учебные дисциплины: «Линейная алгебра»; «Математический анализ»; «Теория вероятностей и математическая статистика».

Что же дает выделенный инвариант содержания? Во-первых, отображая общее мнение разработчиков программы учебной дисциплины, он претендует на отображение ее минимально достаточного содержания. Во-вторых, в

Таблица 1

Пример выделения цветом общего содержания небольшого участка пары программ учебной дисциплины «Эконометрика»

Пермский филиал ВШЭ, 2014	Московский открытый институт, 2016
Тема 1. Основные понятия и определения, цель и задачи эконометрики. Особенности эконометрических моделей. Предмет и содержание курса «Эконометрика». Задачи эконометрики в области социально-экономических исследований. Понятие эконометрической модели. Основные этапы эконометрического моделирования. Информационные технологии в эконометрических исследованиях. Классификация переменных в эконометрических моделях. Понятия специфики и идентификации модели. Классификация эконометрических моделей. Примеры эконометрических моделей	Тема 1. Эконометрическое моделирование. Предмет и содержание курса «Эконометрика». Некоторые сведения об истории возникновения эконометрики. Становление эконометрики. Задачи эконометрики в области социально-экономических исследований. Понятие эконометрической модели. Основные этапы эконометрического моделирования. Информационные технологии на базе ПЭВМ в эконометрических исследованиях. Классификация переменных в эконометрических моделях. Понятия спецификации и идентифицируемости модели. Примеры эконометрических моделей (модель предложения и спроса на конкурентном рынке)
Тема 2. Классическая линейная модель множественной регрессии (КЛММР). Основные понятия и задачи регрессивного анализа. Двумерная линейная регрессивная модель. КЛММР в матричном виде. МНК-оценки коэффициентов регрессии. Теорема Гаусса–Маркова. Оценка дисперсии ошибок. Оценка ковариационной матрицы оценок коэффициентов регрессии. Дисперсионный анализ регрессионной модели. Коэффициент детерминации и его свойства. Скорректированный коэффициент детерминации. Проверка гипотезы о нормальном распределении остатков модели. Оценка значимости уравнения в целом, оценка значимости отдельных коэффициентов регрессии. Построение интервальных оценок параметров регрессионной модели. Оценка эластичности объясняемой переменной в регрессионной модели. Прогнозные оценки значений зависимой переменной	Тема 2. Линейные и нелинейные модели парной регрессии. Спецификация модели: уравнение простой регрессии; понятие случайной величины; ошибки спецификации и измерения; основные типы кривых, используемые при количественной оценке связей между двумя переменными. Линейная регрессия и корреляция: смысл и оценка параметров. КЛМР в матричном виде. МНК-оценки коэффициентов регрессии. Свойства оценок МНК. Оценка дисперсии ошибок. Оценка ковариационной матрицы оценок коэффициентов регрессии. Дисперсионный анализ регрессионной модели. Коэффициент детерминации и его свойства. Скорректированный коэффициент детерминации. Проверка гипотезы о нормальном распределении остатков модели. Оценка значимости уравнения в целом, оценка значимости отдельных коэффициентов регрессии. Построение интервальных оценок параметров регрессионной модели. Оценка эластичности объясняемой переменной в регрессионной модели. Прогнозные оценки значений зависимой переменной

гипотезе о роли современного содержания курса «Эконометрика» он отражает значимость выделенных элементов содержания дисциплины. В-третьих, этот список ориентирует на приоритетный уровень усвоения системного комплекса тем, определяя объем времени (прежде всего, практических занятий), отводимый на их отработку.

Следуя принципу системности и наблюдаемости (которую можно связывать с количественными оценками), представим цепочки связи содержания учебных дисциплин математики с темами содержания курса «Эконометрика». Цепочки связей элементов содержания эконометрики с элементами содержания курсов математики, учитывая объемы программ этих дисциплин и ограниченный объем данной статьи, представим матрицами логических связей (МЛС), заимствованными из прежних публикаций [2–5], с темами содержания курса «Эконометрика».

Напомним: единица на пересечении столбцов и строчек МЛС (табл. 2) означает, что для успешного усвоения данной темы (номер столбца в верхней строчке матрицы; в нашем случае это «Эконометрика») требуется усвоение другой темы (в нашем случае – курса «Линейная алгебра», конкретный номер строчки в первом столбце матрицы); частота использования (столбец S в табл. 2) определяется средним по строчке значением. В методе МЛС это число связывается со значимостью соответствующего элемента для успешного восприятия и усвоения содержания учебной дисциплины, содержание которой представлено в верхней строчке (Эконометрика).

МЛС дисциплин «Линейная алгебра» (общая часть попарных сравнений трех программ (номера строк и строки) – табл. 3 и «Эконометрика» (номера столбцов и столбцы) такова: 1) предмет эконометрики; 2) повторение теории вероятностей и математической статистики; 3) линейная регрессия с одной объясняющей переменной; 4) степень

Таблица 2

Матрица логических связей содержания дисциплин «Линейная алгебра» и «Эконометрика»

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	S
1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0.06
2	1	0	1	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0.29
3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
4	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 3

Общая часть (Инвариант содержания) программ дисциплины «Линейная алгебра» [5]

I. Матрицы
Действия над матрицами. Свойства. Определители второго и третьего порядка, свойства. Обратная матрица
Применение матричного исчисления к решению прикладных задач
II. Системы линейных уравнений
Методы Гаусса и Крамера. Базовые, свободные переменные. Теорема Кронекера–Капелли. Общее решение неоднородных систем. Фундаментальное решение
III. Векторные пространства
Векторные пространства. Арифметическое Rn. Операции с векторами, их свойства. Линейно зависимые/независимые системы векторов. Базис и размерность пространства. Подпространства векторного пространства. Линейная оболочка системы векторов
Ранг системы векторов, вычисление ранга методом элементарных преобразований и с помощью миноров
IV. Собственные векторы и собственные значения
Собственные числа, собственные векторы
V. Квадратичные формы
Квадратичная форма, матрица квадратичной формы. Приведение квадратичной формы к каноническому виду (произвольным невырожденным преобразованием, ортогональным преобразованием). Положительно (отрицательно) определенные формы. Критерий Сильвестра

Таблица 4

Частотность использования общих разделов «Линейной алгебры» в дисциплинах «Математический анализ» и «Эконометрика» [4]

Раздел	Частотность в МЛС «Алгебра – Математический анализ»	Частотность в МЛС «Линейная алгебра – Эконометрика»
1. Матрицы	0.18	0.06
2. Системы линейных уравнений	0.00	0.29
3. Векторные пространства	0.00	0.00
4. Собственные векторы и собственные значения	0.00	0.00
5. Квадратичные формы	0.09	0.00

соответствия линии регрессии имеющимся данным; 5) классическая линейная регрессия для случая одной объясняющей переменной; 6) множественная линейная регрессия; 7) коэффициент множественной детерминации; 8) проверка линейных гипотез для коэффициентов множественной регрессии; 9) фиктивные переменные. Исследование структурной устойчивости коэффициентов регрессии с помощью теста Чоу; 10) выбор функциональной формы модели; 11) ошибки спецификации модели; 12) мультиколлинеарность; 13) гетероскедастичность; 14) автокорреляция; 15) модели бинарного выбора; 16) введение в теорию временных рядов; 17) моделирование по данным временных рядов.

Особый интерес представляет таблица, отражающая частоту использования связей элементов содержания дисциплин «Линейная алгебра», «Математический анализ», «Эконометрика» (табл. 4) [5].

Если учесть, что элементы содержания линейной алгебры не используются в дисциплине «Теория вероятностей и математическая статистика», следует признать, что в таблице 4 отражена цепочка значимости элементов содержания дисциплины «Линейная алгебра». Невысокая величина частоты использования в этой цепочке должна заставлять разработчиков рабочих программ учебных дисциплин и учебных планов задуматься об уровнях усвоения конкретных элементов содержания и времени, которое отводится на усвоение элементов содержания в соответствии с их значимостью.

Другая цепочка связей содержания учебных дисциплин от математического анализа к теории вероятностей и математической статистике

(МЛС математического анализа и эконометрики обсуждались в [4; 5]) и особенно от теории вероятностей и математической статистики к эконометрике, конечно, будет более насыщенной, но, не имея отработанных результатов анализа, обсуждать это в данной статье нецелесообразно.

Заключение

Таким образом, нами показана целесообразность использования методов объективизации экспертных заключений о значимости элементов содержания учебных дисциплин как промежуточных целей их целостного усвоения, определяющего в свою очередь присвоение выпускникам профессиональной квалификации.

Список литературы

1. Новиков А.М. Проблемы подготовки кадров для постиндустриальной экономики // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 5–22.

2. Котельникова М.В., Соколов В.М. «Линейная алгебра» в математическом цикле подготовки бакалавров-экономистов: анализ содержания // Нижегородское образование. 2014. № 4. С. 125–131.

3. Котельникова М.В., Соколов В.М. Об анализе содержания курса математического анализа для экономистов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5 (2). С. 86–89.

4. Котельникова М.В., Соколов В.М. Связи содержания дисциплин математического блока в подготовке экономиста-бакалавра // Разработка образовательных программ в условиях повышения конкурентоспособности экономического образования: Сборник тезисов докладов и статей Методической конференции ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 6–8 февраля 2017 г. / Отв. ред. А.О. Грудзинский. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. С. 49–57.

5. Котельникова М.В. Об оптимизации содержания дисциплины «Линейная алгебра» для бакалавров-экономистов на основании анализа учебных программ ведущих российских вузов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 192–198.

6. Рабочая программа дисциплины «Эконометрика». Направление подготовки: 38.03.01 Экономика. Квалификация выпускника: Бакалавр. Форма обучения: очная / Московский открытый институт. М., 2016. Режим доступа: http://moi.edu.ru/assets/File/education/rpd_e/13%20%D0%AD%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%91%D0%90%D0%9A_%D0%AD__%D0%BE%D1%87.pdf (дата обращения: 31.12.2016).

7. Программа дисциплины «Эконометрика» для направления 080100.62 Экономика подготовки бакалавра / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Факультет экономики. Пермь, 2014. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2014/10/14/1100495165/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%20%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B5.pdf (дата обращения: 13.03.2016).

OPPORTUNITIES FOR OPTIMIZING THE CONTENT OF MATHEMATICAL DISCIPLINES IN THE PREPARATION OF BACHELOR ECONOMISTS

V.M. Sokolov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article discusses the approach to analyzing the content of mathematics curriculum programs in the training of economists within the framework of an academic bachelors program. This approach is based on the coordinated use of the methods of logical matrices and pairwise comparisons of the mathematics curriculum programs of major Russian universities and makes it possible to objectively identify systemic relations in the content of disciplines. It can also provide the basis for improving their content with the prospect of a more informed definition of its most significant elements. The article substantiates the expediency of using the proposed methods for the objectification of expert opinions on the importance of particular content elements of educational disciplines as intermediate goals for their coherent learning, which in turn determines the development of professional competency by graduates.

Keywords: programs of educational disciplines in mathematics, methods of logical matrices and pairwise comparison of program content, targeted systemic relations of content elements.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (52)

2018

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 20,6. Усл. печ. л. 17,8. Тираж 100 экз. Заказ № 7.
Дата выхода в свет: 29.12.2018
Свободная цена

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет